ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Гаджиев Нурислам Гаджиризаевич

ФОНЕТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КЕРЕНСКОГО ДИАЛЕКТА АГУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Специальность
10.02.02 – «Языки народов Российской Федерации
(Кавказские языки)»

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор педагогических наук,
профессор Загиров З.М.

Махачкала 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Объектом диссертационной работы служат фонетико-морфологические и лексические особенности керенского диалекта, который занимает крайнюю юго-западную периферию агульской языковой плоскости.

Актуальность темы. Изучение диалектной системы на фонетико-морфологическом и лексическом уровнях как агульского, так и других дагестанских языков является актуальной задачей дагестанского языкознания.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена необходимостью всестороннего и глубокого анализа материала отдельно взятых диалектов и на этой основе выявить языковые связи, возникающие как в общей системе агульских диалектов, так и выходящие за пределы агульского пространственного континуума.

Слабая изученность вопросов сравнительной и ареальной лингвистики в дагестанских языках и возможность использования методов сравнительной и ареальной лингвистики при исследовании агульских диалектов определяют необходимость разработки указанной темы в сравнительном и ареальном аспектах. В этой связи изучение диалектов агульского и дагестанских языков в этом плане является актуальной задачей современного дагестанского сравнительно-исторического языкознания.

Выбор темы обусловлен тем, что керенский диалект на всех трёх уровнях - фонетическом, морфологическом и лексическом – еще не был объектом монографического исследования. Актуальность настоящего исследования усиливается тем, что в нем языковые факты керенского диалекта последовательно рассматриваются во взаимосвязи с фактами других агульских диалектов, близкородственных лезгинских, а также иных дагестанских языков. Предшествующими же авторами, исследовавшими отдельные диалекты дагестанских языков, работы в основном строятся на

сравнении материала изучаемого диалекта с материалом литературного языка (или опорного диалекта) и лишь немногими из них для сравнения привлекаются данные других диалектов.

Вышеизложенное свидетельствует о необходимости монографического исследования керенского диалекта на всех трёх языковых уровнях (фонетическом, морфологическом и лексическом), глубоко проникая в сущность языковых явлений, основываясь на выявлении как междиалектных связей, так и связей с другими языками.

Цель и задачи исследования. Целью реферируемого диссертационного исследования является сравнительно-исторический анализ керенского диалекта агульского языка на уровне фонетики, морфологии и лексики.

Исходя из цели исследования ставятся и решаются следующие задачи:

- устанавливаются неоднородный / нецелостный характер керенского диалекта и значительные фонетико-морфологические расхождения, которые наблюдаются в речи жителей населенных пунктов, входящих в его состав; на основе этих различий выделяются три говора – ричинский, бедюкский и усугский;

- выявляются связи между керенским диалектом и другими диалектами в области фонетики, морфологии и лексики;

- определяется состав гласных и согласных керенского диалекта;

- рассматриваются отличительные черты, которые выявляются в керенском диалекте в сравнении с другими диалектами в области фонетики, морфологии и лексики;

- определяется система местных падежей, которая по говорам имеет различия, и восстанавливается исходное состояние этой системы;

- рассматриваются инновационные и архаические черты, характеризующие описываемый диалект.

Источники исследования включают материалы, записанные автором в 2003-2005 гг. непосредственно у носителей керенского диалекта в местах их

компактного проживания и студентов-керенцев, которые обучаются в вузах и педколледже города Дербента. Другими источниками служат материалы, извлеченные из различных сравнительно-исторических и лексикографических работ, которые содержат агульский материал. В первую очередь, к ним относятся известные исследования, посвященные агульскому языку и его диалектам [Дирр 1907; Шаумян 1941; Магометов 1970; Сулейманов 1993; Тарланов 1994].

Методологической и теоретической базой исследования послужили работы известных отечественных и зарубежных ученых, чьи работы посвящены диалектологическим разработкам (Р.И. Аванесов, В,М. Жирмунский, П.С. Кузнецов, А. Бах и др.). При написании нашего исследования в первую очередь мы опирались на опыт, который накоплен в дагестанской диалектологии, основу которой составляют труды Ш.И. Микаилова, У.А. Мейлановой, Р.И. Гайдарова, М.М. Гаджиева, Р.М. Шаумяна.

Теоретическая значимость работы: Исследование отдельно взятого диалекта путем выявления всех языковых его связей с общей диалектной системой агульского языка вносит определенный вклад в изучение не только агульских диалектов, но и в изучение диалектов других дагестанских языков. Полученные результаты диссертационного исследования и значительный языковой материал, вводимый в научный обиход, создают прочную базу для дальнейших глубоких разработок вопросов сравнительно-исторической грамматики дагестанских языков.

Практическая ценность работы состоит в том, что результаты её могут быть использованы при составлении учебников для школ и вузов, а также при написании спецкурса по сравнительно-историческому изучению диалектов дагестанских языков, историко-этимологических и диалектологических словарей.

Так как в диссертации применены и методы ареальной лингвистики и сравнительной типологии, то этот опыт может быть использован и при написании работ, которые выполняются в русле ареальных и типологических исследований дагестанских языков.

Методы исследования. Достижения современной компаративистики предполагают применение разнообразных приемов, направленных на адекватное описание лингвистических фактов и раскрытие сущностных явлений. Новейшие методы сравнительно-исторического языкознания, дополненные приемами ареальной лингвистики и сравнительной типологии, которые используются в нашем исследовании, дают возможность проследить всесторонние связи языковых фактов как между диалектами агульского языка, так и другими дагестанскими языками.

Так, применение приемов ареальной лингвистики даёт возможность усмотреть в дифференциации форм номинатива и эргатива в керенском диалекте факт конвергентного характера, основанного на влиянии лезгинского языка, с которым он граничит. В других локальных единицах агульского языка формы номинатива и эргатива не различаются.

Объем и структура исследования. Диссертационная работа изложена на 160 страницах и состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и перечня использованной специальной литературы.

1. Агульский язык (*агъул чӀал*) относится к лезгинской группе дагестанской ветви восточнокавказских языков. По последней (2002 г.) переписи агульцев насчитывается 28 тыс. человек. Самоназвание агульцев – *агъулар* «агульцы». Они проживают компактно в Агульском районе и на сопредельной территории Курахского района. Агульские села расположены в четырех ущельях – *Агъулдере, Кьушандере, КӀерендере* и *ХӀуппукь'дере.* Из них пятнадцать сел входят в состав Агульского района. Это *Типпигъ, Хутхул, Мисси, Дулдугъ, Йаръ'угӀ, Курдагъ, Худагъ, АрсугӀ, Буршагъ, Гъваъ, ФитӀ, БуркӀихаьн (Гаьхъуьн, Даьхъуьн), ЧӀаъ, БаӀдухъ', Зурхье.* Другие пять сел –

Курдал, ХІаражв, Ккуди, Усугь, ХІуппукь' – входят в состав Курахского района. Часть агульцев переселилась на плоскость и проживает в Дербентском и Каякентском районах, многие семьи обосновались в городах Махачкала, Каспийск, на станции Шамхал. За пределами республики значительное число агульцев проживает в городе Баку и Ставропольском крае. До образования Агульского района (1935) основная масса агульских сел входила в состав Курахского района. Село Буршаг находилось в составе Кайтагского района, а село Цирхе – Дахадаевского района.

На северо-западе агульцы граничат с даргинцами, на юго-западе – с рутульцами, на юге – с лезгинами и на востоке – с табасаранцами.

В 1935 г. был образован Агульский район с центром в Тпиге. Этот период характеризуется одним из знаменательных событий в жизни агульцев: в Магудере, там среди скал, где раньше невозможно было разъехаться двум встречным всадникам, была проложена дорога, соединяющая районный центр Тпиг с крупным лезгинским селом Касумкент и далее – с Дербентом, которая сыграла большую роль в культурно-экономической жизни агульцев.

Первоначальным местом локализации агульцев Б. Калоев считает Агулдере, откуда затем они расселились по другим ущельям [1954 : 3]. Это находит подтверждение и в ряде языковых фактов. Один из них заключается в том, что агульцы, проживающие по Кошандере и Керендере называют жителей села Тпиг *агъулар* «агульцы», а само село *Агъул* «Агул», в то время как жителей других населенных пунктов и себя именуют по названию села откуда родом: *усугь шуй* «усугец», *чІаъ шуй* «ричинец». Первые, кто покинул Агулдере, это были жители, поселившиеся в верховьях реки Кошан, что подтверждается материалами кошанского диалекта. Кошанский диалект по своим фонетико-морфологическим и лексическим параметрам существенно отличается от других диалектов и говоров агульского языка. О том, что территория, населяемая кошанцами, была освоена в древние времена,

свидетельствуют данные истории и археологии, согласно которым здесь засвидетельствованы древние поселения, датируемые VIII в. [см. Агулы : 11]. Так, например, первые сведения о селении Тпиг относятся к VIII в. [Шихсаидов 1984 : 173], а первые эпиграфические памятники из селения Буршаг датируются XII в., селения Фите – XII-XIII вв. [Шихсаидов 1984 : 182-187]. Археологические находки у селения Худиг датируются X-XI вв. [см. Котович 1961 : 55]. Некоторые данные археологии позволяют «удревнить» хронологические рамки. Так, при выходе из Магудере обнаружены строительные остатки городища, которые специалисты относят к позднеалбанскому периоду [Агулы : 11].

Другая часть агульского населения мигрировала на юг и осела на территории занимаемой носителями керенского диалекта.

Керенский диалект[1] распространен на юго-западной оконечности агульского языка. Сфера его распространения граничит с даргинским (с. Чираг), на юго-востоке – с лезгинским и на северо-востоке – собственно агульским языками. «Керенский диалект, – пишет Н.Д. Сулейманов, – образует речь жителей сел, находящихся в верховьях реки Курахчай, – Бедюк, Квардал, Хвередж, Укуз, Усуг и Рича (последнее расположено в верховьях реки Чирагчай)». [1993 : 9]. Диалект получил свое наименование от прилагательного *КIерен* «керенский», которое употребляется в сочетаниях *КIерендере* «керенское ущелье», *кIеренцуй* «керенец» (так называют жителей вышеперечисленных сел). В настоящее время данное атрибутивное слово (*кIерен*) почти не употребляется и лишь изредка его можно услышать в устах старшего поколения.

Жители агульского региона, в том числе и керенцы, не оставались в стороне исторических событий, происходивших в Дагестане. В определённые исторические периоды они вовлекались в политические и

[1] Керенцами называются агульцы, некогда входившие в союз сельских общин (магал) во главе с Ричой.

социально-экономические события. Насколько была насыщена политическая жизнь агульцев и о борьбе, которую им приходилось вести с внутренними и внешними врагами, свидетельствуют многочисленные сооружения, встречающиеся на данной территории, имеются также исторические факты.

Через территорию агульцев проходил исторический путь, дававший возможность кочевым племенам и хазарам, - в обход сильно защищенной дербентской крепости, - проникнуть из Северного Дагестана в страны Закавказья и Персию. Эта дорога проходила через Кумух и перевал Кокмадага – Рича – Касумкент. Известен и другой путь, минуя Дербент. выводивший на юг – это Северный Дагестан – Кумух – Рича – Самур [Агулы : 8]. Все это свидетельствует об активной политической жизни, которую переживали агульцы в прошлом. В 1239-1240 гг. монголами был предпринят поход через Дербент в горы. Путь их проходил через Магудере и дальше через Агулдере в Кумух. На пути монголов лежало крупное агульское селение Рича, оказавшее сильное сопротивление им. 25 дней длилась борьба жителей Рича против хорошо вооруженных монголов. Когда уже многие воины пали в борьбе, небольшая группа смельчаков все еще продолжала оказывать сопротивление врагу, укрывшись в башне мечети. Этот последний оплот был сожжен и разрушен монголами, а горстка смельчаков перебита. Об этом свидетельствует надпись на арабском языке на каменной плите. вмонтированной в стену мечети селения Рича [Шихсаидов 1969 : 13-26].

Начиная с 18 в. союз сельских общин (магал) во главе с Ричой выходит на политическую арену. На Ричинский магал распространилось частичное влияние табасаранских майсумов [Рамазанов 1962 : 7; Умаханов 1973 : 72]. Основным занятием членов союза сельских общин являлось скотоводство. формой частной собственности служила «частнокрестьянская земельная собственность». Права общинников на землю сильно ущемлялись ханами. Так, например, жители села Квардал под нажимом Сурхай-хана вынуждены были отдать летнее пастбище в размере 1550 десятин хану. Произвол со

стороны хана не могли не вызвать у жителей Ричинского магала протеста, который порой перерастал в открытую борьбу. В Курахдере сохранились развалины старинных агульских селений. Их жители во второй половине 18 в. поднялись на борьбу, чтобы отстоять свои земли от притязаний со стороны хана и его нукеров. Хан приказал разрушить эти селения, а жителей выселить на плоскость [Рамазанов 1962 : 12-13]. В другом случае жители селения Усуг, доведенные до отчаяния, убили хана [Рамазанов 1962 : 13].

Политический климат Дагестана в разной степени отражается на судьбах агульцев. В первой половине XVIII в. Надир-шах с большим войском двинулся на Дагестан, разрушая на своем пути населенные пункты и расправляясь с мирным населением. Продвигаясь в глубь Дагестана, на своем пути он встречает Тпиг, Рича, Хутхул, Дулдуг и другие агульские селения. которые разрушает до основания. В начале XIX в. агульская территория становится ареной борьбы между казикумухским ханом Сурхаем и кюринским Асланом за единовластие над Кюрой и Казикумухом. В этой борьбе царская Россия поддерживала своего ставленника Аслан-хана.

Исторические хроники, а также эпиграфические памятники указывают на то, что агульцы приняли ислам до прихода монголов в Дагестан. Среди агульских селений, принявших мусульманство, упоминаются Рича, Тпиг [И.Ибрагимов 1999 : 14].

2. Диалектологическое изучение агульского языка непосредственно связано с общим уровнем диалектологических исследований дагестанских языков и неотделимо от них. Первые сведения о диалектах дагестанских языков мы находим у П.К. Услара. Материальной основой его монографий по дагестанским языкам служат конкретные диалектные данные. В основе даргинского языка П.К. Услара лежит урахинский диалект [1892], лакского – вицхинский [1890], лезгинского – яркинский [1896], табасаранского – северный диалект (ханагский говор) [1979]. Диалектные различия аварского языка также впервые указаны им, где выделены анцухское и хунзахское

наречия [см. Услар 1889]. Начиная с 20-х годов прошлого столетия диалекты дагестанских языков становятся предметом специального изучения, но интенсивному исследованию они подвергаются начиная со второй половины 40-х годов.

Большой вклад в деле изучения диалектов аваро-андо-цезских языков внесли грузинские языковеды [Церцвадзе 1948; Мегрелидзе 1955; Чикобава 1958; Джапаридзе 1957 и др.]. Диалекты характеризуемой группы языков, становятся объектом изучения кандидатских диссертаций [Микаилов Э. 1968; Салимов 1968; Магомаева 1975; Исаев 1975; Исаков 1981; Магомедов 1993 и др.].

Развитие аварской диалектологии связано с именем проф. Ш.И. Микаилова. С конца 40-х годов появляются его первые статьи, посвященные отдельным говорам, группе диалектов [Микаилов Ш. 1948; 1949 и др.], которые заложили фундамент капитального труда «Очерки аварской диалектологии» [1959].

В одно время с изучением аваро-андо-цезских языков проводится исследование и даргинских диалектов. Первые диалектологические работы здесь связаны с именем известного фонетиста Ш.Г. Гаприндашвили [1948]. Материалы по фонетике даргинских диалектов легли в основу его докторской диссертации [1956]. На разных уровнях исследуются диалектные единицы в кандидатских диссертациях [Гасанова 1956; Абакарова 1956; Мехтиханова 1975; Темирбулатова 1984 и др.]. Монографически описаны кубачинский, мегебский [Магометов 1963; 1982], хайдакский [Темирбулатова 2004] диалекты. В различных статьях получают отражение вопросы грамматики даргинских диалектов [Гаприндашвили 1956; Гасанова 1979; Темирбулатова 1980; 1983]. Диалекты даргинского языка подвергаются операциям на фонетико-морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях [Гасанова 1971].

Определенные успехи отмечаются в исследовании диалектов лакского языка. Дается общая характеристика диалектной единицы [Муркелинский 1949], описывается группа говоров определенного диалекта [Муркелинский 1962]. Всестороннему анализу подвергается балхарский диалект лакского языка, некоторые вопросы данной языковой единицы получают освещение в отдельных статьях [см. Хайдаков 1954; Каландаров 1980; 1984]. Балхарский диалект становится объектом специального исследования [Каландаров 1985]. Диалекты лакского языка получают монографическое описание, где в сравнительном плане даются их характерные черты [Хайдаков 1966].

Первые сведения о лезгинских наречиях приводит П.К. Услар в монографии «Кюринский язык». Он выделяет три наречия: кюринское. ахтынское и кубинское, при этом отмечает наблюдающуюся близость между кюринским и кубинским наречиями. В то же время отмечает ряд принципиальных различий в сфере фонетики и морфологии, который имеет место между ахтынским и кюринским наречиями. Для иллюстрации этих различий П.К. Услар в конце книги поместил текст сказки «Лиса и волк» на ахтынском и кюринском наречиях [1896].

В послеоктябрьский период проблемы лезгинской диалектологии касался Г.О. Гаджибеков в связи с формированием письменности у лезгин и определения диалектной основы для литературного языка [см. 1923]. Приблизительно в эти же годы проводит работу по сбору и публикации материалов лезгинских диалектов Генко [1926; 1929].

Но особенно интенсивно исследования в сфере лезгинской диалектологии разворачиваются начиная с 50-х годов прошлого века, где рассматриваются различные ее аспекты – практическое применение диалектных материалов на уроках родного языка [см. С. Гаджиев 1954], а также описание отдельных диалектов на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях [Мейланова 1957; 1958; 1959; Гайдаров 1961; М. Гаджиев 1957; 1997]. Многолетние экспедиционные поездки в лезгинские

районы, сбор и обработка обширного материала, вывезенного из этих поездок, дали возможность исследователям обобщить его и впервые очертить границы наречий, диалектов и говоров лезгинского языка [Гайдаров 1963; Мейланова 1964]. Фундаментальный труд «Очерки лезгинской диалектологии», где обобщены результаты многолетних диалектологических разысканий, был защищен в качестве докторской диссертации У.А. Мейлановой [1965].

Отдельные диалекты и говоры лезгинского языка становятся объектами кандидатских диссертаций. Первая из них была посвящена «Ахтынскому диалекту лезгинского языка» [Гайдаров 1961], за ней последовали «Фийский диалект лезгинского языка» [Абдулжамалов 1966], «Куткашенские говоры лезгинского языка (по данным селений Лаза и Дуруджа)» [Гюльмагомедов 1966]. После непродолжительного перерыва в исследовании лезгинских диалектов работа по изучению отдельных диалектов была возобновлена [см. Ганиева 1980; Бабаев 1998; Асалиев 2004; Муртазаева 2005].

Широко привлекается диалектный материал при монографическом исследовании фонетики и морфологии табасаранского языка [см. Магометов 1965], а также при рассмотрении отдельных вопросов морфологии [Ханмагомедов 1958; Магометов 1962 и др.]. Специально рассматриваются вопросы классификации табасаранских диалектов [Шалбузов 1968], характеризуются особенности отдельных говоров табасаранского языка [Шалбузов 1981].

Диалектные материалы составляют основу монографического исследования лексической, фонетической и морфологической систем рутульского и цахурского языков [Ибрагимов 1978; 1980; 1990].

Диалектологическая проблема коснулась и некоторых бесписьменных языков, где отдельные локальные единицы рассматриваются на различных языковых уровнях [см. Гукасян 1966; 1977].

Работа Р. Эркерта [1895] представляет первые сведения об агульских диалектах – гехюнском и кошанском. А. Дирр, в свою очередь, в агульском языке выделяет собственно агульское и кошанское наречия [см. 1907]. Полное и развернутое представление об агульских диалектах и говорах мы встречаем у Р.М. Шаумяна [см. 1936; 1941]. К работе [1941] Р. Шаумяна прилагается краткий диалектологический словарь агульского языка и диалектологическая карта. Он выделяет в агульском языке четыре диалекта (собственно агульский, керенский, кошанский и гехюнский) и два говора (фитинский и хпюкский). Фитинский говор, как отмечает Р. Шаумян, тяготеет к кошанскому, а хпюкский примыкает к керенскому диалекту. Диалектная классификация, данная А.А. Магометовым, предполагает различия на уровне говоров и определяет их число 5 говорами: собственно агульский, кошанский, керенский (куда входит и речь селения Хпюк), буркиханский и говор селения Фите [см. Магометов 1970]. Н.Д. Сулейманов выделяет в агульском языке четыре диалекта, как и Р. Шаумян, и три самостоятельных говора — цирхинский, фитинский и хпюкский [1993 : 18]. «Характеризуя диалектную систему агульского языка, – пишет Н.Д. Сулейманов, – необходимо указать на то, что, если языковые различия между подавляющим большинством диалектов и говоров не препятствует взаимопониманию их носителей, то этого нельзя сказать о кошанском диалекте. В этом плане последний сильно отличается от остальной массы агульских диалектов и противостоит им. Кошанская речь практически непонятна представителям других диалектов и говоров, как, например, непонятна речь жителей села Кубачи представителям других диалектов даргинского языка» [Сулейманов 1993 : 18]. Для З.К. Тарланова общее число агульских диалектов ограничивается тремя единицами – собственно агульским, кошанским и керенским [Тарланов 1994 : 247].

Отдельные диалекты агульского языка становятся предметом специального монографического исследования [см. Магомедова 2001]. Не

обойдены вниманием и некоторые вопросы морфологии агульского языка [Магомедова 1997].

Керенский диалект агульского языка до сих пор не являлся предметом специального монографического изучения. Имеющиеся сведения по нему носят фрагментарный характер, что вытекает из цели преследуемой предшествующими исследователями – «представить» фонетико-морфологический обзор агульского языка с учетом данных его говоров (диалектов – Н.Г.)» [Магометов 1970 : 5]. Материалы керенского диалекта, наряду с материалами других диалектов и говоров, привлекаются в работах Р. Шаумяна [1941] и А.А. Магометова [1970]. В них обосновывается статус керенского диалекта, как самостоятельной локальной единицы. Определяется его место среди диалектов агульского языка, указываются на лексико-морфологические признаки, по которым данная локальная единица отличается от других единиц. Как наиболее яркие отличительные черты керенского диалекта Р. Шаумян в склонении личных местоимений выделяет дифференцированное употребление форм номинатива и эргатива, в числительных – двадцатиричный счет счисления, противопоставляемый децимальному в других диалектах [Шаумян 1941 : 13]. На основе близости, устанавливаемой между диалектами, керенский объединяется в одну группу с собственно агульским и гехюнским диалектами [Магометов 1970 : 15]. На основе сравнительного изучения близкородственных языков с агульским устанавливается значительное число общих черт керенского и собственно агульского диалектов с лезгинским и рутульским языками [см. Шаумян 1941 : 13].

Предшествующими авторами керенский диалект представляется как целостная, однородная единица. При всестороннем и тщательном его исследовании оказалось, что внутри керенского диалекта имеются значительные фонетико-морфологические расхождения, что дает основание выделить в нем три говора: ричинский, бедюкский и усугский. Ричинский

говор обнаруживает близость с гехюнским и собственно агульским диалектами, но имеет большее тяготение к керенскому диалекту. С гехюнским диалектом ричинский говор сближает то, что как и в гехюнском в нем функции локативных и направительных падежей не дифференцированы: здесь имя существительное как при глаголах, выражающих движение предмета к определенному ориентиру, так и при глаголах, выражающих нахождение предмета в определенном ориентире, стоит в локативном падеже: *зун хулаъ* (напр. п.) *ъачушуни* «я вошел в дом» и *зун хулаъ* (локат. п.) *ъайа* (ричинский говор) «я нахожусь дома». Ср. *зун хуластти* (напр. п.) *ъачушуни* и *зун хулаъ* (локат. п.) *ъайа* (усугский говор).

С другой стороны, фарингализованным спирантам *гъ'* и *х'* в ричинском говоре соответствуют его фарингализованные рефлексы *гI* и *хI*, что сближает его с собственно агульским и гехюнским диалектами. Последний признак – соответствие фарингализованному спиранту *гъ'* рефлекса *гI* и фарингализованному спиранту *х'* рефлекса *хI*, также положен к основу выделения бедюкского говора керенского диалекта, куда входят речь селений Бедюк, Хвередж и Укуз. В двух последних и фарингализованный *кь'*, как и собственно агульском и гехюнском диалектах, дает рефлекс *ъ'*.

В усугском говоре, составляющем ядро керенского диалекта. фарингализованные согласные сохранились без изменения. Незначительные отклонения как то: интенсивная [illegible]зация согласных, а также совпадение форм местных падежей и превербов на *кк* «под чем-нибудь» и *к* «на наклонной плоскости»; «нахождение в сплошной массе» в речи села Квардал, в отличие от речи селения Усуг, не служат препятствием для объединения речи этих двух селений в один говор. Имеются и значительные лексические различия, которые обособляют данную локальную единицу (керенский диалект) и дают возможность считать ее самостоятельной.

При описании керенского диалекта за эталон берется собственно агульский диалект, с которым он сравнивается. Это происходит, когда

описываемые факты языка не вступают в противоречие с общей картиной, представленной в агульском языке в целом. В случаях, когда необходимо объяснить индивидуальные черты описываемого диалекта, в работе разворачивается (раскрывается) материальная база всех сравниваемых локальных единиц и на общем фоне языкового материала оттеняются особенности керенского диалекта. Такой принцип подачи материала проводится последовательно.

ГЛАВА I

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

На общем фоне звуковой системы лезгинской группы языков звуковая система агульского языка характеризуется сравнительно несложным составом вокализма и сложным – в отношении консонантизма. Это распространяется и на керенский диалект.

Система гласных звуков

Система гласных звуков керенского диалекта характеризуется теми же гласными, что и система гласных агульского языка в целом. К гласным керенского диалекта относятся *и, е, уь, у, а.*

Гласные керенского диалекта по месту образования подразделяются на гласные переднего ряда (*и, е, уь*), заднего ряда (*а, у*). В зависимости от того участвуют губы или не участвуют, они подразделяются на лабиальные (*уь, у*) и нелабиальные (*и, е, а*). Все это можно отобразить в виде следующей таблицы:

Ряд / Подъем	Передний		Задний	
	нелаб.	лаб.	нелаб.	лаб.
верхний	*и*	*уь*		*у*
средний	*е*			
Нижний			*а*	

Гласный *о* в заимствованных из русского языка словах передаются в керенском диалекте посредством *у* и *а*, например: *ккалхуз* «колхоз», *ккину* «кино» и др. Долгие гласные не характерны для агульского языка в том числе и для керенского диалекта, не характерны для агульского языка и назализованные гласные [см. Магометов 1970 : 17]. Однако в керенском диалекте в указательных местоимениях с конкретизирующей частицей *гьа* выступает долгий гласный, долгота которого имеет эмфатическое значение:

гьооти «тот дальний», *гьооги* «тот дальний (нижний)», *гьооли* «тот дальний (верхний)». Долгий гласный играет роль и экспрессивного компонента, ср. *воогьа*! «возглас, при котором останавливают волов». В некоторых случаях наличие долгих гласных обусловлено выпадением согласных и последующим слиянием гласных. Так, например, изменение вспомогательного глагола *ъайа* «есть», «находится» и последующее присоединение его к спрягаемой форме глагола ведет к образованию долгого гласного: *кьаа* ← *кьай ъайа* «делает», *кьунаа* ← *кьуна ъайа* «сделал», *ихьее* ← *ихьей ъайа* «жнет»... Случаи, когда образование долгих гласных не объяснимы на керенской почве, как правило, относятся к заимствованным словам: *вазиифа* «должность», «сан», *аахир* «конец (света)», «светопредставление».

В агульском языке «представлены фарингализованные варианты гласных заднего ряда» [Магометов 1970 : 18]; в керенском диалекте употребление их – более интенсивное, в сравнении с собственно агульским диалектом.

Характеристика гласных

Гласные переднего ряда

И – нелабиальная гласная фонема переднего ряда верхнего подъёма. По своей акустике не отличается от соответствующей гласной фонемы собственно агульского диалекта и русского языка. Встречается во всех позициях, кроме интервокальной: *чIид* «блоха» *иркIв* «сердце», *итIас* «завязывать», *кIил* «голова», *икIас* «совать», *ми* «этот», *чи* «сестра», *ижи* «хорошо».

Э (е) – нелабиальная гласная фонема переднего ряда среднего подъема. Выступает в ряде аффиксов словообразования и формообразования. Наблюдается во всех позициях, за исключением в позиции между галсными. Гласный звук *е* встречается только в середине и конце слова, в начале слова

встречается только э: *эрхел* «полба», *эгьан?* «так ли?», *гьел* «теперь», *фидегьен?* «сколько?» *жейран* «джейран», «газель», *улер* «глаза», *че* «наш», *пасе* «скажу».

Уь – переднерядная лабиальная фонема верхнего подъёма. Артикуляция *уь* – это артикуляция гласного *и* плюс огубление. Встречается во всех трёх позициях: *уьстт* «свист», *уькI* «трава», *чуьллеф* «синий», *хъуьхъеф* «жёлтый», *куьмек* «помощь», *куьkуь* «яичница».

Гласные заднего ряда

А - нелабиальная гласная фонема заднего ряда нижнего подъёма. В произношении не отличается от гласного *а* собственно агульского диалекта: близок русскому *а*. Встречается во всех позициях, кроме интервокальной: *аттучIас* «выйти», *атIас* «резать», *гьава* «высокий», *ваз* «луна», *рагъухъан* «радуга», *мивар* «эти», *лампа* «лампа», *шавла* «усталость».

Выступает в словообразующих и формообразующих аффиксах.

Наблюдаются случаи, когда гласный *а* под влиянием палатализованного согласного переходит в гласный переднего ряда *е*: *руьхьес* «варить», «кипятить», *уькIер* «травы» и др.

у – лабиальная гласная фонема заднего ряда нижнего подъёма. Наблюдается во всех позициях, за исключением интервокальной: *ул* «глаз», *улусум* «горная курочка», *уч* «сам», *гъузас* «стоять», *руккас* «зарезать», *лукь'* «орёл», *жуваб* «ответ», *рукъу (йак)* «сушёное (мясо)».

Ударение и редукция гласных

Одним из слабоизученных аспектов дагестанского языкознания является ударение. Единственно полная работа Л.И. Жиркова по лезгинской акцентуации [см. Жирков 1940] не может решить задачи, стоящей перед каждым исследователем того или иного языка отдельно в этой области.

Касаясь лезгинского ударения, необходимо указать, что статья Л.И. Жиркова «Законы лезгинского ударения» всё ещё продолжает оставаться единственной работой, устанавливающей главные, магистральные линии развития лезгинского ударения. Она содержит основные законы лезгинского ударения, последующие работы в данной области лишь ограничиваются детализацией того или иного положения, выдвинутого в ней. Главной идеей, пронизывающей всю статью, является мысль, что «... если присмотреться к тому, какие формативы не принимают на себя ударения, то можно понять природу лезгинского ударения, **выделяющего основу от формальных сем**» [см. Жирков 1940 : 110]. (Разрядка наша – Н.Г.).

Законы лезгинского ударения в основном применимы и к агульскому языку. Здесь, как и в лезгинском языке, ударение силовое и фиксируется на втором слоге от начала слова. Вероятно, в основе агульского ударения лежала семантическая эмфаза единицы, при которой выделялись, актуализировались те или иные значимые компоненты языка. В зависимости от смысловой нагрузки, в глагольных основах при помощи ударения выделяются определённые слоги-морфемы, ср. *файшу́не* «унёс» и *фа́йшуне* «проскочил, проскользнул рядом».

У А. Дирра в работе «Агульский язык» ничего не сказано об ударении.

Р. Шаумян даёт краткую характеристику агульского ударения: «Ударение в агульском языке в двусложных словах обычно падает на последний слог, в трёхсложных словах – на предпоследний слог, а в многосложных словах – на третий слог с конца. Кажущиеся отклонения зависят от слияния некоторых элементов, как, напр., энклитики в глаголах (*весе* ← *вес+е*) или союза в именах (*хьедра* ← *хьед+ра*)» [Шаумян 1941 : 21].

Агульскому ударению отведено достаточно большое место в работе А.А. Магометова [1970 : 19-22].

Вопросы агульского ударения и связанная с ним редукция гласных впервые нашли широкое освещение на материалах агульских диалектов [см. Сулейманов 1993 : 41-44]. Так, например, отмечается, что в керенском диалекте в сравнении с другими диалектами агульского языка, гласные подвергаются редукции в большей степени.

Редукция гласных неодинаково распространяется даже в пределах одного диалекта. В керенском диалекте редукции больше подвергается усугский говор, нежели ричинский. Здесь подвергаются редукции как гласные аффиксов, так и гласные корня.

В абсолютном начале слова выпадает предударный гласный *а*, сопровождающий глагольные превербы *л, кк*: *лýрцас* (кер.) – *алýрцас* (соб. аг.) «вертеть», крутить», *лíхьас* (кер.) – *алíхьас* (соб. аг.) «класть»; «оседлать», *лáрх'ас* (кер.) – *алúрхIас* (соб. аг.) «кинуть (со злости)», *лýкьас* (кер.) – *алéкьвас* (соб. аг.) «сесть», *лáтIас* (кер.) – *алáтIас* (соб. аг.) «залатать», *лáрхьас* (кер.) – *алáрхьас* (соб. аг.) «падать», *лáйшас* (кер.) – *алáйшас* (соб. аг.) «остановиться в пути», *лáйчIвас* (кер.) – *алáйчIвас* (соб. аг.) «спускаться, слезать», *лáйхьас* (кер.) – *алáйхьас* (соб. аг.) «сбросить», *ккíхьас* (кер.) – *аккíхьас* (соб. аг.) «постлать» и др.

Ударение в керенском диалекте перемещается на первый слог в связи с выпадением начального гласного. Таким образом, выпадение гласного в данном случае послужило причиной нарушения места ударения.

Процесс выпадения начального гласного в глаголах частично имеет распространение и в гехюнском диалекте:

гех.	соб. аг.
хъýхьас	*ахъýхьас* «лечь, лежать»
хъíхьас	*ахъúхьас* «гнаться (за кем-н.)»
хъáкьас	*ахъáкьас* «рассказывать»

В керенском диалекте в ограниченном количестве примеров встречаются случаи выпадения гласных *и* и *у* в начальной позиции: *хьéнар*

«жатва», *шу́най* «пошёл», ср. тп. *ихьёнар, ушу́не*; кер. (усуг. г.) *Ккy̆дийар* – соб. аг. *Уккy̆диъар* «село Укуз».

Редукция гласных ведёт за собой выпадение целого слога:

кер. *х'ар кьас* – соб. аг. *йагIáр акьáс* «узнавать, осведомляться», *адá* – *адáва* «нет, нету».

В глагольных формах на стыке морфем происходит выпадение заударных гласных:

речь с. Усуг	соб. аг.
ккéтхьас	*ккéдихьас* «уничтожить»
áткас	*áдикас* «выгнать»
кéтшас	*кéдишас* «вспугнуть»
фáтхьас	*фáдихьас* «сбросить»
фáтас	*фáдатас* «отпустить, освободить»
хъáтхьас	*хъáдихьас* «отогнать»
хъáтткIас	*хъáдикIас* «красть»
áтхъас	*áдахъас* «высыпать»

Редукции подвергаются как одиночные гласные, так и целый комплекс – согласный + гласный (как правило, дифтонг). В большинстве случаев выпадение дифтонга не проходит бесследно – оно сопровождается возместительной долготой предшествующего гласного. кер. *йеерхьитти* – тп. *йе-йéрхьитти* «по шесть», кер. *йееритти* – тп. *йе-йéритти* «по семь», *иицIутти* – *йи-йи́цIутти* «по десять», *ттаккрáлди* – *ттаккрáйилди* «луком (оружие)». Имеет место и абсорбция: кер. *агъу́ларкес* – соб. аг. *агъу́ларикес* (исходный падеж от *агъу́лар* «агульцы»), *му́вархъай* – *мéбурихъай* «с этими», *цIáмйад* – *цIéмуйад* «восемнадцать» и др.

В керенском диалекте идёт процесс интенсивного выпадения конечных гласных и восходящих дифтонгов. Процесс этот имеет место в существительных и глаголах. Выпадение дифтонга в данном случае ведёт к

долготе соседнего гласного, а выпадение одиночного гласного ведёт к слиянию различных форм.

В описываемом диалекте наблюдаются случаи утраты в эргативе конечного гласного *и* у существительных с исходом на гласный и у некоторых односложных существительных с закрытым слогом, в собственно агульском диалекте гласный этот сохраняется:

кер.	соб. аг.
ном. *къалá* «олово», эрг. *къалáй*	*къалá, къалáйи*
" *сурнá* «дудка», эрг. *сурнáй*	*суннá, суннáйи*
" *бýгьу* «сова», эрг. *бýгьуй*	*бýгьу, бýгьуйи*
" *къважжá* «старик», эрг. *къважжáй*	*къуджá, къуджáйи*
" *девé* «верблюд», эрг. *девéй*	*девé, девéйи*
" *лепé* «волна», эрг. *лéпей*	*лепé, лепéйи*
" *муг* «гнездо», эрг. *мугýй*	*муг, мугýйи*
" *мукь* «место», эрг. *мукьýй*	*мукь, мукьýйи*

Керенские существительные, оканчивающиеся на -*й* не различают номинатива и эргатива, т.е. здесь в результате редукции конечного *и* формы эти совпадают:

ном. *гýгай* «кукла», *кIáмай* «придурковатый», *дáллай* «частушка»

эрг. *гýгай* *кIáмай* *дáллай*. Ср. хп. ном. *дáллай*, эрг. *дáллайи*, где показатель эргатива *йи* полностью сохранился.

В керенском диалекте процесс выпадения конечного неударного гласного и дифтонга распространяется и на глагольные временные формы. Выпадение дифтонга ведёт к долготе соседнего гласного. Но необходимо отметить, что усечённые формы имеют место при экспрессивной речи. В собственно агульском диалекте данные формы не претерпевают изменений.

Так, в форме настоящего времени выпадает восходящий дифтонг: *кее* «находится под..., на вертикальной плоскости» – соб. аг. *ккейа, кейа*

(соответственно), кер. *кьаа* «делает» – соб. аг. *аркьáйа,* кер *гІваа* «идёт» – соб. аг. *вéйа, ухаа* «пьёт» – *ухáйа*; в прошедшем времени также имеет место выпадение дифтонга: кер. *кьýнаа* «сделал» – соб. аг. *акьýнайа,* кер. *кІйнаа* «умер» – соб. аг. *кІйнайа*; в деепричастии выпадает гласный *а*: *адйн – адйна* «придя», *кьун – акьýна* «сделав»; выпадение конечного *и* в форме будущего времени ведёт к слиянию этой формы с формой инфинитива: *кьас (←кьáси)* «сделает», *хъучйкас (←хъучйкаси)* «заставит».

Имеются случаи редукции гласного и в собственно агульском диалекте. Это видно при сравнении с материалами ричинского говора керенского диалекта:

соб. аг.	рич.
áлдахъас	*алáттахъас* «снять»; «сдирать»
áлдихьас	*алáттихьас* «скинуть»; «свергнуть»
áлттивас	*алáттивас* «снять (кастрюлю)»

Выпадение неударного лабиального гласного *у* в речи села Усуг приводит к лабиализации последующего согласного[1]: речь с. Усуг *фáгъчІвас* – соб. аг. *фáгъучІас* «взойти (о солнце)».

Таким образом, редукция гласного приводит к таким фонетическим процессам, как лабиализация (*áгъчІвас* ← *áгъучІас* «взбираться вверх»), качественное изменение согласного (кер. *ъáттучІас* ← *ъáдучІас* – соб. аг. *ъáйчІвас* ← *ъáдчІвас* «вылезать, выходить»), ассимиляция (*ъáткас* ← *ъáдкас* «выгнать»).

В области морфологии редукция гласного приводит к: а) совпадению падежных форм (ном. *кІамай* «придурковатый», эрг. *кІáмай (← кІáмайи)*; б) стяжению форм вспомогтельного глагола настоящего и прошедшего времён (*кьаа* ← *кьáйа* «делает», *кьýнаа* ← *кьýнайа* «сделал»); совпадению формы будущего времени с инфинитивом (*хъучйкас* «заставить», *хъучйкас (←хъучйкаси* «заставит»).

---

[1] Данное явление отмечено и в табасаранском языке. См. [Магометов 1965 : 53].

Редукция гласного может привести и к семантическим модификациям – омонимии (гех. *хъйхьас* «положить» (за чем-н.)», *хъйхьас* (← *ахъйхьас*) «гнаться (за кем-н.)».

Соответствия гласных

В описываемом нами диалекте наблюдается в основном тенденция сужения гласных, т.е. гласные узкого образования керенского диалекта соответствуют гласным широкого образования в собственно агульском.

Гласному *и* керенского диалекта в собственно агульском соответствуют *а, е, у*. Соответствия эти встречаются в именах существительных, местоимениях, в различных глагольных формах, наречиях.

и – а: цил – цал «стена», *рикь' – ракь* «бульон», *ирхв – арх* «канава», *кIеник – кI'анакк'* «под, внизу», *шиттай – шатт* «комар», *алчихьар – алчахь* «овес».

и – е: чIикI – чIекI «рыба», *ми – ме* «этот», *ги – ге* «тот (внизу)», *ли – ле* «тот (наверху)», *кIиф – кIеф* «умерший», *сайи – сайе* «другой», *кьаси – акьасе* «сделаю», *аликьвас – алекьвас* «сесть (верхом)».

и – у: чикь' – чукь «арба», *гибагIан – гугIан* «вязаный чулок».

Гласному *е* керенского диалекта в собственно агульском диалекте соответствует гласный *а*. Соответствие это наблюдается как в корнях имён, так и в аффиксе множественного числа имени существительного.

е – а: цIекIин – цIакIин «свадьба», *мерзв – марзв* «малина», *дегьре – дагьра* «секач», *гъулер – гъулар* «ниши», *улер – улар* «глаза», *хьибеф – хьебаф* «низкий», *чвес – чвас* «вам», *хьилеба – хьилаба* «пешком», *гьегьал – гьагьал* «сейчас», *дехи – дахи* «быстро».

В керенском диалекте лабиальный гласный широкого образования *у* может соответствовать узкому гласному *и* собственного агульского диалекта. Это соответствие наблюдается в тех случаях, когда гласный соседствует с губным или лабиализованным согласным (губная аттракция):

чIуркьвас – чIиркьвас «жевать», *чумхвар (чумхар) – чибхар* «двоюродный брат», «двоюродная сестра».

Единичны соответствия *а – и: урайар – уриъар* «мята»; *а – у : хамбеф* «незамужняя женщина» - *хумбеф* «самка»; *аI-е: маIж* «крапива» - *медж* «съедобная трава».

Фонетические процессы в системе гласных

Полногласие и наращение гласных

В керенском диалекте имеет место и явление обратное редукции гласных – наращение гласных. Процесс этот, связанный с полногласием, не находит широкого применения в данном диалекте.

В керенском диалекте имеются случаи, когда в начале и конце наращиваются гласные там, где их нет в собственно агульском диалекте. Наращиваются гласные, соответствующие гласным корня или близкие им по артикуляции: *уьх'е – хIу* «клятва, зарок», *ухуф – хеф* «родной», *ах'еф – хIаф* «большой», *ухас – хас* «родить», *эва? – эв?* «вопросительная частица».

В запретительной форме глаголов в керенском диалекте на стыке корня и аффикса отрицания появляются гласные *и, а,* отсутствующие в собственно агульском диалекте: *фаттимихьа – фадмихьа* «не бросай», *фаттамата – фадмата* «не отпускай», *хъаттимикIе – хъадмикIа* «не кради», *ъаттимива – ъаттмива* «не вытаскивай».

В данном случае необходимо говорить не о наращении в керенском диалекте, а о редукции гласного в предударном положении в собственно агульском диалекте. Редуцируется гласный, следующий за смычным согласным *д* (*тт*) и предшествующий сонорному.

Ассимиляция и диссимиляция гласных

Ассимиляция или гармония гласных в керенском диалекте находит широкое распространение.

В глаголах запретительный аффикс в качестве огласовки принимает гласный, идентичный предшествующему гласному основы: *чIалхас* «скользить» – *чIамалха* «не скользи», *акурас* «белить» – *акумура* «не бели», *гъ'икIвас* «зажечь (свечу)» – *гъимикIва* «не зажигай», *фучIас* «подойти (вплотную)» – *фумучIа* «не подходи (вплотную)», *файчIвас* «отвалиться» – *фамайчIва* «не отваливайся», *лайчIвас* «слезать» – *ламайчIва* «не слезай», *гьикас* «отправить» – *гьимика* «не отправляй», *гъархьас* «спать» – *гъамархьа* «не спи», *учIас* «влезать» - *умучIа* «не влезай» и т.д.

Как и галсный запретительной частицы в керенском диалекте соедительный гласный эргатива уподобляется гласному корня:: *йакIв* «топор» – *йакIвала* (эрг.), *йагъ* «день» – *йагъала* (эрг.), *бег* «бек» – *бегела* (эрг.), [illegible] «голубь» – *луфура* (эрг.), *муг* «гнездо» – *мугуй* (эрг.), *пагI* «курица» – *пагIала* (эрг.).

В данном диалекте имеет место частичная и полная регрессивная ассимиляция гласных.

Примеры частичной ассимиляции:

кер.	соб. аг.
цIекIин	*цIакIин* «свадьба»
керх'ас	*кирхIас* «трогать» и др.

Примеры полной ассимиляции

ларх'ас	*алирхIас* «бросить (со злости)»
йарх'ас	*йирхIас* «бить»

Помимо этого при полной регрессивной ассимиляции гласный *а* уподобляет себе гласный *и* (и наоборот) и *е, у* ассимилирует себе *а* и *и*; *е* ассимилирует *и, а* ассимилирует себе *у*:

кер.	соб.аг.
гашала	*гишила* «с голоду»
кIаштта	*гиштта* «чижик»

цIийирхьид	*цIайерхьид* «шестнадцать»
галай	*гелай* «раз»
цIуфул	*цIафул* «очаг»
утIул	*итIул* «узел»
уфул	*ифул* «дрожь», «лихорадка»
уцIул	*ицIул* «сустав»
ЦIерхьер	*Цирхьер* «селение Цирхе»
къа̄рмав	*къурмев* «кот».

Диссимиляция (расподобление) приводит к своего рода дисгармонии. т.е. к нарушению гармонии гласных.

В керенском диалекте представлена как регрессивная, так и прогрессивная диссимиляция:

кер.	соб.аг.
акун	*укун* «долина»
изан	*йазан* «пахота»
хуппахъ	*кьабахъ* «сзади»
хумбич	*хумбуч* «любитель женского общества»
чIинекIв	*чIиникI* «серп»

Чередование гласных

Наблюдаются случаи, когда при словоизменении один гласный заменяется другим. Замене подвергается гласный в односложных словах, при этом ударение с этого гласного переходит на следующий слог: *хьей* «шерсть» – мн. *хьийар, хьед* «вода» – мн. *хьиттар.* В двусложных словах замене может подвергнуться и подударный гласный, но при этом место ударения сохраняется на том же слоге: *гада́* «мальчик» – мн. *гади́йар.*

Система согласных звуков

Система согласных звуков керенского диалекта по способу образования характеризуется теми же звуковыми типами, что и собственно агульский диалект, а именно: сонорными (*м, н, л, р*), смычными, которые подразделяются на звонкие (*б, д, г, гв*) и глухие (*п, т, к, кв, пп, тт, кк, ккв, пI, тI, тIв, кI, кIв, ъ, ъ', хъ, хъв, хъ', хъ'в, къ, късв, къ', къ'в, кь, кьв, кь', кь'в*), аффрикатами [(из-за перехода *дж* → *ж*, спирантизации, здесь отсутствует подразделение на звонкие и глухие) *ц, ч, цц, чч, чв, цI, цIв, чI, чIв*] и спирантами, которые также подразделяются на звонкие (*в, з, зв, ж, жв, й, гг. гъ, гъв, гъ' гI, гIв*) и глухие (*ф, с, св, ш, хь, хьв, х, хв, х', х'в, хI, гь*).

В керенском диалекте сонорных и смычных согласных по количеству столько же, сколько в собственно агульском.

Среди аффрикат в керенском диалекте отсутствуют *дж, джв,* присущие собственно агульскому диалекту, а из спирантов – лабиализованный *шв*. Зато смычные и спиранты керенского диалекте пополнились – в основном за счёт фарингализованных и их лабиализованных коррелятов. Сверх тех согласных, что имеются в собственно агульском диалекте, в керенском среди смычных имеются *къ'в, кь'в,* а среди спирантов – *зв, жв, гг, гъ', х', х'в, гIв*.

Система согласных керенского диалекта иллюстрируется нижеследующей таблицей (в неё не вошли лабиализованные согласные):

Таблица консонантов

По способу образования / По месту образования	Сонорные		Шумные								
			Смычные				Аффрикаты			Спиранты	
				глухие							
	носовые	плавные	звонкие	аспираты	геминаты	абруптивы	аспираты	геминаты	абруптивы	звонкие	глухие
губно-губные	*м*		*б*	*п*	*пп*	*пI*				*в*	
губно-зубные											*ф*

зубные	*н*		*д*	*т*	*тт*	*тI*	*ц*	*цц*	*цI*	*з*	*с*
переднеязычные		*л, р*					*ч*	*чч*	*чI*	*ж*	*ш*
среднеязычные										*й*	
заднеязычные			*г*	*к*	*кк*	*кI*				*гг*	*хъ*
увулярные							*хъ*	*къ*	*кь*	*гъ*	*х*
фарингальные										*гI*	*хI*
ларингальные						*ъ*					*гь*
фарингализованные							*хъ‘*	*къ‘*	*кь‘*	*гъ‘*	*х‘*

Характеристика согласных

Сонорные согласные

М – губно-губная носовая сонорная фонема. Выступает в глагольных формах в составе запретительного аффикса: *атас* «бить» – запр. ф. *мата, кьас* «делать» – запр. ф. *макьа, кихьас* «писать» – запр. ф. *кимихьа* и т.д.

В слове встречается во всех трёх позициях: *мез* «язык» (анат.), *мекI* «холод», *цамп* «шаг», *йамак* «пища», *чумхвар (чумхар)* «двоюродный брат», «двоюродная сестра», *гIамкI* «сновидение», *загълум* «тиран, мучитель», *сум* «соломинка».

Н – зубная носовая сонорная фонема. Встречается в составе соединительного союза *на* «и»: *чина чу* «брат и сестра», *къанна сад* «двадцать один» (букв. двадцать и один), словообразовательного аффикса: *х‘уппехъан* «пастух (овец)», служит суффиксом родительного падежа: *дадан* «отцов, отцовский».

Встречается во всех позициях: *нис* «сыр», *нив* «запах», *цулинф* «осенний», *х‘ан* «двор», *ашкIин* «вдова, вдовец» и др.

Л – переднеязычный щелевой сонант. Служит локальным аффиксом в именах и глаголе со значением «нахождения предмета на горизонтальной плоскости».

В слове встречается во всех позициях: *лайчIвас* «слезать», *лампа* «лампа», *илсан* «человек», *алихьас* «поставить», *сал* «сарай», *ул* «глаз».

Р – переднеязычный дрожащий щелевой сонант. Встречается во всех позициях слова: *руш* «девочка, девушка; дочь», *руд* «кишка», *арчIвас* «рухнуть», *къуьреф* «тупой», *кь'ар* «русло», *йабур* «ухо».

Сонорные согласные играют самую активную роль в фонетико-морфологической структуре агульского языка, выступая в роли словообразовательных аффиксов, в виде фонетических наращений, окаменелых классных показателей в виде префиксов и инфиксов.

Звонкие смычные согласные

Б – звонкая губно-губная смычная фонема. В слове встречается во всех позициях: *бав* «мать», *бицIиф* «маленький», *губарар* «высокие войлочные сапоги», *бичIбичI* «ресница», *хаб* «копна», *ганаб* «конопля». Употребление *б,* в сравнении с собственно агульским диалектом, здесь ограничено из-за перехода его в *в.*

Д – зубная звонкая смычная фонема. Встречается во всех позициях слова: *дукI* «просо», *дурх'ас* «играть», *дегьре* «секач», *адай* «дядя», *чайдан* «чайник», *уд* «зёрнышко», *чIид* «блоха».

Д несёт на себе большую функциональную нагрузку: в виде застывшего классного показателя выступает в конце числительных от одного до двадцати, входит в состав суффикса эргативного падежа.

Г – заднеязычная звонкая смычная фонема. Встречается во всех позициях: в начале, середине и конце слова: *гугай* «кукла» *гумуш (гумиш)* «серебро», *деги (диги)* «осёл», *ургуж* «бритва», *жерге* «ряд», *угвас* «гореть». *муг* «гнездо», *мег (маIг)* «причёска», *чанг* «горсть».

Глухие придыхательные смычные

П - губно-губная глухая придыхательная смычная фонема. Встречается во всех позициях слова: в начале, середине и конце: *пурар* «седло», *пут (путар)* «грива», *пул* «деньги», *пич* «печь», *пурцI* «птичье перо», *темпел* «ленивый», *кепек* «копейка», *палаппус* «гриб», *цIайлапан* «молния», *цамп* «шаг».

Т – зубная глухая придыхательная смычная фонема. В односложных словах в речи сёл Усуг и Укуз финальный *т* получен из геминаты *тт: чит* «ситец», *нет* «вошь», *рат* «гумно» (ср. соб. аг. *читт, нетт, ратт).*

Т употребляется во всех позициях слова: *тав* «кунацкая», *таваккал* «риск», *тук* «цветок», *турк* «ласка (зоол.)», *чанта* «сума», *картуф* «картофель», *фатас* «отпустить», *хурт* «пена», *кIут* «альчик».

К – заднеязычная глухая придыхательная смычная фонема. Встречается во всех трёх позициях: *куниш* «браслет», *кейчIвас* «бросать (курить)»; «пересекать (реку)», *кул* «ветка», *кунар* «одежда», *куч* «коса (женская)», *кум* «дым», *акӱн (укун)* «долина», *лак* «нога», *тIак* «корзина, сплетённая из прутьев».

Здесь, как и при аспиратах *п* и *т,* в речи сёл Усуг и Укуз имеет место употребление *к* в конце односложных слов взамен геминаты *кк* и дальнейшее его превращение при словоизменении в геминату: *ирк* «кость», мн. *ирккар; ккек* «петух», мн. *ккеккер; йак* «мясо», мн. *йаккар.*

Функции *к* не ограничиваются лишь фонетическими рамками, сфера его распространения выходит за эти рамки и находит применение в морфологии в виде локальных превербов, а также аффикса местного падежа со значением «нахождения предмета на вертикальной плоскости». В речи сёл Усуг и Укуз, в силу действия закона перехода конечного *кк → к*, в последнем совпали превербы, указывающие на «нахождение предмета на наклонной плоскости» и «нахождение предмета под чем, кем-либо».

Хъ - увулярная придыхательная глухая смычная фонема. *Хъ* несёт функции местного падежа и пространственного преверба со значением «за кем, чем-либо».

Функции *хъ* в описываемом диалекте шире чем в собственно агульском. В данном диалекте *хъ,* в отличие от собственно агульского диалекта, выступает ещё и как глагольный префикс и инфикс со значением обратного, повторного действия: *гIвас* «идти» - *хъугIвас* «идти обратно, возвращаться», *гъушас* «брать» - *гъахъушас* «брать обратно». Избыточность *хъ* в керенском диалекте образуется также в результате действия тенденции перехода геминированных в конце слова в их придыхательные аналоги: *рахъ'* «дорога» (ср. соб. аг. *ракъ').*

Выступает во всех позициях слова: в начале, середине и конце: *хъучархьас* «догнать», «доходить, достичь», *хъакьас* «починить», *хъучадувас* «з-атянуть», *ъатхъас* «высыпать», *латхъас* «раздеть(ся)», *эхъ* «тень», *илхъ* «смех».

Завершая часть о глухих придыхательных смычных, можно констатировать в речи сёл Усуг и Укуз тенденцию перехода геминированных согласных в их придыхательные корреляты в конце односложных слов. В речи села Квардал посредством аспираты *к* передаётся два локальных значения (в глагольных превербах и местных аффиксах имён). Оба эти явления находят аналогии в соседнем лезгинском языке.

Смычные интенсивные

Пп – губно-губная глухая смычная гемината, отличается от *пп* собственно агульского диалекта меньшей степенью напряжения речевого аппарата при произношении.

Встречается во всех позициях слова: в начале, середине и конце: *ппарз* «гребень (горы)», *сеппел* «ус», *хуппай* «потом», *х'уппехъен* «пастух (овец)», *чапп* «тряпка».

Тт - зубная глухая смычная гемината. От собственно агульского *тт* отличается тем, что при произношении речевой аппарат напрягается не так сильно.

Встречается в начале, середине и конце слова: *ттуттас* «трясти», *ттаккра* «лук (оружие)», *хуттурфас* «смотреть», *музеттар* «мелочь», *хIуттеф* «острый», *хъаттувас* «отцеплять», *сатти* «один», *муртт* «угол».

Кк – заднеязычная глухая смычная интенсивная фонема, отличается от собственно агульский меньшей степенью напряжённости речевого аппарата при произношении. Встречается во всех позициях слова: в начале, середине и конце: *ккурах* «ярмо», *шиккар* «сахар», *руккас* «зарезать», *некк* «молоко».

Къ - увулярная глухая смычная гемината, от соответствующей геминаты собственно агульского диалекта отличается тем, что при произношении речевой аппарат не так сильно напряжён.

Встречается во всех позициях: *къулгун* «молитва», *къири* «облако», *къугъ* «пух», *къарк* «кора», «кожура», *рукъуф* «сухой», *къадакъ* «гвоздь».

Смычные абруптивы

ПI – губно-губной глухой смычный абруптив. Встречается в ограниченном количестве слов в начальной, срединной и конечной позициях: *пIаIр* «глазной гной», *хIапIала* (эрг.) «отрыжка», *чIапI* «хлоп», «ладонь».

ТI - зубная глухая смычно-гортанная фонема. Встречается во всех трёх позициях: *тIагIас* «опухнуть», *тIак* «корзина из прутьев», *тIамс* «большой ковёр», *тIарун* «сажа», *йагIатIас* «разбить», *кьантIич* «курносый», *хатIа* «вина», «оплошность», *утIул* «узел», *китIас* «привязать», *хутI* «кран», «жало», *тIутI* «муха», *шартI* «условие».

КI - заднеязычная глухая смычно-гортанная фонема. Встречается в начале, середине и конце слова: *кIут* «альчик», *кIучI* «пуговица», *кIечI*

«бурдюк», *кӀарч* «рог», *кӀекӀв* «остриё», *кӀукӀ* «макушка»,*кӀум* «сметана», *цӀекӀин* «свадьба», *сукӀра* «миска», *ъикӀас* «сунуть», *бишикӀ* «ласточка», *чукӀ'* «стрекоза», *чӀекӀ'* «рыба», *экӀ'* «пшеница», *мекӀ'* «холод», *цункӀ* «корточки».

Служит словообразовательным формантом с уничижительным значением: *гӀашрикӀ* «плакса», *хъаттрикӀ'* «вор» и др.

Кь - увулярная глухая смычно-гортанная фонема. Встречается в слове в начальной, срединной и конечной позициях: *кьас* «делать», *кьур* «зерно», *кьутӀ* «морковь», *укьас* «сесть», *лукьас* «сесть (на...)», *кьулкьулф* «горький», *мукь* «место», *шинтӀакь* «прихоть, каприз»; «нарушение правил игры».

Ъ – ларингальный глухой смычный абруптив. Встречается в ограниченном количестве слов в интервокальной позиции и в конце: *даъа* «отрицательная частица», *риъиф* «раскалённый», *ваъ* «отрицательная частица».

Служит суффиксом одной из серий местных падежей, а также превербом со значением нахождения предмета «в ком, чём-либо».

Аффрикаты

Ц – зубная глухая придыхательная аффриката. Встречается в любой позиции: в начале, середине и конце слова: *цамп* «шаг», *цункӀ* «корточки», *цул* «осень», *гъ'аруцас* «бродить», *йац* «вол», *дургец (дуьргец)* «коса (с.-х. орудие)», *цац* «в прошлом году», *тӀабруц* «вертушка».

Ч – переднеязычная глухая придыхательная аффриката. Служит словообразовательным формантом в именах существительных и направительным превербом со значением «к ориентиру» [Сулейманов 1980 : 203]: *хьирхь* «слюна» - *хьирхьеч* «слюнтяй», *хъ'онтӀ* «сопля» - *хъ'онтӀич* «сопляк»; *ъадикас* «выгнать», но *ъачикас* «загнать» и др.

Входит в состав заимствованного словообразовательного суффикса *–чи: машин* «машинка (швейная)» - *машинчи* «катушка для ниток».

Встречается во всех позициях слова: *чиг* «роса», *чар* «молодой посев», *ачарх'ас* «толкать», *хIамчийар* «грипп», *кучрахан* «паук», *парча* «ткань», *найич (найч)* «куда?», *урч* «телёнок», *хIач* «яблоко».

Цц – зубная глухая свистящая интенсивная аффриката. Встречается в очень ограниченном количестве слов: *ццугъбугъай (ццугъццугъай)* «сосулька», *балницца* «больница».

Чч – переднеязычная глухая шипящая интенсивная аффриката. Встречается в ограниченном количестве слов: *ччиччий* (эрг.) «сестра», *ччуччуй* (эрг.) «брат», *гIуччас* «мыть», «стирать».

ЦI - зубная глухая свистящая смычно-гортанная аффриката. Встречается во всех трёх позициях в слове: *цIас* «дать», *ЦIерхьер* «село Цирхе», *цIекIин* «свадьба», *цIафул (цIуфул)* «очаг», *цIесад* «одиннадцать», *цIабрухъан* «бабочка», «мотылёк», *йагъцIурнацIуд* «пятьдесят», *хIацI* «клещ», *пурцI* «птичье перо».

ЧI - переднеязычная глухая шипящая смычно-гортанная аффриката. Встречается во всех позициях слова: *чIуркьвас* «жевать», *чIурхвас (чIалхас)* «рвать», *чIар* «волос», *чIид* «блоха», *чIил* «ремень», *чIоIрх (чIуIрх)* «морщина», *агъучIас (агъчIвас)* «взбираться», *гIучIеф* «кислый», *лучI* «тёлка», *ъачI* «овраг», *кь'орчI (кь'урчI)* «моль».

Спиранты

Звонкие. *В* – губно-губной звонкий спирант. Выступает в функции аффикса одной из серий местных падежей со значением "«ядом, возле». Он также входит в состав аффикса множественного числа: *ти* «тот» – *тивар* (мн.), *хал* «дом» - *халар* (мн.); входит в состав вопросительной частицы: *хъайнива?* «пришёл?» ...

Встречается во всех позициях в слове: в начале, середине, конце: *вун* «ты», *таваккал* «риск», *чIаIви* «довольно», *гивагIан* «чулок, носок», *деве* «верблюд», *багулив* «рядом», *хумрав* «хурма», *тав* «оттенок».

З - зубной звонкий свистящий спирант. Встречается во всех позициях: *заз* «колючка», *зур* «моча», *базбаз* «гребешок (петуха)», *бизи* «женская грудь», *ризкь* «пропитание», «пища», *къизил* «золото», *лазат (лезет)* «наслаждение», *луз* «раствор», *мез* «язык» (анат.), *мурз* «жар», *ппарз (ппарзā)* «гребень (горы)».

Й - среднеязычный звонкий спирант. В описываемом диалекте *й* имеет широкое употребление. Входит в аффикс множественного числа у существительных с гласным исходом, где играет роль связующего элемента. В этом отношении рамки употребления *й* в керенском диалекте шире. чем в собственно агульском. Служит аффиксом эргативного падежа.

Встречается во всех трёх позициях: *йургъван* «одеяло», *йаман* «ёж», *йерг* «молотильная доска», *йургъва* «иноходь», *лайикь* «достойный», *хайрат* «жертва в память умершего», *айар* «участок, где запрещена рубка и потрава», *айчIвас* «выходить», *къай* «ножны», *къуй* «колодец».

В исходе и в середине слов, там, где в собственно агульском диалекте утрачен *й*, керенский диалект сохранил исходные формы: *хуй – ху* «поле». *цIай – цIа* «огонь», *ийчира – ичира* «хотя».

Гъ – увулярный звонкий спирант. Употребление *гъ* в керенском диалекте, в сранвении с собственно агульским ограничено в связи с переходом его в некоторых случаях в глухой спирант *х*. Встречается во всех положениях слова: *гъад* «молоток», *угъал* «дождь», *хулагъул* «крыша». *чIигъан* «гармонь», *йагъцIур* «сорок», *агъу* «яд», *йагълав* «сковорода», *агъ* «бязь», *рагъ* «солнце», *къирагъ* «берег», *къугъ* «пух (птичий)», *магъ* «сошник», *багъ* «сад».

ГI - фарингальный звонкий спирант. Встречается в любой позиции слова: *гIуркI* «жвачка», *гIуш* «ночь», *гIучIеф* «кислый», *гIуши* «ночью».

гIабдал «юродивый», *гIилми* «наука», *гIакъул* «ум», *гIаламат* «чудо», *муфагIат* «сок, нектар», *пагI* «курица».

Ж – переднеязычный звонкий шипящий спирант. Употребление *ж* в керенском диалекте шире, чем в собственно агульском, где употребление его ограничено. Встречается он там в заимствованиях. В керенском диалекте мы имеем процесс перехода *дж* → *ж* (спирантизация).

Встречается в любом положении слова: в анчале, середине и конце: *мужур* «борода», *жанг* «иней», *жинжир* «цепь», *жерге* «ряд», *нажбар* «крестьянин», *къужа* «старик», *ургуж* «бритва», *кIеж* «бумага», «письмо».

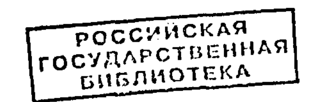
Глухие. *Ф* – губно-зубной глухой спирант. Сфера употребления *ф* в керенском диалекте уже, чем в собственно агульском. Это объясняется: во-первых, действием фонетического процесса в собственно агульском диалекте, в результате которого в исходной форме местных падежей происходит оглушение *в* за счёт чего происходит расширение функции *ф*. Во-вторых, сужение роли глагольного преверба *ф*, который заменяется в керенском диалекте в некоторых случаях другими превербами.

Встречается во всех позициях в слове: *фун* «живот», *фагъучIас* «восходить (о солнце)», *фалижа* «паралич», *афна* «огурец», *уфул* «холодная дрожь», *серфел* «сито», *картуф* «картофель».

Служит, как и в собственно агульском диалекте, окончанием прилагательного.

С – зубной глухой свистящий спирант. Встречается в любом положении: в начале, середине и конце слова: *сув (суй)* «гора», *сукIра* «миска», *серг* «чеснок», *сахв (сехв)* «коренной зуб», *хусуси* «собственный, личный», *meскъв* «мозг», *ис* «год», *нис* «сыр», *мес* «трут», *хъварс* «домовой».

Ш – переднеязычный глухой шипящий спирант. Встречается в слове в любом положении: *шиш* «вилка», *шуй* «муж», «мужчина», *къ'ашуф* «мокрый», *гIашкъи (гIашкъ)* «охота», «страсть», *лишан* «отметина»; «цель»,

кемшйр «бронза», *куниш* «браслет», *баIнгиш* «медведь», *гуьлерш* «клей», *йарш* «ось арбы».

Хь – заднеязычный глухой спирант. Употребляется во всех позициях слова: *хьар* «печь для выпечки хлеба», *хьей* «шерсть», *хьед* «вода», *хьилаба* «пешком», *кихьас* «зажечь», *фаттихьас* «отпустить», *лахьас* «одевать, надевать», *лихьас* «поставить, положить», *мехь* «хлев», «кошара», *маIхь (мехь)* «горсть», *ибхь* «снег».

Х - увулярный глухой хрипящий спирант. Употребление **х** в керенском диалекте шире, чем в собственно агульском: в некоторых случаях он соответствует *хI, гь* и *гь* собственно агульского диалекта.

Встречается во всех позициях в слове: *хулжек* «веник», *хаб* «охапка», *хахв* «корыто для теста», *ухуф* «родной», *балхун* «гной», *кkурах* «ярмо», *анжах* «едва».

ХI - фарингальный глухой спирант. Употребляется в некоторых случаях вместо ларингального спиранта *гь* собственно агульского диалекта.

Встречается во всех позициях слова: *хIайван* «лошадь», *хIулдан* «сталь», *хIурмет* «уважение», *махIла* «квартал», *дахIал* «вечер», *ахIмакь* «глупый», *чIвахI (махI)* «сыворотка для сыра».

Гь – ларингальный глухой спирант. Служит, как и в собственно агульском диалекте, аффиксом одной из серий местных падежей со значением «перед кем-чем-либо», а также глагольным превербом с тем же значением. Употребляется во всех позициях слова: *гьел* «теперь», *агьукIас* «нагнуться», *уьдуьгь* «впереди; вперед».

Фонетические процессы в системе согласных

Ассимиляция согласных. Ассимиляция имеет распространение как в собственно агульском диалекте, так и в керенском. Здесь представлена ассимиляция полная и частичная, контактная и дистактная, а по направлению ассимилирующего согласного звука – ассимиляция

регрессивная (когда последующий согласный звук ассимилирует предшествующий) и прогрессивная (когда предшествующий согласный звук ассимилирует последующий). Так, регрессивная полная ассимиляция представлена в слове *жинжир* ← *синжир* «цепь».

В сложных числительных конечный звонкий смычный *д* ассимилируется сонантом *н* – компонентом союза на «и»: *къаннаицӀуд* (← *къадна ицӀуд*) «тридцать», *хьибукъанна сад* (← *хьибукъадна сад*) «шестьдесят один», *йакьукъанна кь'од (кь'уд)* (← *йакьукъадна кь'од (кь'уд)* «восемьдесят два». Здесь мы имеем полную контактную регрессивную ассимиляцию.

В слове *латхьас* «скинуть, свергнуть», «снять (с работы)» (← *латтхьас* ← *алаттихьас* ← *аладихьас)* заднеязычный глухой спирант частично ассимилировал предшествующий звонкий смычный *д*. В слове *китан* «кошка» (← *гитан*) зубной придыхательный смычный *т* частично уподобил себе начальный звонкий заднеязычный смычный *г*.

В керенском диалекте представлена прогрессивная контактная и дистактная ассимиляция. Сочетание *л* + *р* в керенском диалекте даёт *л* + *л*: компонент *р* союза *ра* «и» ассимилируется предшествующим согласным: *цӀуфулла* (← *цӀуфулра*) «и очаг», *цулла* (← *цулра*) «и осень», *чӀалла* (← *чӀалра)* «и слово», *кь'алла* (← *кь'алра*) «и соль», *халла* (← *халра*) «и дом».

В керенском диалекте, в противоположность собственно агульскому, сочетание *р* + *н* может и не дать ассимиляции: кер. *сурна* – соб.аг. *сунна* «дудка».

Диссимиляция согласных. В слове *курлуг* «кирка» диссимиляции подвергся сонорный *л*, который перешёл в вибрант *р*. Начальный звонкий смычный *г* в результате диссимиляции в слове *губарар* «высокие войлочные сапоги» перешёл в глухой *кк*, и это слово в керенском диалекте имеет форму *ккубар*. Губно-губной сонант *м* в слове *дамдам* «барабан» диссимилировался в боковой сонант *л*, и слово приобрело форму *далдам*.

Подвергся диссимиляции и сонант *н* в слове *суннат* «обрезание», который перешёл в *р*: *сурнат*.

Субституция. В керенском диалекте наблюдаются случаи замещения одних согласных другими, близкими по артикуляции. Замещения эти почти всегда происходят среди сонорных согласных, как правило между сонантами *л* и *н*; *л* и *р*.

Носовой сонант *н* собственно агульского диалекта замещается боковым *л* керенского: *лецIв – нецIв* «река», *лакьиш (накьиш) – накьиш* «узор», *илсан – инсан* «человек», *кьуьлкьулф (кьулкьунф) – кьулкьунф* «горький», *лезет (незет) – назат* «наслаждение», *жегьеллем – джегьеннем* «ад»; и наоборот, боковой *л* собственно агульского диалекта замещается носовым сонантом керенского: *абакьун (абанкьван) – абанкьул* «лоб». Вибрант *р* собственно агульского диалекта замещается боковым *л* керенского: *калтуф (картуф) – картуф* «картофель», *чIалхас (чIурхвас) – чIиргъвас* «рвать», *гIулжан – ъ'урджан* «точило», а боковой *л* собственно агульского диалекта – вибрантом *р* керенского: *бусурман – бусулман* «мусульманин», *керпич (керпиш) – кэлпич* «кирпич». Носовой сонант *н* собственно агульского диалекта замещается носовым *м* керенского: *хумча (хунча) – хунча* «поднос с яствами», *мисибат (нисибат) – нуьсуьбат* «беда, напасть», а носовой *м* – сонантом *н*: *несеб (месеб) – мессеб* «род», «происхождение». Губно-губной звонкий смычный *б* собственно агульского диалекта в керенском замещается губно-губным сонорным *м*: *чумхар (чумхвар) – чибхар* «двоюродный брат, двоюродная сестра». На данное замещение в говорах керенского диалекта указывают А.А. Магометов и Р. Шаумян [см.: Магометов 1970 : 37; Шаумян 1941 : 21].

Метатеза. Метатезе подвергаются и одиночные согласные, и целые слоги (причём, как в заимствованных словах, так и в исконных).

У.А. Мейланова по этому поводу пишет: «Метатеза... как правило, происходит в словах заимствованных и первоначально непонятных народу.

Но вместе с тем, метатезе иногда подвергаются и часто употребляются слова..., которые как бы находят для себя различные варианты» [1970 : 80].

В керенском диалекте метатизируются согласные *р* и *гъ, р* и *м, чI* и *тI, р* и *х, р* и *ж, к* и *т*:

кер.	соб.аг.	
режге (жерге)	*джалга*	«ряд»
ишккар (шиккар)	*шаккар*	«сахар»
меткеб (мектеб)	*мактаб*	«школа»
балинца	*банница*	«больница»
ругъ	*гъур*	«высохший стебель»
кумрагъ'ан (курмагъ'ан)	*курмагIан*	«дымоход»
чIoIтIас (чIуртIас)	*тIучIанас*	«мять, давить»
рухуф	*хуруф*	«учёный»; «прочитавший»

Выпадение согласных. Это одинаково характерно как для керенского, так и для собственно агульского диалекта. Часто выпадение согласного вызывает долготу предшествующего гласного, но бывают случаи, когда оно протекает без следа. Выпадают согласные *й, гI, н, ъ, гъ, м.*

Звук *й* выпадает в префиксальной части слова: *икь' (йикь')– йаъ'* «середина, поясница», *ицуд – йицIуд* «десять», *изан – йазан* «пахота», *иркIв – йиркIв* «сердце»; в середине слова полугласный *й* в форме родительного падежа, а также в форме местных падежей в составе с сонорным согласным выпадает:

Ном.	*гада* «мальчик»,	*адай* «дядя»,	*мукь* «место»
Эрг.	*гадай*	*адай*	*мукьуй*
Род.	*гадан*	*адан*	*мукьун*
Лок. на *-л*	*гадал*	*адал*	*мукьул*
Лок. на *-хъ*	*гадайхъ*	*адайхъ*	*мукьуйхъ*

Соседство *й* и *н* возможно, если слог одним из них замыкается, а другим начинается, т.е. если они стоят на слогоразделе: *файни* «принёс». Происходит усечение конечного *й* в словах *гIуши* «ночью» (соб. аг. *ъ'ушуй), х'улашу – гIалашуй* «гость». Выпадает *й* и в конечной позиции в деепричастной форме *хъай,* которая выступает в роли послелога. Вместе с именем он выражает совместность (Comitativus): *ах'а руш х'улашу хъа хъувāI хуластти* «старшая девушка вместе с гостем отправляется домой».

В керенском диалекте в ряде слов выпадает фарингальный *гI,* в собственно агульском же он сохраняется: *хъихьас – гIахъихьас* «нахмурить (брови)», *афна – гIафна* «огурец».

Сонант *н* выпадает в исходе повелительной формы глагола, в то время как в собственно агульском диалекте он сохраняется: *гъуши – гъушен* «бери», *фаци – фацен* «держи», *гъузи – гъузен* «стой»; *дадавас хьес пул гъуши* «возьми у отца для нас деньги».

Глагольный тематический показатель *-ан,* который является необходимым элементом структуры глагольных основ собственно агульского диалекта, в керенском отсутствует: *хуттурфас – хъуттурфанас* «смотреть», *илгвас – амилгванас* «остаться», *гъушас – гъушанас* «брать», *хъузийас – хъузийанас* «толкать». В диалекте отмечено выпадение ларингального *гь: ук цIас – гьуккас* «бежать». В слове *багāнттар* «завтрак» выпал носовой *м,* ср. соб.аг. *багаминттар,* в слове *чIалгъас* «выжимать» – глагольный преверб *к,* который выступает в соб.аг. *к'ачIургъвас.* В деепричастии *файдина* «принося» в керенском диалекте выпал звонкий смычный *д*: *са кьацI гуни файна* (соб. аг. *файдина*), *тула латтив* «принеся кусок хлеба, убери собаку».

В керенском диалекте выпадение ларингального абруптива *ъ,* который служит аффиксом одной из серий местных падежей со значением «в ком, чём-нибудь», вызывает слияние падежных форм. Так, в результате

выпадения абруптива ъ в местном падеже на -ъ произошло слияние форм эргатива и местного падежа. Проиллюстрируем это на примерах:

Ном.	*хал* (кер.)	*хал* (соб. аг.)	«дом»
Эрг.	*хула*	*хула*	
Мест.	*хула*	*хулаъ*	
Ном.	*даги*	*даги*	«осёл»
Эрг.	*дагий*	*даги*	
Мест.	*дагий*	*дагиъ*	

Выпадение абруптивного ъ вызывает и совпадение форм датива и исходного падежей в керенском диалекте:

Ном.	*х'ур*	*хIур*	«село»
Эрг.	*х'ури*	*хIури*	
Дат.	х*'урис*	*хIурис*	
Исх.	*х'урис*	*хIуриъас*	

Наращение согласных. В керенском диалекте имеет место наращение полугласного *й* в начальной, срединной и конечной позициях: *йерхегIвал – ирхевел* «длина», *йичира – ийчира* «хотя», *фишттийчира – фишттичира* «всё-таки». У существительных с исходом на *и* формы номинатива и эргатива в собственно агульском диалекте не различаются. Керенские формы эргатива с *й* дают нам право утверждать об утере его в собственно агульском диалекте:

Ном.	*х'уни* (кер.)	*хIуни* (соб. аг.)	«корова»
Эрг.	*х'уний*	***хIуни***	
Ном.	*гуни*	*гуни*	«хлеб»
Эрг.	*гуний*	*гуни*	

Вибрант *р* в керенском диалекте не только выпадает, но и наращивается: *жубрах – джубах* «скребок» (для очистки квашни от теста)», *усттар – устта* «мастер». Сонант *н* в диалекте наращивается, а затем

подвергается выпадéнию, назализовав предшествующий гласный: *цункI – цукI* «корточки».

Наращивается боковой *л*: *хулагъул – хулагъ* «крыша», *лишан – ишан* 1) «метка, отметина»; 2) «прицел». Примеры свидетельствуют об утере *л* в собственно агульском диалекте, а не о наращении его в керенском.

Выпадение звонкого смычного *д* в аффиксе эргатива произошло в указательных местоимениях собственно агульского диалекта, керенские формы проясняют эту картину: *тиди – ти* «он», *гиди – ги* «тот (внизу)», *лиди – ли* «тот (наверху)».

Чередование согласных в керенском диалекте, как и в собственно агульском происходит в ряде односложных слов. Здесь конечные звонкие смычные согласные при словоизменении, очутившись в позиции между гласными, переходят в геминированные соответствующего ряда: *куб* «кизяк», *мн. куппар, х'уб* «овца», мн. *х'уппар, хьед* «вода», мн. *хьиттар.* В словах *чи* «сестра» и *чу* «брат» придыхательная аффриката в эргативе переходит в геминату *чч*: *ччиччий, ччуччуй.*

Есть чередования, характерные только для данного диалекта. В речи села Усуг в односложных словах (СГС) геминированные согласные, очутившись в исходе, как и в лезгинском языке, переходят в придыхательные: *йак* «мясо», мн. *йаккар; рухъ'* «зола», мн. *рукъ'ар* и т.д. Такое чередование, как отмечает Б.Б. Талибов, вызвано тенденцией перехода конечных геминированных в придыхательные, а не наоборот [1980 : 70-73].

Интервокальную позицию геминированных согласных сильной в восточнокавказских языках отметил ещё Н.С. Трубецкой [1987 : 289], и, он же указал, что геминированные встречаются в любой позиции [1987 : 305]. Но при этом у него отсутствует и намёка на то, чтобы смычные геминированные стали результатом модификации преруптивов (непридыхательных). Об этом не сказано и у других исследователей. Наоборот, диалектный материал агульского языка показывает, что смычные

интенсивные согласные могут в односложных словах в финале перейти в их придыхательные корреляты, что было проиллюстрировано нами выше.

В количественных числительных конечный звонкий смычный *д* как в керенском, так и в собственно агульском диалекте, при словоизменении переходит в *й*:

кер.		соб. аг.	
Ном.	*сад*	*сад*	«один»
Эрг.	*сай*	*сайи*	
Ном.	*хьибуд*	*хьибуд*	«три»
Эрг.	*хьибуй*	*хьибуйи*	
Ном.	*къад*	*къад*	«двадцать»
Эрг.	*къай*	*къайи*	

Соответствия согласных. В ряде слов керенского диалекта, так и собственно агульского, наблюдаются соответствия звуков. Их можно разделить на две группы – имеющие постоянный характер и встречающиеся спорадически. Наибольшее количество соответствий приходится на долю смычных и спирантов, меньшее – на долю аффрикат. В сонорных согласных соответствий нет вовсе.

Одну из групп составляют соответствия, где звонкому губно-губному *б* собственно агульского соответствует звонкий губно-губной *в* керенском (результат ослабления губно-губной артикуляции) [Магометов 1970 : 36]: *цIаб – цIав* «лист (дерева)», *шаб – шав* «иди сюда», *баб – бав* «мать», *хаб – хав* «обратно, назад», *кьабахъ – хавахъ* «нареч., послелог позади, сзади», *цIикаб – цIикав* «пирог», *реб – рев* «шило», *силеб – силев* «зуб», *джубах – джувах* «металлический скребок для очистки квашни от теста».

Данный процесс (*б → в*) широко распространён в гехюнском, кушанском диалектах и в цирхинском говоре.

Переднеязычной придыхательной аффрикате *ч* керенского диалекта в собственно агульском соответствует переднеязычный глухой спирант *ш*: *хач*

– *хаш'* «крест», *нахчир – нахшир* «насекомое», *лайчас (айчас) – алдишас* «перепрыгнуть», *вахчег (ваьхчиг) – вахшег* «штаны». Наблюдается также соответствие фарингального глухого спиранта *хI* ларингальному глухому спиранту *гь*: *накахI – накагь* «помолвка», *хIал – гьел* «стрела», *фидахIан (фидагьан) – фидегьан* «сколько».

Придыхательные смычные керенского диалекта в собственно агульском имеют геминированные соответствия, обычно в исходе слова, реже – в начале и середине слова: *п – пп: туп – тупп* «мяч»; *т – тт: чит – читт* «ситец», *мурт – муртт* «угол», *нет – нетт* «вошь», *къут – къутт* «мелкий камень, камушек», *рат – ратт* «гумно», *уьт – уьтт* «мёд», *кIват – кIватт* «мера измерения сыпучих тел»; *к – кк: кIеник – кIенакк* послелог «под», *нек – некк* «молоко», *кIеникес - кI'анаккес* «из-под», *йак – йакк* «мясо», *ккек – ккекк* «петух», *китIас – ккитIас* «привязать», *ирк – иркк* «кость», *кийа – ккейа* «находится под», *кихьас – ккихьас* «постлать»; *хъ – къ: къахъ – къакъ* «вьюк, поклажа, ноша»; *хъ'– къ': рахъ'– ракъ'* «дорога», *рухъ'– рукъ'* «зола».

Глухим смычным керенского диалекта в собственно агульском соответствуют его звонкие корреляты: *кк(к) – г: кказит – газит* «газета», *къарк – къарг* «скорлупа»; *тт(т) – д: хъаттикас – хъадикас* «отцепить, отсоединить», *ъаттахъас – ъадахъас* «высыпать», *латтахъас (латтхъас) – [illegible]ть, скинуть», *латтихьас – алдихьас* «скинуть, свергнуть», *фаттихьас (фаттхьас) – фадихьас* «сбросить», *фурт – фурдагъ* «корзина, сплетённая из прутьев». И наоборот, звонкий смычный *д* может соответствовать глухому геминированному *тт*: *хъ'ад – хъ'ватт* «серая ворона»; *т – тI: хата – хатIа* «оплошность», и наоборот, *тI – т: гъ'атIас – гIатIас* «крошить, накрошить»; *тI – д: шинтIакь – шиндакь* 1) «каприз, прихоть»; 2) «нарушение правил игры»; *й – д: адай – адад* «дядя».

Можно указать на единичные соответствия между керенским и собственно агульским диалектами: *гь – гI: мухургьан – мухуригIан* «фартук,

передник»; *цI – ц: ЦIерхьер – Цирхьер* «село Цирхе», *цIамп – цамп* «шаг»; *гг – ъ: игг(иг) – йиъ* «молотьба»; *гг – г: хIуйагг (хIуйаг) – хIуйаг* «кастрюля»; *х' – х: чIоIрх' (чIуIрх')– чIухрух* «морщина»; х' – *гъ: арх'ал (эрх'ал) – эргъел* «мякина»; *с – сс: мусу – муссу* «толокно», кь'*усеф* - *ъ'уссеф* «старый», *месеб (несеб) – мессеб* «род, происшествие».

й – в: йац – вец «вол», *суйеф - суьвеф* «толстый»;

й – ъ : урай – уриъ «мята»;

х – гь: къурах – къурагь «засуха»;

й – гь: багайни – багагьни «завтра»;

ъ – в : даъа – дава «нет»;

хъ – гъ : хъултухъ – къултугъ «нагрудной карман»;

хI – гI : хIамчийар – гIамчибур «грипп»;

гI – хI : гIулжалф – хIурджалф «правый»;

г – й : гине – йине «дал»;

гь – хI : цIегь – цIехI «коза»;

къ' – къ : къ'урмаIв (къ'армаIв) – къурмев «кот»;

х – хI: хашав – хIаш «скребница»;

н – б : кь'*атIун - ъ'атIуб* «пробор». В данном случае *б* в собственно агульском получен через посредство *м: ъ'атIуб* ← **ъ'атIум* ← **ъ'атIун.* Ср. соответствие *м* и *б* между керенским и собственно агульским диалектами: *чумхар – чибхар* «двоюродный брат», «двоюродная сестра», *хьимцIур – хьибцIур* «тридцать».

ГЛАВА II
МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Керенский диалект характеризуется теми же грамматическими категориями, что и собственно агульский диалект. Имеются и некоторые расхождения между этими диалектами, которые в основном падают на имя существительное, местоимение, числительное и глагол.

Имя существительное

Число имён существительных. Для агульского языка характерно два числа: единственное и множественное. Подобно собственно агульскому диалекту, в описываемом нами диалекте целый ряд отвлечённых слов употребляется только в единственном числе: *хIайа* «стыд, скромность», *шадлухъ* «радость, веселье», а слова, обозначающие парные предметы, или целый комплекс вещей употребляются только во множественном числе. Это слова: *къушайар* «двустволка», *кь'артIвар* «лохмотья» и т.д.

Образование множественного числа. Множественное число в агульском языке образуется аффиксальным способом. Подавляющее большинство диалектов и говоров агульского языка сохраняют нам исходные показатели множественного числа. Аффикс *-бур* присоединяют все имена существительные, оканчивающиеся на гласный, и аффикс *-ар* присоединяют существительные, оканчивающиеся на согласный. Случаи отступления от данного правила объясняются влиянием фонетических факторов. (Об этом см. ниже).

В отличие от других диалектов и говоров, в керенском диалекте и хпюкском говоре имена существительные с исходом на гласный прибавляют во множественном числе суффикс *-йар* и *-ар* - на согласный, т.е. различия касаются образования множественного числа существительных,

оканчивающихся на согласный, что, очевидно объясняется влиянием лезгинского языка, с которым граничат керенский диалект и хпюкский говор.

А. Дирр выводит два аффикса множественного числа: *-ар* и *-вур*. Как указывает он, *-ар* принимают слова, оканчивающиеся на согласный звук. Но среди примеров его встречаются и слова с аффиксом *-вар*, которые он выносит как исключения. Это слова: *су* «гора» – мн. *сувар, тIахIу* «опухоль» – *тIахIувур, тIу* «палец» – *тIувар, чу* «брат» – *чувар, чи* «сестра» – *чи(й)ар, гуни* «хлеб» – *гунивар, хIа* «баран» – *хIавар* [Дирр 1907 : 8].

Данные слова, выносимые А. Дирром как исключения, можно разделить на две группы: 1) слова, которые в единственном числе потеряли конечный губной согласный, но который всплывает в форме множественного числа: *су – сувар, тIахIу – тIахIувар, хIа – хIавар, гуни – гунивар.* Ср. данные существительные в керенском диалекте, а также в фитинском самостоятельном говоре, где конечные губные сохранились и в исходе слова: кер., фит. *сув* «гора», *тIуб* «палец», *х'уб* «овца»; 2) во вторую группу входят слова *чу* «брат» и *чи* «сестра». Р. Шаумян элементы *в* и *й*, выступающие в данных словах во множественном числе, справедливо относит к корню слова [1941 : 27]. В этой связи интерес представляет форма слова «брат» в кошанском диалекте: ср. *чуй,* но мн. *чувар,* которая подтверждает верность замечания Р.М. Шаумяна. Появление *й* в единственном числе, вместо ожидаемого *в*, очевидно, можно объяснить следованием принципу аналогии, ср. *чи* «сестра» – мн. *чийар.*

Р. Шаумян в качестве формантов множественного числа в агульском языке выводит *-ар, -аьр, -ер, -бур, -вур, -вар, -ппар, -бар, -ттар, -йар.* Последний аффикс он считает характерным только керенскому диалекту [Шаумян 1941 : 26].

А.А. Магометов выделяет аффиксы *-ар, -б-ур (-в-ур), -йар; -ар* – для имён существительных с исходом на согласный и *-бур, -йар* – для имён существительных с гласным исходом [см. 1970 : 69].

Заметим, что в агульском языке по диалектам существительные с исходом на согласный и полугласный присоединяют к себе во множественном числе аффикс – *-ар/-ер:* кер. *лак* «нога» – *лакар, руд* «кишка» – *руд-ар, адай* «дядя» – *адай-ар, даллай* «частушка» – *даллай-ар, чIекI* «рыба» – *чIек-ер* и т.д.

Как уже отмечалось (см. «Фонетика»), керенский диалект, в отличие от собственно агульского диалекта, не усекает конечных *й* и *в* и при образовании множественного числа данные слова с исходом на *й* и *в* подчиняются общему правилу – присоединяют к себе аффикс *-ар.* Иначе обстоит дело в собственно агульском диалекте, где в одном случае утерянный согласный во множественном числе восстанавливается: (*су* «гора» – *сувар*)], в другом - не восстанавливается: [(*цIа* «огонь» – *цIабур*, ср. кер. *цIай,* где конечный *й* налицо), *ху* «поле» – *хуппур* (ср. кер. *хуй*)].

В последнем примере в собственно агульском диалекте интенсивный *пп* аффикса множественного числа получен из *б* по аналогии: *хIуб* «овца» - *хIуппар, куб* «кизяк» – *куппар,* где конечный звонкий *б* в односложных словах при словоизменении во множественном числе переходит в геминату *пп.*

В керенском диалекте, как и в собственно агульском, существительные, образованные от прилагательных, во множественном числе присоединяют суффикс *-ттар: мукьунф* «близкий», «родственник» – *мукьунттар, кканеф* «возлюбленный, возлюбленная» – *кканеттар.*

Как указано выше, в керенском диалекте имена существительные, оканчивающиеся на гласный, множественное число образуют при помощи суффикса *-йар,* в собственно агульском диалекте они присоединяют суффикс *-бур:*

кер.	соб. аг.	
кIетIа – кIетIайар	*кIетIа – кIетIабур*	«деревянная лопата»
чакма – чакмайар	*чакма – чакмабур*	*«ботинок, туфля»*
ккурушкка – ккурушккайар	*ккурушкка – ккурушккабур*	«кружка»
бугьу – бугьуйар	*бугьу – бугьубур*	«сова»
даги – дагийар	*даги – дагибур*	«осёл»

Исключение составляют два слова, которые во множественном числе, как и в собственно агульском диалекте, присоединяют суффикс *-вар:*

кер.	соб. аг.
гуни – гунивар	*гуни – гунивар* «хлеб»
х'уни - х'унивар	*хIуни – хIунивар* «корова»

Ряд слов в исследуемом диалекте, как и в собственно агульском, во множественном числе присоединяет к себе двойной суффикс в виде *-ар: некьв – некьварар* «могила», *куч – кучарар* «коса (женская)», *пут – путарар* «грива (конская)», *уд – ударар* «зёрнышко».

А.А. Магометов считает, что такие агульские слова как *некьварар* «могилы», *кучарар* «косы (женские)» оформляются двойным суффиксом множественного числа [1970 : 71].

Имена существительные, оформленные двойным суффиксом *–ар* в группе лезгинских языков, привлекли внимание и некоторых других исследователей.

Впервые в собственно лезгинском языке предпринимаются попытки «определить семантическую принадлежность имён, располагающих названными формами множественности» [см. Мейланова 1985 : 55]. Один из дублетных аффиксов в словах, обозначающих парные названия предметов, части строений, предметы обихода и т.д., квалифицируется как показатель ограниченного множественного (двойственного) числа [Мейланова 1985 :

56]. В качестве примеров приводятся слова: *рак* «дверь» → *ракIар* → *ракIарар*; *тIакIар, дакIар* «окно» → *дакIарар; тIапIар, дапIар* «замок» → *дапIарар* и др. Отмечается, что такие «формы, **уже имеющие аффикс множественного числа** *ар* (разрядка наша – Н.Г.), можно ещё раз поставить в форме множественного числа и тогда понятия *дакIарар, дапIарар* воспринимаются как выражающие множество предметов того же названия» [Мейланова 1970 : 106].

Таким образом, постулируется: двойным суффиксом множественного числа *-ар (-ер)* оформляются имена существительные с общей семантикой множественности (двойственности), т.е. такие реалии, которые складываются из определённых частей, образуя одно целое: *гурар* «лестница» (*гур ← кIар* «ступенька» + суффикс множественного числа *-ар*) → *гурарар* (мн.), *мехъер* «свадьба» (*мехъ + ар)* → *мехъерар* (мн.) и др.

Согласно другому мнению, указанное положение оправдывает себя в случаях, когда речь идёт о существительных, семантически соотносимых с суммой однородных предметов. Такая двуплановость форманта *-ар* с одной стороны – выражать множество предметов, а с другой – образовывать новые реалии от названий предметов, складывающихся в одно целое – детерминирована самой системой словообразования, очевидно, общей для всех дагестанских языков. Ср. аг. *зулер* «каменная ступенька» → *зулерар* «каменная лестница» (т.е. множество каменных ступенек): *къедар* «широкая деревянная ступенька» → *къедарар* «деревянная лестница с широкими ступеньками»; дарг. (речь села Чираг) *къатта* «ступенька» → *къаттапе* (← *къаттабе)* «лестница», ср. также ав. *махх* «железо» → *маххал* «ожерелье». Даргинский формант *-пи (←би),* аварский *-ал*, как и *-ар* в лезгинских языках, наряду с функцией множественного числа выполняют и словообразовательную функцию; такую типологическую параллель можно найти и в других дагестанских языках [см. Сулейманов 1988 : 88].

Но имеется ряд существительных с суффиксом *-ар*, по своей семантике не соотносящихся с парными предметами или их множеством, складывающимися в одно целое. В этом случае мы имеем дело с историческим деривационным суффиксом, не имеющим ничего общего с суфиксом множественного числа, а лишь формально совпавшим с ним: ср. лез. (гюн.) *тӀаг* «ниша в стене» → *дакӀар (тӀагар)* «окно» [Сулейманов 1978 : 104] → *дакӀарар* (мн.), лез. *тӀаб* «деревянный засов» → *тӀапӀар* «замок» → *тӀапӀарар* (мн.), аг. (речь селения Худиг) *тӀаб* «мышеловка» → *тӀабар* 1. «капкан, ловушка»; 2. «замок (деревянный)» → *тӀабарар* (мн.).

Показатель *-ар,* в качестве словообразовательного аффикса, выделяет и М.Е. Алексеев [см. 1985 : 109].

Склонение имён существительных

Основные падежи

Как показывают диалектные материалы развитие направительных падежей – явление вторичное, появившееся в процессе абстрагирования человеческого мышления, направленного для выражения отвлечённых понятий и явлений.

В керенском диалекте, как и в агульском языке в целом, в склонении выделяются две основы: прямая, которая совпадает с номинативом, и ковенная. По А. Дирру, в основе косвенных падежей лежит родительный падеж. Показателю родительного падежа *-н,* указывает А. Дирр, предшествуют гласные *а, е, и, у,* так что получается *-ан, -ен, -ин, -ун.* В некоторых существительных перед окончанием ещё встречается связующий элемент, т.е. согласный или целый слог, состоящий из гласного и согласного [см.: Дирр 1907 : 4]. Эти гласные *а, е, и, у,* а также, встречающиеся в некоторых случаях перед ними целый слог, являются ничем иным, как

показателями косвенной основы. Таким образом, для А. Дирра основа существительных совпадает с эргативом.

Данной точки зрения из современных исследователей придерживаются С.А. Старостин, М.Е. Алексеев. По С.А. Старостину в лезгинских языках представлены две основы – прямая (номинатив) и косвенная. Прямая основа во многих лезгинских языках имеет согласный исход. При присоединении падежных окончаний к ней между корнем имени и последними появляются вставочные гласные. В тех случаях, когда косвенная основа не имеет окончаний, в некоторых лезгинских языках он совпадает с эргативом, что даёт основание иногда говорить о множестве показателей эргатива [см.: Старостин 1981 : 75-76].

Такого же мнения и М.Е. Алексеев, который пишет: «Так, распространённое в дагестановедении утверждение о многоформантности эргатива в действительности является переформулировкой тезиса многоформантности косвенной основы, от которой в свою очередь образуется эргатив с помощью нулевого аффикса». [Алексеев 1985 : 27].

Характерной особенностью агульского языка, наряду с лезгинским, табасаранским языками, является обилие аффиксов косвенной основы (эргативного падежа).

А.А. Магометов в агульском языке выделяет следующие показатели эргатива: *-ди, -йи(-й), -ни, -на, -ла, -и, -а, -ра*. Показателям *-ла, -на, -ни, -ра* обычно предшествуют гласные [1970 : 72 [illegible] Ханма[illegible] занимался системой склонения агульского, табасаранского и лезгинского языков, выделяет в агульском языке для эргатива десять суффиксов: *-и, -у, -а(аь), -ди, -йи, -ла (-ала, -ела), -ри, -ра (-ура, -уІра), -на (-уна), -ни (-ани, -уни)* [см. Ханмагомедов, 1958].

Из показателей эргатива, неотмеченными исследователями остались *-е* (керенский диалект, хпюкский, фитинский говоры), *-джи, -джу* (цирхинский говор), а также *-уь* (фитинский говор) [Сулейманов 1993].

Зная, как образуется косвенная основа (эргативный падеж), не трудно образовать другие косвенные падежи: в родительном падеже к косвенной основе добавляется показатель *-н*, в дательном – *-с*.

Как и во всех языках эргативного строя, в агульском языке при переходных глаголах эргатив служит логическим субъектом: *бава* (эрг.) *гуни файни* «мать принесла хлеба».

Но эргатив может стоять и при непереходных глаголах при этом оставаясь логическим субъектом: *Рамазана* (эрг.) *гиди габач ъихьуни* «Рамазан дал ему шлепка». У.А. Мейланова отсутствие в такого рода предложении прямого дополнения объясняет переходом его в состав сложного глагола (в нашем примере – *габач ъихьас* «дать шлепка»). Как полагает она, в историческом прошлом именная часть этих глаголов стояла при переходных глаголах и выполняла функцию прямого дополнения [Мейланова 1960 : 47-48].

В собственно агульском диалекте, в отличие от других диалектов агульского языка; имеет место употребление в некоторых поговорках формы эргатива, вместо ожидаемой дативной формы: кер. *тахалас* (дат.). *хуттурфуна, х'ур гIутIе* «ешь хлеб, глядя на запасы», ср. фит. *тахалас* (дат.) *хъуттурун, х'ур ъ'утIи,* но соб. аг. *тахала* (эрг.) *хъуттурфуна, гIур ъ'утIен* (в том же значении); фит. *леъэфис* (дат.) *хъуттурун, ликар дагъ* «ноги протягивай, глядя на одеяло», ср. кош. *лаъ'афдис* (дат.) *лигуна, лекар ккиттагIте,* но соб. аг. *лекар, лахIафи* (эрг.) *хъуттурфуна, ккедагъ* (в том же значении).

Употребление эргатива в вышеуказанных поговорках в собственно агульском диалекте не поддаётся объяснению, т.к. в дагестанских языках глаголы типа *хъуттурфанас* «смотреть» требует при себе существительных в дательном падеже, как это имеет место в других диалектах агульского языка. Это поддерживается и материалами близкородственного лезгинского

языка: *йаргъандиз* (дат.) *килигна, кIвачер кквадра* «ноги протягивай, глядя на одеяло».

В агульском языке аффикс *-ди (-ду)* принимают имена существительные с исходом на сонорный согласный [Магометов 1970 : 73]. В этом большую последовательность проявляют керенский и кошанский диалекты, а также цирхинский говор: соб. аг. *гугIан* «носок» – эрг. *гугIани,* гех. *гугIан – гугIани,* цир. *гугIан – гугIанди,* кош. *гегIвен – гегIвенди,* кер. *гивагIан – гивагIанди,* хп. *гугIан – гугIани*; в фитинском говоре эти формы имеют параллельное употребление: ном. *тIуьр* «носок» – эрг. *тIуьрени / тIуьри*; соб. аг. *чIил* «ремень» – эрг. *чIили,* гех. *чIил – чIилини,* цир. *чIил – чIилди,* кош. *чIил – чIилди,* кер. *чIил – чIилду,* хп. *чIил – чIили,* фит. *чIил – чIилу / чIилду.*

В тех случаях, когда слово оканчивается на мягкий согласный, в качестве показателя эргатива появляется гласный переднего ряда, например: соб. аг. *ъ'амкI'* «сновидение» – эрг. *ъ'амкI'и,* гех. *ъ'амкI' – ъ'амкI'и,* кер. *гIамкI' – гIамкI'е (гIамкI'и),* цир. *никI' – никI'и,* хп. *ъ'амкI' – ъ'амкI'и,* фит. *эмкI'у*; соб. аг. *экI'* «пшеница» – *экI'и,* гех. *экI' – экI'и,* кер. *экI' – экI'е,* цир. *экI' – экI'и,* кош. *экI' – экI'и,* хп. *ъ'акI' – ъ'акI'е.*

Аффикс *-ни,* отсутствующий в керенском диалекте, заменяется аффиксами *-на, -ра*:

	кер.	соб. аг.	
Ном.	*гъам*	*гъам*	«горе»
Эрг.	*гъамура*	*гъамуни*	
Ном.	*вахтт*	*вахтт*	«время»
Эрг.	*вахтуна*	*вахттуни*	
Ном.	*пай*	*пай*	«часть, доля»
Эрг.	*пайуна*	*пайуни*	

Соответствие аффикса *-ра*, с одной стороны, и *-у, -и, -ала, -а,* с другой, имеет место между керенским и собственно агульским диалектами исключительно в односложных словах:

Ном.	*кIукI*	*хукI*	«феска»
Эрг.	*кIукIура*	*хукIу*	
Ном.	*тIуб*	*тIуб*	«палец»
Эрг.	*тIубура*	*тIубу*	
Ном.	*дукI*	*дукI*	«просо»
Эрг.	*дукIура*	*дукIу*	
Ном.	*ун*	*ун*	«шум; голос»
Эрг.	*унура*	*уни*	
Ном.	*пич*	*пич*	«печь»
Эрг.	*пичура*	*пичи*	
Ном.	*къутт*	*къутт*	«камушек»
Эрг.	*къуттура*	*къуттала*	
Ном.	*руд*	*руд*	«кишка»
Эрг.	*рудура*	*рудала*	
Ном.	*кьур*	*кьур*	«зерно»
Эрг.	*кьурура*	*кьвара*	
Ном.	*рикь*	*рукь*	«железо»
Эрг.	*рукьура*	*рукьа*	
Ном.	*кьуркь*	*кьуркь*	«горло»
Эрг.	*кьуркьура*	*кьуркьва*	

Соответствия аффиксов *-ала - -у; -а - -у* также имеет место в односложных именах существительных:

Ном.	*реб*	*реб*	«шило»
Эрг.	*ребала (ребела)*	*ребу*	
Ном.	*рес*	*рес*	«палка»
Эрг.	*ресала*	*ресу*	

Ном.	*чанг*	*чанг*	«пригоршня»
Эрг.	*чангала*	*чангу*	
Ном.	*сум*	*сум*	«соломинка»
Эрг.	*сума*	*суму*	
Ном.	*кум*	*кум*	«дым»
Эрг.	*кума*	*куму*	
Ном.	*къум*	*къум*	«песок»
Эрг.	*къума*	*къуму*	

-у – -ала:

Ном.	*х'ав*	*хIав*	«вымя»
Эрг.	*х'аву*	*хIавала*	
Ном.	*хIач*	*хIач*	«яблоко»
Эрг.	*хIачу*	*хIачала*	

-а – -ала:

Ном.	*куб*	*куб*	«кизяк»
Эрг.	*куппа*	*куппала*	

В керенском диалекте косвенная основа у слова *кIур* «дерево» образуется путём контаминации аффиксов эргатива *-ани* и *-ди: кIур* – эрг. *кIуранди,* род. *кIурандин,* дат. *кIурандис.*

В керенском диалекте все имена существительные, оканчивающиеся на гласный, в эргативе присоединяют полугласный *й*. В собственно агульском диалекте представлена полная форма суффикса эргатива *-йи*:

	кер.	соб. аг.	
Ном.	*сурна*	*сунна*	«дудка»
Эрг.	*сурнай*	*суннайи*	
Ном.	*чанта*	*чанта*	«сума»
Эрг.	*чантай*	*чантайи*	
Ном.	*деве*	*деве*	«верблюд»
Эрг.	*девей*	*девейи*	

Ном.	*агъу*	*агъу*	«яд»
Эрг.	*агъуй*	*агъуйи*	
Ном.	*бугьу*	*бугьу*	«сова»
Эрг.	*бугьуй*	*бугьуйи*	

В керенском диалекте гласный *и* в аффиксе эргатива подвергся редукции. Исходной формой аффикса эргатива является -**ди* (→ -*йи* → *й*), которая представлена в кошанском диалекте, а также в фитьинском говоре: кош. *бугьум* «сова» – эрг. *бугьумди,* фит. *бугьу* — эрг. *бугьуди.*

Существительные, оканчивающиеся на заднеязычные смычный *г* и увулярный *кь* также принимают в эргативе аффикс -*й* – в керенском диалекте и -*йи* – в собственно агульском, при этом тематическим гласным, выступающим перед аффиксом эргатива служит гласный, идентичный гласному корня:

Ном.	*муг*	*муг*	«гнездо»
Эрг.	*мугуй*	*мугуйи*	
Ном.	*мукь*	*мукь*	«место»
Эрг.	*мукьуй*	*мукьуйи*	

Ср. кош *муг* – эрг. *мугди/мугри,* фит. *муг – мугуди/мугу;* фит. *мукь* – эрг. *мукьуди.*

И наоборот, керенские формы помогают нам восстановить эргативный аффикс, утраченный в собственно агульском диалекте. Так, в собственно агульском диалекте имена существительные, оканчивающиеся на гласный *и* не различают форм номинатива и эргатива, в то время как в керенском диалекте они различаются:

Ном.	*даги*	*даги*	«осёл»
Эрг.	*дагий*	*даги*	
Ном.	х*‘уни*	*хIуни*	«корова»
Эрг.	х*‘уний*	*хIуни*	
Ном.	*гуни*	*гуни*	«хлеб»

Эрг. *гуний*   *гуни*

Исходная форма аффикса эргатива *-ди* представлена в фитинском говоре: *деги* «осёл» – эрг. *дегиди, х'ани* «корова» – эрг. *х'аниди, гуни* «хлеб» – эрг. *гуниди.* В собственно агульском диалекте аффикс эргатива выпал совсем, в керенском диалекте в виде его следа сохранился *й.*

В описываемом диалекте существительные, обозначающие «брат» и «сестра» в эргативе, каак и в вышеприведённых словах, присоединяют *й*, но при этом редуплицируются основы: *чи* «сестра» – эрг. *ччиччий, чу* «брат» – эрг. *ччуччуй.*

В данном диалекте существительные с исходом на полугласный *й* форм номинатива и эргатива не различают: *гугай* «кукла» – эрг. *гугай, адай* «дядя» – эрг. *адай, кIамай* «придурковатый» – эрг. *кIамай, гагамай* «ящерица» – эрг. *гагамай, даллай* «частушка» - эрг. *даллай.* Но в следующих односложных словах формы номинатива и эргатива различаются: *хьей* «шерсть» – эрг. *хьейи, къай* «ножны» – эрг. *къайи, буй* «рост» – эрг. *буйди. къуй* «колодец» – эрг. *къуйди.*

В собственно агульском диалекте в двух-трёхсложных словах с исходом на *–ай* формы номинатива и эргатива различаются. Здесь вместо дифтонга в эргативе появляется гласный *и*: ном. *будай,* эрг. *буди* «кукла»; ном. *ккабалай,* эрг. *ккабили* «ящерица». В последнем слове в слоге, предшествующему дифтонгу, в эргативе гласный *а* под влиянием гласного форманта сменился на гласный *и.*

В керенском диалекте имена существительные с исходом на *х* и *хь* также в эргативе присоединяют *-й* (← *-йи*). В собственно агульском диалекте аффикс эргатива утрачен; здесь в виде следа сохранился тематический гласный, предшествовавший аффиксу эргатива:

Ном.	*мох'*	*мухI*	«сарай»
Эрг.	*мох'ой*	*мухIу*	
Ном.	*мехь*	*мехь*	«хлев для мелкого рогатого скота»

Эрг. *мехьий* *мехьи*

В речи села Хвередж отмечается явление языковой аттракции, что особенно бросается на фоне общеагульской морфологической системы. Выравнивание по падежу наблюдается в эргативной конструкции, где субъект (эрг.) выравнивает по себе объект (ном.): *дагий* (эрг.) *муркIа* (эрг.) *йархIуне* «осёл ударил ногой». Ус. г.: *дагий* (эрг.) *муркI* (ном.) *йарх'уни.* Аттракция по падежу имеет место в соседнем лезгинском языке: ср. *ламра* (эрг.) *кIуру* (эрг.) *йана* (в том же значении).

В керенском диалекте все имена существительные, которые принимают в эргативе аффикс *-й*, образуют родительный падеж не по правилу, т.е. не от эргатива. Имена существительные с исходом на гласный образуются от номинатива, а имена существительные с исходом на *–й* усекают его и к этой усеченной форме добавляется показатель родительного падежа *–н.* Все эти имена существительные в других диалектах и говорах родительный падеж образуют по правилу:

	кер.	соб. аг.	фит.	
Ном.	*кIemIa*	*кIemIa*	*кIemIa*	«лопата деревянная»
Эрг.	*кIemIaй*	*кIemIaйи*	*кIemIaди*	
Род.	*кIemIaн*	*кIemIaйин*	*кIemIaдин*	
Дат.	*кIemIaйс*	*кIemIaйис*	*кIemIaдис*	
Ном.	*бугьу*	*бугьу*	*бугьу*	«сова»
Эрг.	*бугьуй*	*бугьуйи*	*бугьуди*	
Род.	*бугьун*	*бугьуйин*	*бугьудин*	
Дат.	*бугьуйс*	*бугьуйис*	*бугьудис*	
Ном.	*кIамай*	*кIамай*	*кIамай*	«придурковатый»
Эрг.	*кIамай*	*кIами*	*кIами*	
Род.	*кIаман*	*кIамин*	*кIамин*	

Дат.	*кIамайс*	*кIамис*	*кIамис*	

Подобно указанным словам образуют родительный падеж в керенском диалекте и слова с финальным согласным, принимающие в эргативе полугласный *-й*:

Ном.	*муг*	*муг*	*муг*	«гнездо»
Эрг.	*мугуй*	*мугуйи*	*мугуди*	
Род.	*мугун*	*мугуйин*	*мугудин*	
Дат.	*мугуйс*	*мугуйис*	*мугудис*	

Кажущиеся отклонения в керенском диалекте от общей системы склонения в агульском языке являются результатом фонетических изменений, связанных с редукцией безударного гласного показателя эргатива *-йи* → *-й* и последовавшая за этим выпадение полугласного *й* перед сонорным *н* (агульский язык не терпит стечения *й* и сонорного согласного).

В агульском языке отмечаются случаи аблаута [см. Шаумян 1941 : 23; Магометов 1970 : 80]. В односложных словах, оканчивающихся на согласный, в керенском, собственно агульском диалектах, хпюкском и фтинском говорах при словоизменении чередуются гласные корня. В северном ареале (гехюнский, кошанский диалекты, цирхинский говор) данный процесс не отмечен.

а : у

	кер.	соб. аг.	цир.	
Ном.	*хьар*	*хьар*	*хьар*	«печь для выпечки хлеба»
Эрг.	*хьура*	*хьура*	*хьара*	
Ном.	*хал*	*хал*	*хал*	«дом; комната»
Эрг.	*хула*	*хула*	*хала*	

а : и

Ном.	*цал*	*цал*	*цал*	«стена»
Эрг.	*цили*	*цили*	*цали*	

Данный процесс в керенском диалекте и хпюпском говоре представлен шире в сравнении с другими диалектами и говорами:

е : и

	кер.	хп.	ср. соб. аг.	
Ном.	*хьей*	*хьей*	*хьей*	«шерсть»
Эрг.	*хьийи*	*хьийи*	*хьейи*	
Ном.	*хьед*	*хьед*	*хьед*	«вод»
Эрг.	*хьитта*	*хьитта*	*хьетти*	

Во множественном числе имена существительные также склоняются «по принципу двух основ». В отличие от единственного числа, где отмечается большой набор показателей эргатива, во множественном числе эргатив присоединяет единственный аффикс *и*:

	кер.	соб. аг.	
Ном.	*дадар*	*дадар*	«отцы»
Эрг.	*дадари*	*дадари*	
Род.	*дадарин*	*дадарин*	
Дат.	*дадарис*	*дадарис*	

При определении характера окончаний эргатива в агульском языке мнения исследователей расходятся. Одни исследователи полагают, что исторически для эргатива были характерны в качестве аффиксов гласные, что же касается согласных *д, л, н, р,* сопутствующих им, то они представляются окаменевшими классными показателями (А.М. Дирр, Б.Г. Ханмагомедов). А.А. Магометов считает их составной частью показателей эргатива. Мы разделяем вторую точку зрения. Материальное совпадение согласных *д, л, н, р* с реликтами грамматических классов мы связываем с их активной ролью в фоно-морфологической структуре слова.

Местные падежи. Дагестанские языки отличаются своей многопадежностью, количество их в некоторых, в частности в

табасаранском, приближается к пятидесяти. Такое обилие обусловлено наличием серий местных падежей, которые указывают на различное расположение предмета в пространстве.

В агульском языке представлено восемь серий местных падежей по три падежа в каждой. Это падежи: а) покоя или локативы, б) падежи, которые указывают на движение предмета к определённому ориентиру – направительные падежи и в) на движение предмета от определённого ориентира – исходные падежи.

Локатив образуется от эргатива, сам же локатив служит основой образования направительного и исходного падежей. Аффиксом направительного падежа служит *-ди,* исходного – *-ас.*

Значительные изменения в историческом плане претерпели местные падежи. Исторически в агульском языке было представлено восемь серий по два падежа в каждой из них, а не по три, как это имеет распространение в подавляющем большинстве современных диалектов и говоров. Рудиментарное состояние нам сохранили гехюнский диалект и ричинский говор керенского диалекта, где не получили своего развития направительные падежи. Функции последних здесь совмещают локативные падежи [см. Сулейманов 1980 : 71-72].

В зависимости от расположения предмета в пространстве, местные падежи делятся на восемь серий:

1) серия на *-хъ,* которая указывает на нахождение предмета за кем, чем-либо: *хулахъ* «за домом», *раккахъ* «за дверьми», *салахъ* «за хлевом»;

2) серия на *-л,* которая указывает на нахождение предмета на ком, чём-либо: *дадал* «на отце», *цилил* «на стене»;

3) серия на *-кк',* которая указывает на нахождение предмета под кем, чем-либо: *гъвандикк'* «под камнем», *тIагарикк'* «под окном», *гъвадикк'* «под потолком»;

4) серия на *-к'*, которая указывает на нахождение предмета на наклонной плоскости, а также в жидкости, неплотных веществах: *дагьарик'* «на (наклонной) скале», *нецIук'* «в реке», *кунарик'* «на одежде» (напр. пятно);

5) серия на *-гъ' (-гI)*, которая уазывает на нахождение предмета между кем, чем-либо: *х'уппаригъ' (хIуппаригI)* «между овцами», *хулаpигъ' (хуларигI)* «между домами»;

6) серия на *-в*, которая указывает на нахождение предмета при ком-чём-либо: *бабав* «у матери», *цилив* «у стены»;

7) серия на *-гь*, которая указывает на нахождение предмета перед кем, чем-либо: *раккагь* «перед дверью», *тIагаригь* «перед окном», *идемигь* «перед мужчиной»;

8) серия на *-ъ*, которая указывает на нахождение предмета в ком, чём-либо: *гъ'анаъ (гIанаъ)* «внутри»; «в утробе», *салаъ* «в хлеве», *цилиъ* «в стене».

В описываемом диалекте, как и в хпюкском говоре, показатель локатива на *-гь* «перед» выпадает. Чаще в названных локальных единицах он заменяется аналитической формой, выраженной родительным падежом склоняемого слова плюс наречие «перед»: *ракка / раккан уьдигь* «перед дверью». Здесь же локатив на *-кк'* и на *-к'* совпали – результат перехода смычных геминированных в конце слова в аспираты.

В хпюкском говоре отмечается и факультативное употребление локатива «в, внутри» с показателем -ъ и без него, последнее ведёт к слиянию форм локатива и эргатива: *мухIуйиъ / мухIуйи* «в сеновале».

Все данные трансформации имеют место и в лезгинском языке, с которым граничат хпюкский говор и керенский диалект.

В собственно агульском диалекте, с которым сравниваются материалы керенского диалекта, локативы не подверглись изменениям.

Исходные падежи:

на *-хъас: хулахъас* «из-за дома», *раккахъас* «из-за двери», *салахъас* «из-за хлева»;

на *-лас: дадалас* «с отца», *цилилас* «со стены»;

на *-кк'ас: гъвандикк'ас* «из-под камня», *тIагарикк'ас* «из-под окна», *гъвадикк'ас* «из-под потолка»;

на *-к'ас: дагьарик'ас* «со (наклонной) скалы», *нецIук'ас* «из реки», *кунарик'ас* «с одежды»;

на *-гъ'ас (-гIас): х'оппаригъ'ас (хIуппаригIас)* «из-за овец», *хуларигъ'ас (хуларигIас)* «из, между домами»;

на *-вас: бабавас* «от матери», *циливас* «от стены»;

на *-гьас: раккагьас* «от двери», *тIагаригьас* «от окна», *идемигьас* «от мужчины»;

-ъас(-ас): гъ'анаъас (гъ'анас) «изнутри»; «из утробы», *салаъас (салас)* «из хлева», *цилиъас (цилис)* «из стены».

Направительные падежи:

на *-хъди:хулахъди* «за дом», *раккахъди* «за дверь», *салахъди* «за хлев»;

на *-лди: дадалди* «на отца», *цилилди* «на стену»;

на *-кк'ди: гъвандикк'ди* «под камень», *тIагарикк'ди* «под окно», *гъвадикк'ди* «под потолок»;

на *-к'ди: дагьарик'ди* «к скале», *нецIук'ди* «в реку», *кунарик'ди* «к одежде»;

на *-гъ'ди (гIди): х'оппаригъ'ди (хIуппаригIди)* «по направлению между овец», *хуларигъ'ди (хуларигIди)* «по направлению между домами»;

на *-вди: бабавди* «к матери», *циливди* «к стене (рядом)»;

на *-гьди: раккагьди* «по направлению к (перед) двери», *тIагаригьди* «по направлению к (перед) окну», *идемигьди* «по направлению к (перед) мужчиной»;

на *-ъди* (в керенском диалекте – *-стти) : гIанāди (← гIанаъди),* кер. *гъ'анастти* «вовнутрь»; «в чрево».

В агульском языке стройная система местных падежей строго выдержана в собственно агульском диалекте. По некоторым диалектам и говорам отмечается сокращение числа падежей в сериях. Восемь серий по два падежа в каждой наблюдается в гехюнском диалекте, ричинском говоре керенского диалекта, где отсутствуют направительные падежи. Функции последних выполняют локативы. В цирхинском говоре процесс развития направительных падежей остановился на полпути.

В кошанском диалекте в системе местных падежей отмечается параллельное употребление направительного и локативного падежей, т.е. происходит колебание между этими формами.

Подобно лезгинскому языку, в агульском расстроенной оказалась серия на -ъ (нахождение предмета внутри кого, чего-либо). В данной серии в результате выпадения сериального показателя в усугском говоре керенского диалекта слились с одной стороны формы эргатива и локатива, с другой – датива и исходного падежа. В хпюкском говоре настоящая серия также, в результате редукции гамзы – сериального показателя, претерпела значительные трансформации; в ней форма локатива совпала с формой эргатива, а формы направительного и исходного падежей совпали с формой дательного падежа:

	ус. г.	хп., ср.	соб.аг.	
Ном.	*сал*	*сал*	*сал*	«хлев»
Эрг.	*сала*	*сала*	*сала*	
Дат.	*салас*	*салас*	*салас*	
Лок.	*сала*	*сала*	*салаъ*	
Напр.	*саластти*	*салас*	*салаади*	
Исх.	*салас*	*салас*	*салаъас*	

Особо следует остановиться на направительном падеже. По диалектам и говорам агульского языка направительный падеж данной серии имеет

следующие показатели: *-с,*[1] *-ди, -стти.* Показатель *-с* представлен в хпюкском и фтинском говорах, а также в речи села Дуруштул собственно агульского диалекта, *-стти* – в керенском диалекте и *-ди* представлен в собственно агульском, кошанском диалектах, цирхинском говоре (частично).

Обращает на себя внимание показатель *-стти,* который Р.М. Шаумян пытается возвести к *-ди* [см. Шаумян 1941 : 24]. Н.Д. Сулейманов полагает, что *-стти* является сращением форм *-с* и *-ди,* последний (*-ди*) под влиянием глухого *с* ассимилировался и перешёл в *-тти* (Ср. наречный формант *-ди,* который под влиянием предшествующего глухого согласного может оглушиться и перейти в *-тти: йагъ* «день» – *йагъди* «денно, целый день», но *ис* «год» - *истти* «в продолжении года, целый год», *ъ'уш* «ночь» – *ъ'уштти* «в продолжении ночи, целую ночь» и т.д.).

Данная гибридная форма проливает свет на историю становления (оформления) показателя направительного падежа серии на -ъ в агульском языке. В форме *-стти* отражается хронологическая последовательность формирования направительных падежей. Вначале в сфере местных падежей зарождается «общенаправительный внесерийный местный падеж» с показателем *-с*, позже, когда сформировалась парадигма направительных падежей с собственно направительным аффиксом *-ди,* для выравнивания этой парадигмы к показателю *-с* добавляется *-ди.* Так появляется форма *-стти* (< *-сди*), где составляющие его компоненты *с* и *ди* расположены в той последовательности, в какой зарождаются формы «общенаправительного внесерийного местного падежа» и собственно направительного падежа, составляющие разные хронологические уровни в эволюции языка.

Адекватная картина представлена и в лезгинском языке. В зависимости от распространения форм на *-з* и на *-зди*, лезгинскую языковую область

---

[1] Совпадение показателей направительного падежа и датива имеет место и в лезгинском языке. «Полное совпадение форм дательного падежа и аллятива» мы наблюдаем в аварском, лакском, цезском и в других дагестанских языках [см. Бокарёв 1948].

можно разделить на западный (ахтынский, докузпаринский, курахский, яркинский диалекты) и восточный (кубинское наречие, гюнейский диалект) ареалы соответственно [см. Сулейманов 1980 : 71-72].

Диалектные материалы агульского языка дают возможность очертить изоглоссы распространения тех или иных падежных форм и определить место возникновения определённых форм и путь их дальнейшего продвижения.

В этом плане интерес представляет локатив на *–гь* «перед, впереди», который по диалектам и говорам агульского языка имеет наряду с синтетической формой и аналитическую. Аналитическая форма в сравнении с синтетической вторична. Развитие аналитической формы получает своё развитие в южной периферии распространения агульского языка и по частотности её употребления можно определить очаг распространения данного процесса. Чаще аналитическая форма применяется в хпюкском говоре. В керенском диалекте имеет место параллельное употребление аналитической и синтетической форм с большой тягой в сторону первой: *баб тIагарин удигь / тIагаригь гъузунайа* «мать стоит перед окном». В фитинском говоре также представлены обе формы, но здесь наоборот – употребление синтетической формы доминирует над аналитической: *баб агъузуна тIагаригь / тIагаран инагь.* В собственно агульском, кошанском диалектах аналитическая форма вовсе не представлена: соб. аг. *баб тIагаригь гъузунайа* (в том же значении).

Замена синтетической формы локатива на *-гь* аналитической и широкое распространение данного процесса в южной оконечности агульского языка, пограничной с лезгинским ареалом, и отсутствие синтетической формы в парадигме склонения лезгинского языка и её компенсация аналитической формой, идентичной той, что представлено в агульском, даёт основание говорить об экспансии её в агульский из лезгинского.

Из всех лезгинских языков наибольшее число сериальных показателей представлено в агульском и табасаранском языках, в последнем наблюдается тенденция слияния значений форм на *-ф* и *-гь* в форме *-гь* [см. Магометов 1965 : 118]. В лезгинском языке, который сейчас насчитывает пять серий, идентичных агульским, в прошлом их было больше. Это мнение подкрепляется материалами агульского языка, сопоставляемые с лезгинскими.

В пралезгинском языке Е.А. Бокарев выводит пять серий местных падежей, основываясь на данные языков лезгинской группы: *-л, -хъ, -кк/-к, -а/-аь, -в/-ф/-гь.* Последние четыре серийных показателя он относит к прадагестанскому языку.

Для языков лезгинского, рутульского, цахурского, крызского в форме *-к*,а для агульского и табасаранского в форме *-кк,* Е.А. Бокарёв выделяет местный падеж со значением нахождения предмета под чем-либо, но при этом замечает: «В рутульском языке падеж на *-к* имеет иное значение, он обозначает нахождение внутри чего-либо: *нецIур* «река», *нецIур-у-к* «в реке». Однако это значение является несомненно вторичным» [1960]. Е.А. Бокарёв ошибочно относит показатель *-к* в слове *нецIурук* к *-кк,* а не к *-к* (на наклонной, вертикальной плоскости; в смешении, нахождение в сплошной, но не плотной массе), ср. аг. *нецIук* «в реке», но *нецIукк* «под рекой», где эти формы дифференцированы. Локатив на *-к,* который отличается по своей семантике от *-кк,* ныне самостоятельно функционирует из группы лезгинских языков в агульском и табасаранском. В лезгинском языке эти значения слились в форме на *-к.*

Таким образом, сравнительный анализ агульских диалектов, а также сравнение их с лезгинскими языками в области склонения выявляет большую вариативность, «порождаемую фонетическими процессами, которые активно вмешиваются в склонение и порой приводят к существенным, а в ряде

случаев и к коренным преобразованиям первичной, исходной системы склонения» [Топуриа 1987 : 5].

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

В агульском языке по диалектам и говорам прилагательные в исходе снабжены разными формантами – окаменелыми классными показателями: *ф, т, д, р.* Первый из них имеет применение в керенском, собственно агульском, гехюнском диалектах, а также хпюкском и цирхинском говорах; *т* представлен в фитинском говоре и последних два показателя – в кошанском диалекте. В кошанском диалекте *р* распространён в одной лишь речи жителей селения Буршаг.

Примеры: кер., соб. аг., гех., хп., цир. *кIареф,* кош. *кIаред (кIарер),* фит. *кIарит* «чёрный»;

кер., соб. аг., гех., хп., цир. *гъазеф,* кош. *гIазед (гъазер),* фит. *гъазит* «зелёный».

Наличие в диалектах агульского языка различных классных экспонентов, а в близкородственных языках изменяющихся классных показателей, свидетельствует о том, что пралезгинскому языку было присуще классное словоизменение [Алексеев 1985 : 66].

Прилагательные в агульском языке делятся на непроизводные (или первичные): *иреф* «красный», *кIареф* «черный», *джагварф* «белый», *джикъеф* «короткий» и т.д. и производные: *гучI* «страх» – *гучIаф* «трусливый», *мучI* «темень» – *мучIеф* «тёмный», *гаш* «голод» – *гашинф* «голодный».

В литературе отмечено об отсутствии в лезгинских языках, наряду с другими дагестанскими языками, относительных прилагательных, роль которых выполняют соответствующие имена существительные в родительном падеже. В этом плане не составляет исключения и агульский язык: *дадан ккул* «отцовский тулуп», *ъ'ачун гаджин* «глиняный кувшин», *читтин бархIам* «ситцевое платье» и т.д.

Как полагают и качественные прилагательные лезгинских языков представляют явление относительно новое. Об этом свидетельствуют, например, «отсутствие в некоторых из них «полноправных» прилагательных со значениями «полный», «круглый», «высокий», «большой», «хромой». В рутульском языке, в частности, эти значения передаются причастиями соответствующих глаголов, ср. *гьархыд* «высокий», *ацӀыд* «полный», *ругъуд* «круглый», *сиггыд* «тёплый» и др., представляющие собой формы причастия совершенного вида от глаголов *гьархас* «быть / стать высоким», *ацӀас* «наполниться», *ругъас* «быть / стать круглым; крутиться», *сиггас* «теплеть». Примеры такого рода можно легко обнаружить и в других лезгинских языках, ср. лез. *ккудай* «горячий» (*ккун* «гореть»), *елкъвей* «круглый» (*елкъуьн* «вращаться»), *кьурай* «сухой» (*кьурун* «сохнуть»), *ацӀай* «полный» (*ацӀун* «наполняться») [Алексеев 1985 : 62-63].

При самостоятельном употреблении прилагательные, подобно существительным, склоняются по принципу двух основ. В группе диалектов и говоров, где представлен суффикс *-ф*, при изменении по падежам и числам он заменяется геминатой *тт* (← *д*):

Ном.	*гъазеф*	«зелёный»	мн. *гъазеттар*
Эрг.	*гъазетти*		*гъазеттари*
Род.	*гъазеттин*		*гъазеттарин*
Дат.	*гъазеттис*		*гъазеттарис*

При атрибутивной функции прилагательное не изменяется по падежам и числам, суффикс при этом опускается:

Ном.	*ире тук*	«красный цветок»	мн. *ире тукар*
Эрг.	*ире туку*		*ире тукари*
Род.	*ире тукун*		*ире тукарин*
Дат:	*ире тукус*		*ире тукарис*

Степени сравнения в керенском диалекте, как и в агульском языке в целом, морфологически не выражены. При сравнительной степени

сравниваемое слово ставится в исходном падеже серии на *–л*, а прилагательное при нём не изменяется: *бабалас батІарф* э «красивее матери», *дадалас хІаф* «старше отца», *джандиласра багьа* э «дороже и (даже) жизни».

Превосходная степень образуется при помощи слова *лап* «очень», *ппара* «очень; много»: *лап / ппара иджеф* э «очень хороший, прехороший», *лап / ппара кь'уссеф и* «очень старый, престарый».

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Количественные числительные. В агульском языке, наравне с языками лезгинской группы, в числительных *кьад* «двадцать» и *гIварш, верш* «сто» представлены простые основы. Числительное *агъзур* «тысяча», как и в других лезгинских языках, в агульском является заимствованным из персидского (hazar).

В настоящее время по диалектам и говорам представлено как десятичное, так и двадцатиричное счисление счёта. В прошлом для агульского языка, очевидно, было характерно децимальное счисление. В научной литературе существует и иное мнение [см. Шаумян 1941 : 54; Магометов 1970 : 97; 1970].

Вигезимальный счёт счислений, представленный в керенском диалекте и хпюкском говоре, нам представляется явлением поздним – результатом влияния лезгинского языка, с которым граничат данные локальные единицы. Основным доводом в пользу выдвинутого нами положения может послужить то обстоятельство, что ареал вигезимальной системы распространяется на ту часть территории, которая в прошлом имела культурно-экономическую и политическую общность с лезгинами, продолжающуюся и по сей день. Сильно двадцатеричная система выражена в керенском диалекте в юго-восточной части его локализации (т.е. в точке соприкосновения с лезгинами) и колеблется между децимальной и вигезимальной в западной части (т.е. в точке соприкосновения собственно агульцами).

В агульском языке количественные числительные в виде окаменелых классных показателей сохранили *д* и *р* [см. Магометов 1962 : 170].

Числительные от 1 до 20 в конце имеют суффикс – окаменелый классный показатель -*д*: кер. *сад* «один», *кь'уд* «два», *хьибуд* «три», *йакьуд* «четыре», *гIифуд* «пять», *йерхьид* «шесть», *йерид* «семь», *муйад* «восемь», *йарчIуд* «девять», *йицIуд* «десять», *къад* «двадцать».

Числительные первого десятка (4 – 7, 9 и 10) в агульском языке характеризуются наличием префикса – окаменелого классного показателя *й*, а числительное 8 – окаменелого классного показателя *м* (← *б*) [Магометов 1962 : 170-171]. Там, где в числительных первого десятка не представлен префикс, он утерян [Магометов 1965 : 160].

Сложные числительные до двадцати образуются сочетанием десяти с единицей. При этом числительное «десять» теряет префиксальную часть вместе с суффиксальной: *йицӀуд* «десять», но *цӀесад* «одиннадцать», цӀекь*'уд* «двенадцать» и т.д.

При образовании сложных числительных от двадцати к десяткам присоединяются единицы при помощи союза *на* «и». Последний присоединяется к первой части сложного числительного, ассимилируя классный показатель *д*: *къанна (← къадна) сад* «двадцать один»...

В керенском диалекте вместе с хпюкским говором, где представлена вигезимальная система, все числительные оформляются суффиксом – классным показателем *-д* (исключение – числительное *йагъцӀур* «сорок»). В диалектах и говорах, где представлена децимальная система, числительные от одного до двадцати оформляются суффиксом *-д*, а в числительных от тридцати до девяносто присоединяет суффикс *-р*. В речи села Буршаг (кош.), где тенденция перехода *д → р* действует широко, все числительные от одного по девяносто оформляются суффиксом *-р*.

Примеры: кер. *къаннаицӀуд,* хп. *къаннаицӀуд,* соб. аг. *хьибцӀур,* кош. *шибцӀур* «тридцать»;

кер. *йахцур,* хп. *йахцӀур,* соб. аг. *йагъцӀур,* кош. *йагӀцӀур* «сорок»;

кер. *йахцӀурнаицӀуд,* хп. *йахцӀурнаицӀуд,* соб. аг. *гӀифцӀур,* кош. *йищцӀур* «пятьдесят»;

кер. *хьибукъад,* хп. *хьибукъад,* кош. *йарицӀур,* соб. аг. *йехьцӀур / хьибукъад* «шестьдесят»;

кер. *хьибуккъаннаицIуд,* хп. *хьибукъаннаицIуд,* соб. аг. *йарцIур,* кош. *йарцIур* «семьдесят»;

кер. *йакьукъад,* хп. *йакьукъад,* соб. аг. *майцIур / йакьукъад,* кош. *майцIур* «восемьдесят»;

кер. *йакьукъаннаицIуд,* хп. *йакьукъаннаицIуд,* соб. аг. *йеджцIур,* кош. *йарчIзур* «девяносто».

Фитинский говор, а также некоторые говоры собственно агульского диалекта образуют числительные «шестьдесят», «семьдесят, «восемьдесят» и «девяносто» посредством присоединения основ, которые теряют классный показатель. Здесь также, как и в собственно агульском диалекте, образование числительных «шестьдесят» и «восемьдесят» возможно по вигезимальной системе: *йерхьийицI / хьибукъад* «шестьдесят», *йерийицI* «семьдесят», *муйийицI /йакьукъад* «восемьдесят», *йеркI'уйицI* «девяносто».

«Посредством союза *на* присоединяются и числительные к сотням и тысячам» [Магометов 1970 : 97]: *гIваршна къад* «сто двадцать», *агъзурна йакьу гIваршна йахцIур* «тысяча четыреста сорок».

Как и прилагательные числительные перед определяемым словом не изменяются: *са идеми* «один человек», *муйа идеми* «восемь человек»; *са идемис* «одному человеку», *муйа идемис* «восьмерым мужчинам».

При самостоятельном употреблении склоняются и изменяются по числам:

Ном.	*хьибуд* «три»,	мн.	*хьибудар*
Эрг.	*хьибуй*		*хьибудари*
Род.	*хьибуйн*		*хьибударин*
Дат.	*хьибуйс*		*хьибударис*

Порядковые числительные в агульском языке образуются описательно от количественных при помощи причастной формы глагола *пас (агъас)* «сказать». Керенский диалект, как и хпюкский, фитинский говоры, в причастной форме имеет огласовку *у*, в собственно агульском - *е*: кер. *са*

пуф, хп. *сад пуф,* фит. *сад пут,* соб. аг. *сад пеф,* кош. *сад пид* «первый»; кер. *хьибуд пуф,* хп. *хьибуд пуф,* фит. *хьибуд пут,* соб. аг. *хьибуд пеф,* кош. *шибуд пид* «третий»; кер. *агъзур пуф,* хп. *агъзур пуф,* фит. *агъзур пут,* соб. аг. *агъзур пеф,* кош. *агIзур пид* «тысячный» и т.д.

При употреблении в атрибутивной функции причастная форма в порядковых числительных выступает без классного показателя: *сад пу ккалас* «первый класс», *йакьуд пу йагъ* «четвёртый день», *муйад пу шуьниккв* «восьмой ребёнок».

При самостоятельном употреблении порядковое числительное склоняется и изменяется по числам:

Ном.	*хьибуд пуф* «третий»,	мн. *хьибуд путтар*
Эрг.	*хьибуд путти*	*хьибуд путтари*
Род.	*хьибуд путтин*	*хьибуд путтарин*
Дат.	*хьибуд путтис*	*хьибуд путтарис* и т.д.

Ср. *хьибуд пу бархIам* (ном.) «третья сорочка», *хьибуд пу бархIами* (эрг.), *хьибуд пу бархIамин* (род.), *хьибуд пу бархIамис* (дат.); *хьибуд пу бархIамар* «третьи сорочки», где порядковое числительное в атрибутивной функции не склоняется и не изменяется по числам.

Распределительные числительные образуются от количественных числительных посредством присоединения префикса, соответствующего префиксу образуемого числительного, и наречного суффикса *-ди (→ -тти).*

В керенском диалекте, в отличие от других диалектов, начало некоторых распределительных числительных претерпело фонетические изменения: произошло слияние двух частей с последующим удлинением гласного:

кер. *йеекьутти,* соб. аг. *йа-йакьутти,* хп. *йа-йакьутти,* кош. *йайакьудди,* фит. *йа-йакьутти* «по четыре»;

кер. *йеерхьитти,* соб. аг. *йе-йерхьитти,* хп. *йе-йерхьитти,* кош. *йе-йершидди,* фит. *йе-йерхьитти* «по шесть»;

кер. *ицутти,* соб. аг. *йи-йицутти,* хп. *йи-йицӀутти,* кош. *йийицӀудди,* фит. *йи-йицӀутти* «по десять» и т.д.

В случаях, когда в числительных не представлены префиксы - окаменелые классные показатели, распределительные числительные образуются путём редупликации основ и присоединения суффикса *-ди (→ -тти)*:

кер. *са-сатти,* соб. аг. *са-сатти,* хп. *са-сатти,* кош. *са-садди,* фит. *са-сатти* «по одному»;

кер. *кь'у-кь'утти,* соб. аг. *ъ'у-ъ'утти,* хп. *ъ'у-ъ'утти,* кош. *кь'у-кь'удди,* фит. *кь'у-кь'утти* «по два»;

кер. *хьи-хьибутти,* соб. аг. *хьи-хьибутти,* хп. *хьи-хьибутти,* кош. *хьи-хьибудди,* фит. *хьи-хьибутти* «по три». Ср. лез. *са-сад* «по одному», *кьве-кьвед* «по два», *пуд-пуд* «по три», *кьуд-кьуд* «по четыре», где отсутствие префиксальных классных показателей создаёт условия для редупликации основ в распределительных числительных.

Вопросительные числительные: *фахӀан, фидахӀан* «сколько?, как много?», *хьимуд* «сколько?». Имеющиеся расхождения с собственно агульским диалектом здесь касаются фонетических изменений, ср. соб. аг. *фидехӀан* «сколько?», *хьимуд* «сколько?».

Кратные числительные в керенском диалекте образуются при помощи частицы *гелай, галай, гли* от количественных числительных, при этом классный показатель выпадает: кер. *са галай,* соб. аг. *са гелай.* хп. *са гала,* кош. *са гли* «один раз»;

кер. *къа галай,* соб. аг. *къа гелай,* хп. *къа гала,* кош. *къа гли* «двадцать раз» и т.д.

Собирательные числительные образуются от количественных числительных при помощи союза *-ра* «и»: *садра* «и один», *кь'удра* «оба», *хьибудра* «трое», *йакьудра* «четверо», *йеридра* «семеро», *муйадра* «восьмеро».

«Числительное *сад* «один» с союзом *ра* «и» – *садра* в отрицательном предложении означает «ни один» [Магометов 1970 : 100].

МЕСТОИМЕНИЯ

Личные местоимения. Как известно, различение форм эргатива и номинатива в личных местоимениях кавказских языков является вторичным. В агульском языке подавляющее большинство диалектов и говоров не различает форм номинатива и эргатива, в керенском диалекте эти формы дифференцированы. Выделение керенского диалекта дифференциацией форм эргатива и номинатива на общеагульском фоне[1], даёт основание считать данный процесс как результат влияния лезгинского языка, в котором данное явление представлено во всех локальных единицах.

	кер.	соб.аг.	кош.	фит.	«я»
Ном.	*зун*	*зун*	*зун*	*зун*	
Эрг.	*заш*	*зун*	*зун*	*зун*	
Род.	*зе*	*зе*	*йез*	*зи*	
Дат.	*зус*	*зас*	*зас*	*зас*	
Ном.	*вун*	*вун*	*вун*	*вун*	«ты»
Эрг.	*ваш*	*вун*	*вун*	*вун*	
Род.	*ве*	*ве*	*йев*	*ви*	
Дат.	*вас*	*вас*	*вас*	*вас*	
Ном.	*хьин*	*хьин*	*шин*	*хьин*	«мы» (инкл.)
Эрг.	*хьеш*	*хьин*	*шин*	*хьин*	
Род.	*хье*	*хье*	*иш*	*хьи*	
Дат.	*хьес*	*хьес*	*ишас*	*хьес*	

---

[1] Р. Шаумян склонение личных местоимений увязывает с склонением имён существительных, и, отклонение – схождение форм номинатива и эргатива, чего нет в именах существительных – в образовании эргатива личными местоимениями в собственно агульском кошанском и гехюнском диалектах агульского языка рассматривает как исключение [см. Шаумян 1941 : 55].

Ном.	*чин*	*чин*	*чин*	*чин*	«мы» (экскл.)
Эрг.	*чеш*	*чин*	*чин*	*чин*	
Род.	*че*	*че*	*ич*	*чи*	
Дат.	*чес*	*час*	*ичас*	*час*	

Ном.	*чун*	*чун*	*чун*	*к'ун*	«вы»
Эрг.	*чвеш*	*чун*	*чун*	*к'ун*	
Род.	*чве*	*чве*	*ич*	*к'у*	
Дат.	*чвес*	*чвас*	*ичас*	*к'вас*	

Материалы кошанского диалекта дают основание выделить в личных местоимениях суффикс-детерминант – *(у)н* в форме номинатива и эргатива. Ср. ном. *зун* «я», но род. *йез*, в последней форме *й(е)* – представляет собой классный показатель. Ср. также формы номинатива и эргатива *ш-ин, ч-ин* «мы» и родительного *и-ш (← *йи-ш), и-ч (← *йи-ч),* дат. *и-ш-ас (← *йи-ш-ас), и-ч-ас (← *йи-ч-ас).*

3-м лицом личного местоимения в агульском языке служит указательное местоимение *те (ти, тим), ге (ги, гим), ле (ли, лим).* О функциональном значении смотрите ниже.

Указательные местоимения. В указательных местоимениях развита система пространственной ориентации, которая образует две оппозиционные пары: «рядом» – «в отдалении»; «внизу» – «наверху». Имеющиеся различия в оформлении указательных местоимений по диалектам и говорам касаются гласных: в диалектах и говорах, где имеется тенденция сужения гласного, наблюдается переход **е → и.* Данной тенденции коснулись керенский, кошанский диалекты, фитинский говор:

кер. *ми*, соб. аг. *ме,* цир. *ме,* хп. *ме,* гех. *ме,* фит. *ми* «этот (относительно предмета или лица, находящегося рядом)»;

кер. *ти,* соб. аг. *те,* цир. *те,* хп. *те,* гех. *те,* фит. *ти* «тот (относительно предмета или лица, находящегося в отдалении)»;

кер. *ги,* соб. аг. *ге,* цир. *ге,* хп. *ге,* гех. *ге,* фит. *ги* «тот (относительно предмета или лица, находящегося внизу)»;

кер. *ли,* соб. аг. *ле,* цир. *ле,* хп. *ле,* гех. *ле,* фит. *ли* «тот (относительно предмета и лица, находящегося наверху)».

В кошанском диалекте, в отличие от других диалектов и говоров, данные указательные местоимения наращиваются *м(ме),* относимого к остатку местоимения *ме* [см. Шаумян 1941 : 66; Магометов 1970 : 110]: кош. *мед* (Худиг), *мим* (Арсуг), *миме* (Буршаг) «этот»; *тим* (Арсуг, Худиг), *тиме* (Буршаг)[1] «тот»; *гим (гиме)* «тот (внизу)»; *лим (лиме)* «тот (наверху)».

Все указательные местоимения могут быть префигированы усилительной частицей *гьа-*: *гьаме (гьами)* «вот этот», *гьате (гьати)* «вон тот», *гьаге (гьаги)* «вон тот (внизу)», *гьале (гьали)* «вон тот (наверху)».

В кошанском диалекте соответственно: *гьамед (гьамим, гьамиме): гьатим (гьатиме); гьагим (гьагиме); гьалим (гьалиме).*

Помимо указанных форм в керенском, кошанском диалектах, фитинском и хпюкском говорах представлены местоимения с отдалённой ориентацией: кер. *гьооти,* кош. *оотим,* хп. *ооте,* фит. *гьооти* «тот (дальний)»; кер. *гьооги,* кош. *гьоогим,* хп. *вооге,* фит. *гьооги* «тот (дальний внизу)»; кер. *гьооли,* кош. *оолим,* хп. *ооле,* фит. *гьооли* «тот (дальний наверху)».

«Разнообразие форм указательных местоимений свидетельствует о тенденции языка к конкретизации отношений в пространстве» [Шаумян 1941 : 66].

Во множественном числе по диалектам и говорам присоединяются различные аффиксы, которые сводятся к двум формам: *-бур (-вур, -ур, -уьр)* и *–вар (-ар).*[2]

---

[1] Дальше в следующей последовательности: сначала даётся форма речи сёл Арсуг и Худиг, в скобках – села Буршаг.

[2] Начальные *б* и *в* в аффиксах множественного числа – классные показатели [см. Магометов 1962 : 174].

Примеры: кер. *ти-вар,* соб. аг. *те-бур,* хп. *т-уьр,* гех. *т-ур,* цир. *те-вур,* кош. *т-ар,* фит. *ти-бур* «те»;

кер. *ми-вар,* соб. аг. *ме-бур,* хп. *м-уьр,* гех. *м-ур,* цир. *ме-вур,* кош. *м-ар,* фит. *ми-бур* «эти»;

кер. *ги-вар,* соб. аг. *ге-бур,* хп. *г-уьр,* гех. *г-ур,* цир. *ге-вур,* кош. *г-ар,* фит. *ги-бур* «те (внизу)»;

кер. *ли-вар,* соб. аг. *ле-бур,* хп. *л-уьр,* гех. *л-ур,* цир. *ле-вур,* кош. *л-ар,* фит. *ли-бур* «те (наверху)».

Склоняются указательные местоимения подобно именам существительным: эргатив служит основой для образования косвенных и местных падежей, а номинатив лежит в основе эргатива. Исходной формой эргатива служит *-ди,* которая представлена в керенском, кошанском диалектах, фитинском говоре:

Склонение указательного местоимения *те (ти, тим, тиме)* «тот»

	кер.	кош.	соб.аг.	цир.	фит.	гех.
Ном.	*ти*	*тиме*	*те*	*те*	*ти*	*те*
Эрг.	*тиди*	*тимеди*	*ти*	*тири*	*тиди*	*ти*
Род.	*тидин*	*тимедин*	*тин*	*тин*	*тидин*	*тин*
Дат.	*тидис*	*тимедис*	*тис*	*тис*	*тидис*	*тис*
Лок.	*тидил*	*тимедил*	*тил*	*тил*	*тидил*	*тил*

Вопросительные местоимения: *фуш?* (собственно агульский, кошанский диалекты, цирхинский говор), *фиш?* (керенский, гехюнский диалекты, хпюкский говор), *фидж?* (фитинский говор) «кто?»; *фи?* «что»; *найе?* (собственно агульский, гехюнский диалекты, цирхинский, хпюкский говоры), *нийи?* (керенский, кошанский диалекты, фитинский говор) «который?»; *фиштин?* «какой?».

А.А. Магометов в местоимениях *фуш?* «кто?» и *фи?* «что?» выделяет префиксальный *ф (← в)* как классный показатель [1962 : 175].

При склонении вопросительного местоимения *фуш?* «кто» в единственном числе косвенная основа и местные падежи образуются супплетивно, при этом керенский диалект и хпюкский говор усекают префиксальную часть:

	кер.	хп.	соб.аг.	цир.	гех.	фит.
Ном.	*фиш*	*фиш*	*фуш*	*фуш*	*фиш*	*фидж*
Эрг.	*на*	*на*	*гьина*	*гьина*	*гьана*	*гьина*
Род.	*нан*	*нан*	*гьинан*	*гьинан*	*гьанан*	*гьинан*
Дат.	*нас*	*нас*	*гьинас*	*гьинас*	*гьанас*	*гьинас*
Лок.	*нав*	*нав*	*гьинав*	*гьинав*	*гьанав*	*гьинаф*

В кошанском диалекте косвенная основа и местные падежи образуются несупплетивно, но выпадает префискальная часть: ном. *фуш,* эрг. *ше,* род. *шен,* дат. *шес,* лок. *ш*[illegible]

При склонении во множественном числе местоимения «кто?» у большинства локальных единиц косвенная основа также образуется супплетивным способом:

	кер.	хп.	гех.	цир.
Ном.	*фишар*	*фишар*	*фишар*	*фушар*
Эрг.	*нари*[1]	*нари*	*гьанари*	*гьинари*
Род.	*нарин*	*нарин*	*гьанарин*	*гьинарин*
Дат.	*нарис*	*нарис*	*гьанарис*	*гьинарис*
Лок.	*нарив*	*нарив*	*гьанарив*	*гьинарив*

В собственно агульском и кошанском диалектах эти формы образуются не супплетивно, а по правилу: ном. *фушар,* эрг. *фушари,* род. *фушарин,* дат. *фушарис,* лок. *фушарив.*

---

[1] Ср.: «керенский диалект в косвенных падежах единственного числа усекает первые две фонемы (*гьи-)* и далее изменяется по общему правилу: род. *нан,* дат. *нас* и т.д., а во множественном числе склоняется без изменения основы в косвенных падежах ...» [Шаумян 1941 : 73].

В фитинском говоре косвенная основа данного местоимения имеет параллельные формы: ном. *фиджар,* эрг. *фиджари/гьинари,* род. *фиджарин/гьинарин,* дат. *фиджарис/гьинарис,* лок. *фиджариф/гьинариф.*

Вопросительные местоимения *фи*? «что?» и *фишттин?* «какой?» склоняются как имена прилагательные:

	кер.	соб.аг.	гех.	кош.	фит.
Ном.	*фи*	*фи*	*фи*	*фи*	*фи*
Эрг.	*фитти*	*фитти*	*фири*	*фиди*	*фиди*
Род.	*фиттин*	*фиттин*	*фирин*	*фидин*	*фидин*
Дат.	*фиттис*	*фиттис*	*фирис*	*фидис*	*фидис*

Исходным формантом эргатива служит *-ди*, представленный в кошанском диалекте (речь селений Арсуг и Худиг) и фитинском говоре. В гехюнском диалекте, в цирхинском говоре он переходит в *–ри*; и в самом кошанском диалекте (в речи селения Буршаг) также представлен *-ри*: В собственно агульском, керенском диалектах, в хпюкском говоре *-ди* переходит в *-тти.*

Во множественном числе вопросительное местоимение *фи*? «что?» присоединяет суффикс *-бур*, который по диалектам и говорам трансформировался в *-ппур* (керенский, собственно агульский диалекты. хпюкский и фитинский говоры) и *-вур (-ур)* (кошанский, гехунский диалекты, цирхинский говор):

	кер.	соб.аг.	гех.	кош.	фит.
Ном.	*фиппур*	*фиппур*	*фивур*	*фивур*	*фиппур*
Эрг.	*фиппури*	*фиппури*	*фивури*	*фивури*	*фиппури*
Род.	*фиппурин*	*фиппурин*	*фивурин*	*фивурин*	*фиппурин*
Дат.	*фиппурис*	*фиппурис*	*фивурис*	*фивурис*	*фиппурис*

Склонение вопросительного местоимения *фишттин?* «какой?»:

Единственное число

Ном. *фишттин* (кер.), *фишттин* (соб. аг.), *фишттин* (кош.)

Эрг.	*фиштинтти*	*фиштинтти*	*фиштинтти*
Род.	*фиштинттин*	*фиштинттин*	*фиштинттин*
Дат.	*фиштинттис*	*фиштинттис*	*фиштинттис*

Множественное число

Ном.	*фиштинттар*	*фиштинттар*	*фиштинттар*
Эрг.	*фиштинттари*	*фиштинттари*	*фиштинттари*
Род.	*фиштинттарин*	*фиштинттарин*	*фиштинттарин*
Дат.	*фиштинттарис*	*фиштинттарис*	*фиштинттарис*

Притяжательные местоимения. Формы родительного падежа личных местоимений служат притяжательными местоимениями, которые выступают в такой роли перед определяемым словом. При самостоятельном употреблении притяжательные местоимения, аналогично прилагательным, присоединяют классный показатель и склоняются как прилагательные.

Склонение притяжательных местоимений *зеф* «мой» (мн. *зеттар)* и *веф* «твой» (мн. *веттар*):

Единственное число

	кер.	соб. аг.	гех.
Ном.	*зеф, веф*	*зеф, веф*	*зеф, веф*
Эрг.	*зетти, ветти*	*зетти, ветти*	*зетти, ветти*
Род.	*зеттин, веттин*	*зеттин, веттин*	*зеттин, веттин*
Дат.	*зеттис, веттис*	*зеттис, веттис*	*зеттис, веттис*

Множественное число

Ном.	*зеттар, веттар*	*зеттар, веттар*	*зеттар, веттар*
Эрг.	*зеттари, веттари*	*зеттари, веттари*	*зеттари, веттари*
Род.	*зеттарин, веттарин*	*зеттарин, веттарин*	*зеттарин, веттарин*
Дат.	*зеттарис, веттарис*	*зеттарис, веттарис*	*зеттарис, веттарис*

В кошанском диалекте и фитнском говоре притяжательные местоимения в исходе имеют суффикс – классный показатель *-д* и *-т*:

Единственное число

	кош.	фит.
Ном.	*йезид, йевид*	*зит, вит*
Эрг.	*йезиди, йевиди*	*зити, вити*
Род.	*йезидин, йевидин*	*зитин, витин*
Дат.	*йезидис, йевидис*	*зитис, витис*
	Множественное число	
Ном.	*йезидар, йевидар*	*зитар, витар*
Эрг.	*йезидари, йевидари*	*зитари, витари*
Род.	*йезидарин, йевидарин*	*зитарин, витарин*
Дат.	*йезидарис, йевидарис*	*зитарис, витарис*

Возвратные местоимения. Возвратные местоимения «сам» и «сами» по диалектам и говорам агульского языка разнятся на основе фонетических трансформаций, подчинённых определённым тенденциям в говоре. Так, к примеру, исходной форме *чаб* «сами», представленной наравне с керенским диалектом в собственно агульском, а также хпюкском и фтинском говорах (южный ареал), в гехюнском, кошанском диалектах и цирхинском говоре (северный ареал) соответствует *чав* – результат ослабления губной смычки у конечного согласного. Изменению подвергается и возвратное местоимение *уч* «сам», в котором коренной согласный в кошанском диалекте (речь селений Арсуг и Буршаг) в отличие от других диалектов и говоров, переходит в дентолабиализованный *чв*.

кер., соб.аг., хп., гех., цир., фит. *уч*, кош. *ичв (уч)*;

кер., соб.аг., хп., фит. *чаб*, гех., кош., цир. *чав*.

Наблюдаются различия и при склонении возвратных местоимений. В кошанском диалекте косвенная основа возвратного местоимения «сам» утратила корневую гласную *у* (речь села Худиг), а там, где представлен дентолабиализованный согласный (речь селений Арсуг и Буршаг) в косвенной основе он превращается в простую аффрикату *ч*. Кроме того, в отличие от других диалектов и говоров, в кошанском диалекте в косвенной

основе меняется и гласный корня. В керенском диалекте и в остальных диалектах и говорах парадигма склонения возвратного местоимения *уч* «сам» единообразна:

	кер.	кош.
Ном.	*уч*	*ич (уч)*
Эрг.	*учи*	*че*
Род.	*учин*	*чен*
Дат.	*учис*	*чес*

Косвенная основа возвратного местоимения *чаб* «сами» также претерпела изменения, они касаются диалектов и говоров, где финальный звонкий *б* не модифицировался в *в* (керенский диалект, хпюкский, фитинский говоры). Здесь звонкий губной *б* в позиции между гласными переходит в геминату *пп*:

	кер.	гех.
Ном.	*чаб*	*чав*
Эрг.	*чиппи*	*чиви*
Род.	*чиппин*	*чивин*
Дат.	*чиппис*	*чивис*

Во всех диалектах и говорах, как показывают примеры, коренной гласный широкого образования *а* в косвенной основе переходит в узкий гласный *и*.

В качестве **определительного** местоимения в керенском диалекте и хпюкском говоре употребляется *вари,* в собственно агульском диалекте, а также цирхинском говоре – *джалла.* В кошанском диалекте и фитинском говоре эти формы употребляются факультативно: кош. *вари / джилла,* фит. *вари / джалла* «весь», «все». Очевидно, в праагульском языке существовали параллельно обе формы – *джалла* и *вари,* иначе невозможно объяснить прерывающие изоглосы в распространении формы *вари* в двух

противоположных ареалах агульского языка – на северной и южной оконечностях.

Отрицательные местоимения. Отрицательные местоимения образуются от вопросительных местоимений посредством присоединения отрицательной частицы *ра* «ни»: *фишра* (керенский, гехунский диалекты, хпюкский говор), *фушра* (собственно агульский, кошанский диалекты, цирхинский говор), *фиджра* (фитинский говор) «никто»; *фера* «ничто», «ничего» (в собственно агульском и гехюнском диалектах), *фира* (в других диалектах и говорах).

В агульском языке функционируют неопределённые местоимения *сад* «один», «некий» и *гьар* «каждый», «всякий». В кошанском диалекте (Буршаг), гехюнском диалекте и цирхинском говоре представлен фонетический вариант неопределённого местоимения *сад – сар.*

ГЛАГОЛ

Агульский глагол не знает таких категорий как категория грамматического класса, числа. Не имеет своего морфологического выражения залог.

Инфинитив в агульском языке оканчивается на согласный *-с*. Тематическим гласным инфинитива служит *а*, который под влиянием предшествующего согласного может модифицироваться: *акьас* «делать», *йирхIас* «бить», *кI'ес* «умереть», «убивать», но ср. *ъикIас* «сунуть».

По своей структуре основа керенского глагола делится на простую (или непроизводную), производную и сложную.

Простая основа может состоять из одного согласного: *кьас (акьас)* «делать», *цIас (йес)* «давать», *хас* «принести», *гIвас* «идти», которому иногда предшествует гласный: *атас* «оставить», *адес* «придти», редко – из двух согласных: *архIас* «стричь (овец)», и ещё реже – из трёх согласных: *джирхас* «расчёсывать».

Производная основа глагола наращивается префиксами (превербами) и инфиксами. Превербы играют большую роль в глагольном словообразовании, вносят различные оттенки в значение глагольной основы.

В части диалектов в некоторых глагольных основах представлен детерминативный суффикс *-ан-* и *-ал-* (последний – исключительно в кошанском диалекте): соб. аг. *гъушанас* «брать», «покупать», ср. фит. *гъушас*: соб. аг. *ъ'утIанас* «кушать», кош. *ъ'утIалас*, ср. хп. *ъ'утIас*. В описываемом нами керенском диалекте детерминативный суффикс в глагольных основах отсутсутствует.

Сложные глаголы образуются от именной части при помощи вспомогательного глагола *акьас* «делать» и *гIвас* (кер.), *хьас* (соб. аг.) «быть», «становиться»: *чIир акьас* «испортить», *чIир гIвас* (соб. аг. *чIир хьас)* «испортиться», *гунтI акьас* (соб. аг. *завал акьас*) «собрать», *гунтI гIвас* (соб. аг. *завал хьас*) «собраться» и т.д.

Образование времён. В основе образования временных форм агульского глагола лежат деепричастия несовершенного и совершенного видов[1], а также инфинитив и причастие.

Деепричастие несовершенного вида образуется от основы глагола при помощи суффиксов *-ад (→ -ари, -ай)* или *-ди.*[2] *-ай* присоединяется к основе глагола, где отсутствует детерминативный суффикс и *–ди,* где тетерминативный суффикс налицо:

с детерминативным суффоксом: соб. аг. *алцанас* «взвешивать» – *алцанди* «взвешивая», кош. *ацманас – ацманди*; соб. аг. *ликӀенас* «писать» – *ликӀенди,* кош. *ликӀанас – ликӀанди;*

без детерминативного суффикса: соб. аг. *хурас* «читать» – *хурай,* кош. *рухас – рухай ...*

В керенском диалекте наряду с хпюкским и фитинском говорами, где в глагольных основах не выступает детерминативный суффикс, деепричастие несовершенного вида равно как и деепричастие совершенного вида принимает суффикс *–*ад (→ -ай).* Исходная форма сохранилась в фитинском говоре:

кер. *гъузас* «стоять» – *гъузай,* хп. *гъузас – гъузай,* фит. *агъузас – агъузад;*

кер. *хуттурфас* «смотреть» – *хуттурай,* хп. *хуттурфас – хуттурай,* фит. *хуттурфас – хуттурад;*

кер. *агвас* «видеть» – *агвай,* хп. *агвас – агвай,* фит. *агвас – агвад*;

кер. *хурас* «читать» – *хурай,* хп. *хурас – хурай,* фит. *хурас – хурад.*

---

[1] В отличие от предшествующих авторов, которые деепричастия агульского языка называют деепричастиями настоящего и прошедшего времени, мы, по выполняемой ими функции (о чём см. ниже), называем их деепричастиями несовершенного и совершенного вида.

[2] Р. Шаумян в собственно агульском и керенском диалектах в деепричастии несовершенного вида выделяет в качестве суффиксов *-айи, -анди, -енди* [см. Шаумян 1941 : 82]. Неправильно выделен суффикс *–айи*, вместо него в данных диалектах мы имеем *–ай.*

В собственно агульском диалекте в некоторых глаголах с детерминативным суффиксом при образовании деепричастия несовершенного вида происходит чередование инфиксальных *й : л* – окаменелых классных показателей: *гъуйанас* «брать», «покупать» – деепр. несов. в *гъуланди, хъузийанас* «толкать» - *хъузиланди.*

В собственно агульском и гехюнском диалектах некоторые глаголы в деепричастии несовершенного вида и во всех формах, образованных от него, а также в запретительной форме принимают инфикс *р*: соб. аг. *акьас* «делать» – деепр. несов. в. *аркьай* – запр. ф. *маркьа,* гех. *акьас – аркьари – маркьа;* соб. аг. *экьвас* «сидеть» – *эркьвай – амеркьва,* гех. *икьвас – иркьвари – амиркьва.*

В кошанском диалекте инфиксальный *р* появляется лишь у некоторых глаголов в запретительной форме: *акьас* «делать» – *акьай – маркьа,* но *айкьвас* «сидеть» – *айкьвай – амикьва.* Такая же картина представлена и в цирхинском говоре: *акьас – акьай – маркьа.* но *икьвас – икьвай – амикьва.*

В керенском диалекте, хпюкском и фитинском говорах инфиксальный *р* не отмечен:

кер. *экьвас – экьвай – амекьва,* хп. *икьвас – икьвай – микьва,* фит. *уькьвес – уькьвед – уьмуькье;*

кер. *акьас (кьас) – акьай (кьай) – макьа,* хп. *акьас – акьай - макьа.* фит. *акьас – акьад – макьа.*

Р. Шаумян ошибочно считает, что в керенском диалекте в запретительной форме выступает инфикс *р.* При этом замечает: «Инфикс «р» сейчас не имеет определённого семантического значения и свойственен не всем диалектам; возможно, что он представляет собою остаток классного показателя» [см. Шаумян 1941 : 103]. По А.А. Магометову *р* в прошлом служил для выражения дюративного аспекта в глаголе [1970 : 157].

Деепричастие совершенного вида образуется от основы глагола при помощи суффикса *–ина, -уна.* Глаголы, основа которых содержит

детерминативный суффикс, при образовании деепричастия совершенного вида усекают его [Шаумян 1941 : 82].

Категория аспекта в агульском языке выражается деепричастиями совершенного и несовершенного вида [ср. Магометов 1970 : 156]. От деепричастия совершенного вида (в литературе – деепричастие прошедшего времени) образуются временные формы, выражающие только совершенный вид, а от деепричастия несовершенного вида (в литературе – деепричастие настоящего времени) – временные формы, выражающие только несовершенный вид.

Деепричастие несовершенного вида + вспомогательный глагол:

кер. *ъайчIвайай,* соб. аг. *ъайчIвай уйи,* фит. *ъатучIад уди* «выходил» (действие не завершилось в прошлом).

Деепричастие совершенного вида + вспомогательный глагол:

кер. *ъайчIунай,* соб. аг. *ъайчIуна уйи,* фит. *ъатучIун уди* «вышел» (действие завершилось в прошлом).

Вспомогательные глаголы, сопровождающие деепричастия при образовании временных форм, служат для передачи времени совершения действия относительно к моменту речи: совершается ли действие к моменту речи, совершалось ли или совершилось до момента речи и будет ли совершаться или совершится к моменту речи, т.е. время в агульском языке передаётся вспомогательными глаголами [см. Сулейманов 1981 : 141].

Времена образуются от деепричастий совершенного и несовершенного вида при помощи вспомогательных глаголов абстрактного значения *е* «есть», «суть» и конкретного значения *айа (а)* «есть, находится», а также при помощи глагола «быть, становиться».

Спряжение вспомогательного глагола *е* «есть», «суть»

	кер.	соб.аг.
Наст. вр.	*е*	*е*
Прош. вр.	*ий*	*и*

Формы прошедшего времени как в керенском, так и в собственно агульском диалекте претерпели изменения: *и* ← *ий* ← *ийи,* которые восходят к **иди* (фит.) через посредство *ири* (гех.) [Магометов 1970 : 119].

Спряжение вспомогательного глагола *а* «есть», «находится»

Наст. вр.	*а(айа)*	*айа*
Прош.вр.	*айай*	*айи*

Между керенским диалектом и собственно агульским имеются расхождения и в образовании вопросительных, отрицательных и вопросительно-отрицательных форм вспомогательных глаголов.

Вспомогательный глагол *е* «есть», «суть».

Вопросительная форма

Наст. вр.	*эва?*	*эв?*
Прош. вр.	*ийва?*	*ив?*

Отрицательная форма

Наст. вр.	*даъа (даъ)*	*дава (даъ)*
Прош. вр.	*даъай*	*давуйи*

Вопросительно-отрицательная форма

Наст. вр.	*дава? (даъава?)*	*ду?*
Прош. вр.	*дайва? (даъайва?)*	*давуйив?*

Вспомогательный глагол *а* «есть», «находится»

Вопросительная форма

Наст. вр.	*ава?*	*айав?*
Прош. вр.	*айайва?*	*уйив?*

Отрицательная форма

Наст. вр.	*ада*	*адава (адаъ)*
Прош. вр.	*адай*	*адавуйи*

Вопросительно-отрицательная форма

Наст. вр.	*адава?*	*адав?*
Прош. вр.	*адайва?*	*адавуйив?*

В качестве вопросительной частицы в вопросительных и вопросительно-отрицательных формах керенского и собственно агульского диалектов представлена *–ва.* В кошанском диалекте, фитинском и цирхинском говорах вопрос передаётся специальной частицей *и*, которая и является собственно вопросительной частицей, как считает А.М. Магометов [1970 : 120].

Вопрос может передаваться и посредством интонации. Ср. вопросительно-отрицательную форму вспомогательного глагола абстрактного значения собственно агульского диалекта *ду?,* или тот же вспомогательный глагол в хпюкском говоре в отрицательной форме *давá* и вопросительно-отрицательной форме *дáва?*, которые различаются интонационно и по месту ударения.

Общим отрицанием для вспомогательных глаголов керенского и собственно агульского диалектов, как и для всего агульского языка в целом, служит отрицательная частица *-да.*

После того как известны способы образования деепричастий совершенного и несовершенного видов и составлена парадигма спряжения вспомогательных глаголов, можно приступить к образованию времён.

От деепричастия несовершенного вида посредством вспомогательных глаголов образуются следующие временные формы: настоящее конкретное, прошедшее определённое, аорист I, аорист 2, будущее общее, будущее финальное.

От деепричастия совершенного вида посредством вспомогательных глаголов образуются временные формы: прошедшее основное, прошедшее результативное, аорист финальный I, аорист финальный 2, преждепрошедшее I, преждепрошедшее 2.

Настоящее конкретное время образуется от деепричастия несовершенного вида при помощи вспомогательного глагола настоящего времени конкретного значения *а/айа.* Настоящее конкретное время

указывает на действие, которое протекает в момент речи: *бава барх'ам дукьайа* «мать шьёт платье», соб. аг. *баба бархIам дикьванди айа.* В керенском диалекте вспомогательный глагол *айа,* присоединяясь к деепричастию несовершенного вида, стягивается.[1] *Ччиччий ихьен кьайа* «сестра жнёт». Здесь же настоящее конкретное время может иметь и более стяжённую форму: формант деепричастия несовершенного вида *-ай,* слившись с вспомогательным глаголом, даёт долгую гласную: *ихьее (← ихьейа ← ихьей айа)* «жнёт», *кихьаа (кихьайа ← кихьай айа)* «пишет».

Зун хуласти хъ'увaIaI / хъ'увaIйа «я иду домой».

Имеются в агульском языке также сложные глаголы, которые образуются от деепричастий несовершенного и совершенного вида при помощи глагола *гIвас* «быть», «стать, становиться» (соб. аг. *хьас).* Вторая часть таких глаголов, играя роль копулы, в то же время ведут себя как вспомогательные глаголы. Они спрягаются по всем правилам знаменательных глаголов, с той лишь разницей, что образуемые ими временные формы ограничены формами настоящего конкретного времени: *гIваа (← гIвайа ← гIвай айа),* прошедшего неопределённого времени: *гIвайий* и прошедшего результативного времени: *хьунаа (← хьунайа ← хьуна айа).* В собственно агульском диалекте соответственно: *вее (← вейа ← вей айа), вейи, хьунаа (хьунайа ← хьуна айа).*

---

[1] Р. Шаумян в настоящем конкретном усматривает две формы настоящего времени: настоящее I-е (*гъушайа)* и настоящее 2-е (*гъушай айа).* В стяжённой форме (настоящем I-ом) он видит отличную форму от настоящего 2-го. При этом он замечает, что «за недостатком материала нам трудно установить различие по значению между настоящим I-м и 2-м, тем более, что вторая форма встречается очень редко, а объяснения самих агулов настолько сбивчивы, что трудно на них основывать более или менее определённые заключения» [см. 1941 : 84-85].

З.К. Тарланов, касаясь указанных форм, нестяжённую форму называет редуплицированной, которая по автору служит дуплетом настоящего конкретного. См. его рецензию на работу А.А. Магометова «Агульский язык» [ВЯ 1972(2) : 142].

От деепричастия несовершенного вида при помощи настоящего конкретного времени *гIвас* «быть», «стать, становиться» образуется временная форма настоящего времени, которая «настоящему конкретному… противопоставляется как настоящее общее, но отличается от настоящего общего тем, что представляет действие как прерывающееся» [Тарланов 1972 : 143]: *кьай гIваа* «бывает, что делает» (соб. аг. *аркьай вее), ухай гIваа* «бывает, что пьёт» (соб. аг. *ухай вее), рухай гIваа* «бывает, что читает» (соб. аг. *хурай вее).*

кер. *гьами маларигъ' гъ'ай гIваа чIаъарин кь'у-хьибу идеми* «среди скота находятся два-три ричинца».

соб. аг. *зун тебурин хулаади адегуна, ти хурай вее* «когда я прихожу к ним домой, он бывает, что читает».

От деепричастия совершенного вида при помощи вспомогательного глагола настоящего времени абстрактного значения образуется прошедшее основное время. В керенском диалекте, как и в собственно агульском, вспомогательный глагол выступает в форме *е*, лишь в речи селения Квардал он выступает в форме *и*.

Речь селения Усуг: *гитани нек ухуне (ухуна е)* «кошка выпила молоко».

Речь селения Курдал: *заш гадайс пул гьатуни (←гьатуна и)* «я послал сыну деньги».

При помощи вспомогательного глагола от деепричастия несовершенного вида образуется прошедшее определённое время, которое указывает на действие, «совершавшееся в определённый момент» [Магометов 1970 : 134]: *рухайай (←рухай айай)* «читал» (букв.: читая был) (соб. аг. *хурай уйи), агвайай (агвай айай)* «видел» (букв. видя был) (соб. аг. *аргвай уйи)* и т.д.

Усугский говор: *зун тиварин хуластти шугуна, тиди рухайай* «когда я ходил к ним домой, он читал»; *раттин ад кIилиъас шиниккварин иъ гIвайай / гIвайий (← гIвай айий)* «понизу гумна текла кровь детей».

Прошедшее результативное время образуется от деепричастия совершенного вида при помощи вспомогательного глагола настоящего времени конкретного значения. Прошедшее результативное время указывает на действие, которое совершилось к моменту речи: *заш гадайс пул гьатунаа / гьатуна айа* (соб. аг. *гьатунайа)* «я сыну отправил деньги» (букв. отправив есть).

При помощи вспомогательного глагола прошедшего времени абстрактного значения от деепричастия несовершенного вида образуется аорист I: *учIайай* «влезал» (соб. аг. *учIайи), угъайай* «падал, шёл (об осадках)» (соб. аг. *угъайи).*

дада х'уппахъ'ангIвалди кар кьайай, бава хулан курар кьайай «отец работал чабаном, мать домашнюю работу делала».

Аорист 2 образуется от деепричастия несовершенного вида при помощи аориста I вспомогательного глагола «быть», «стать, становиться». Аорист 2, в отличие от прошедшего I, указывает на действие, ограниченное во времени: *кьай гIвайий* «бывало, что делал» (тп. *аркьай вейи), ухай гIвайий* «бывало, что пил» (соб. аг. *ухай вейи), рухай гIвайий* «бывало, что читал» (соб. аг. *хурай вейи).*

Аорист 2 передаётся также при помощи глагола *хьас* «быть», «стать, становиться» в прошедшем времени: *кьай хьунаа* «бывало, что делал», *угай хьунаа* «бывало, что жег», *кихьай хьунаа* «бывало, что писал». Собственно агульские формы соответственно: *аркьай хьунаа, угай хьунаа, ликIенди хьунаа.* Формы с глаголом *хьас* являются формами «заглазными».

Аорист финальный I (по А.А. Магометову давнопрошедшее время) образуется от деепричастия совершенного вида при помощи вспомогательного глагола прошедшего времени абстрактного значения: *зун*

ах'аба́ван хула айегуна, заш рикь ухунай (← ухуна ай ← ухуна ий) «когда я был у бабушки, я съел (букв. выпил) суп» (соб. аг. *ухуни ← ухуна и).*

От деепричастия совершенного вида при помощи глагола *гIвайий* (соб. аг. *вейи)* образуется аорист финальный 2, который отличается от аориста финального I тем, что указывает на действие, ограниченное во времени: *кьуна гIвайий* «бывало, что сделал» (соб. аг. *акьуна вейи), руккуна гIвайий* «бывало, что зарезал» (соб. аг. *руккуна вейи)* и т.д.

От деепричастия совершенного вида при помощи вспомогательного глагола прошедшего времени конкретного значения образуется преждепрошедшее I время. Оно указывает на действие, совершавшееся до момента речи: *кIинайай* (соб. аг. *кIина айи)* «был убит», «умер» (к тому времени), *руххунайай* (соб. аг. *хуруна уйи)* «прочитано было».

кер. *вун гIвастти, заш китаб рухунайай* «до твоего прихода книга мною была прочитана».

Преждепрошедшее II время образуется от деепричастия совершенного вида при помощи глагола *хьас* «быть», «стать, становиться» в форме прошедшего результативного времени: *ккиркIуна хьунаа* «оказалось, что закончил» (соб. аг. *ккиркIуна хьунаа), кьуна хьунаа* «оказалось, что сделал» (соб. аг. *акьуна хьунаа).*

кер. *накь, зун Рамазанан багулйв адигуна, тиди дарсар кьуна хьунаа* «вчера, когда я пришёл к Рамазану, оказалось, что им уроки были сделаны»;

соб. аг. *накь, зун Рамазанан багулив адегуна, ти дарсар акьуна хьунаа* (в том же значении).

Преждепрошедшее II время, в отличие от преждепрошедшего I, вносит оттенок неожиданности, непредусмотрительности.

Преждепрошедшее II может выражаться также формой глагола *гIваа* (соб. аг. *вее*): кер. *тидивас мус дарс хабар гъушичира, тиди рухуна гIваа* «когда бы его не спросили урок, бывает, что он выучил»; соб. аг. *тивас мус дарс хабар гъушичира, ти хуруна вее* (в том же значении).

Разница между формами, передаваемыми при помощи глаголов *хьунаа* и *гІваа* такова, что первая указывает на действие, свидетелем результата которого не был говорящий. Здесь мы имеем «заглазную» форму. Вторая форма указывает на действие, свидетелем результата которого был говорящий.

От деепричастия несовершенного вида при помощи вспомогательного глагола абстрактного значения настоящего времени *е* «есть», «суть» образуется будущее общее время *кьайе (кьайи)* «буду делать», *цІайе (цІайи)* «дам», *хайе (хайи)* [Магометов 1970 : 129, 136] «буду нести».

Речь селения Квардал: *ах'а ччуччуй пуна а: «Зун вартти ракъ'ус гІвайи», икь'анин ччуччуй пуна а: «Зун икь'ани ракъ'ус гІвайи»* «старший брат сказал: «Я пойду верхней дорогой», средний брат сказал: «Я средней дорогой пойду».

Речь селения Усуг: *«Чве жил ичин, ух'а кье», миди гъаа: «кьайе»* «Если земля – ваша, дай клятву» (букв. делай клятву) этот говорит: «дам» (букв. буду делать); *хуппай гІуши гІвайе усугьаринна агъуларин дагІви* «затем ночью произойдет между усугцами и агульцами (жителями селения Тпиг) война».

Будущее общее время является привилегией керенского диалекта, в других локальных единицах данная временная форма не представлена.

Если от деепричастия несовершенного вида при помощи вспомогательного глагола настощего времени образуется будущее общее время, то при помощи того же самого вспомогательного глагола от инфинитива образуется будущее финальное время (по А.А. Магометову будущее время): *хасе (хаси)* «принесу» (соб. аг. *гъасе), цІасе (цІаси)* «дам» (соб. аг. *йесе), рухасе (рухаси)* «прочту» (соб. аг. *хурасе), ухасе (ухаси)* «выпью» (соб. аг. *ухасе).*

В керенском диалекте в экспрессивной речи конечный *е (и),* т.е. вспомогательный глагол, усекается: *гьел заш вас са ахттилат кьас (← кьасе)* «теперь я тебе расскажу» (букв. рассказ сделаю).

Необходимо ещё указать на некоторые временные формы, которые образуются при помощи вспомогательного глагола *аме* «осталось». Временные формы, образованные при помощи данного вспомогательного глагола, указывают на действие, которое протекает безотносительно его завершения.

От инфинитива при помощи вспомогательного глагола *аме* образуется будущее время, которое указывает, что действие протекало в прошлом и будет протекать ещё в будущем: *заш китаб рухас аме* «я буду читать ещё книгу»; соб. аг. *зун китаб хурас аме.*

От деепричастия несовершенного вида при помощи вспомогательного глагола *аме* образуется настоящее время, которое указывает на действие совершавшееся в прошлом, но всё ещё продолжающееся в настоящем: *дада мактаби кар кьай аме* «отец продолжает работать в школе»; соб. аг. *дада мактаби кар аркьай аме.*

Вышеуказанные временные формы можно классифицировать как будущее и настоящее продолжающееся.

ПРИЧАСТИЕ

Суффиксом причастия как в керенском диалекте, так и в собственно агульском, служит *–ф*, который в органических формах присоединяется к основе глагола, а в аналитических формах – к деепричастиям несовершенного и совершенного вида.

Тематическим гласным органической формы настоящего времени служит *а*, прошедшего времени – *у*: *кихьас* «писать», прич. наст. вр. *кихьаф* «пишущий», прич. прош. вр. *кихьуф* «написавший».

Аналитические формы причастий образуются от деепричастий несовершенного и совершенного вида «при помощи причастий вспомогательного глагола» [Магометов 1970 : 144]: прич. наст. вр. *рухайеф* ← *рухай айеф,* соб. аг. *хурайеф* ← *хурай айеф* «читающий»; прич. прош. вр. *рухунайеф* ← *рухуна айеф,* соб. аг. *хурунайеф* ← *хуруна айеф* «прочитавший».

В керенском диалекте, хпюкском говоре, а также в некоторых говорах собственно агульского диалекта имеются субстантивированные причастия, в которых показатель субстантивации *–д-* вклинивается между деепричастной формой и причастным формантом: *кьайдеф* «делающий», *кьундеф* «сделавший».

В атрибутивной функции причастие теряет суффикс *-ф*: *заш дукьунде ккулис, ваш тамаш кье* «ты полюбуйся, на сшитую мной шубу».

По своей семантике в настоящее время субстантивированные причастия ничем не отличаются от аналитических форм причастий и могут взаимно заменяться: *гимил укьунайеф / укьундеф зе дад е* «сидящий на годекане – мой отец».

В агульском языке причастия при помощи вспомогательного глагола абстрактного значения образуют различные временные формы.

Органическая форма причастия настоящего времени при помощи вспомогательного глагола настоящего времени абстрактного значения *е*

«есть», «суть» образует будущее время: *вун завди гинайе китаб, заш рухафе* «книгу, которую ты мне передал, я буду читать»; соб. аг. *вун завди инайе китаб, зун хурафе.*

От аналитической формы причастия настоящего времени при помощи того же вспомогательного глагола образуется настоящее время: *ти китаб заш рухайафе* «ту книгу я читаю»; соб.аг. *те китаб зун хурайафе.*

Органическая форма причастия прошедшего времени плюс вспомогательный глагол настоящего времени абстрактного значения служит для образования прошедшего совершенного времени: *вун завди гинайе китаб, заш рухуфе* «книгу, которую ты мне передал, мною прочитана» (когда-то); соб. аг. *вун завди инайе китаб, зун хуруфе.*

Прошедшее совершенное время образуется также от аналитической формы причастия прошедшего времени при помощи вспомогательного глагола *е: зе адай дагIвий кIинайафе* «мой дядя погиб на фронте»; соб. аг. *зе адад дагIви кIинайефе.*

От органической формы причастия прошедшего времени при помощи вспомогательного глагола прошедшего времени абстрактного значения образуется аорист финальный: *зус ти ккину агуфий «я видел то кино»*; соб. аг. *зас те ккину агуфи.*

Аорист финальный образуется и от аналитической формы: *ваш рухай ами, заш мактаб ккиркIунайефий* «когда ты ещё учился, я уже закончил школу»; соб. аг. *вун хурай ами, зун мактаб ккиркIунайефи.*

От аналитической формы причастия настоящего времени при помощи вспомогательного глагола прошедшего времеи абстрактного значения образуется давнопрошедшее неопределённое время: *вун бицIиф идегуна, заш вас хабарар хъакьайефий* «когда ты был маленький, я тебе рассказывал сказки»; соб. аг. *вун бицIиф идегуна, зун вас хIикатар ахъакьайефи.*

От причастий настоящего времени (как от органической формы, так и аналитической) при помощи вспомогательного глагола настоящего времени

гIваа (соб.аг. *вее*) «бывает» образуется настоящее время: *зун тиварин хуластти адигуна, тиди дарс рухаф / рухайеф гIваа* «когда я прихожу к ним домой, он бывает что учит урок»; соб. аг. *зун тебурин хулаади адегуна, ти дарс хураф / хурайеф вее.*

От причастий же прошедшего времени при помощи того же вспомогательного глагола образуется прошедшее время: *мус хабар гъушичира, тиди дарс рухуф / рухунайеф гIваа* «когда бы его не спросили, он бывает что прочитал урок»; соб. аг. *мус хабар гъушичира, те дарс хуруф / хурунайеф вее.*

От причастий настоящего времени (органической и аналитической форм) при помощи вспомогательного глагола прошедшего времени *хьунаа* «бывало» образуется преждепрошедшее время: *заш гъушастти, ми китаб гиди рухаф / рухайеф хьунаа* «до того как мне взять книгу, он читал её (им читаема была)»; соб. аг. *зун гъушагунас, ме китаб ги хураф / хурайеф хьунаа.*

Преждепрошедшее совершенное время образуется от причастий прошедшего времени при помощи вспомогательного глагола *хьунаа*: *ваш зав ги китаб, заш рухуф/рухунайеф хьунаа* «книгу, которую ты мне передал, оказалось я читал (оказалась прочитанной мною)»; соб. аг. *вун зав инайе китаб, зун хуруф / хурунайеф хьунаа.*

Наклонения. Категория наклонения в агульском языке мало изучена и в будущем должна стать объектом специального изучения.

Повелительное наклонение. В образовании повелительного наклонения по диалектам наблюдаются значительные расхождения, которые большей частью падают на долю гехюнского, кошанского диалектов и цирхинского говора. На общеагульском языковом фоне способ образования повелительного наклонения 2 л. единственного и множественного чисел в северо-западном ареале не укладывается в общую схему. Здесь, по всей вероятности, мы имеем явление инновационного порядка, такого, который

перекликается с способом образования повелительного наклонения в табасаранском языке.

Повелительное наклонение 2 л. единственного числа у глаголов, где в основе не представлен детерминативный суффикс, образуется путём отсечения аффикса инфитинива:

кер. *йарх'ас* «бить» - *йархас – йарх'*, соб. аг. *йирхIас – йирхI!*, хп. *йархIас – йархI !*, гех. *йархIас – йархI !*, цир. *йарх'ас - йарх'!*, кош. *йирхIас, - йирхI*, фит. *ирх'ас - ирх'!;*

кер. *фаттивас* «отнять» - *фаттив!*, соб. аг. *фаттивас – фаттив!*, хп. *фаттивас – фатту!*, гех. *фаттивас – фаттив!*, цир. *фаттивас – фаттив!*, фит. *фатадивас – фатадив! ;*

кер. *гъархьас* «спать» - *гъархь*!, соб. аг. *гъархьас – гъархь!*, хп. *гъархьас – гъархь!*, гех. *гъархьас – гъархь!*, цир. *гъархьас – гъархь!*, кош. *гIаркис – гIарк!* или к основе инфинитива прибавляется гласный *е (→'и)*, *аь*:

кер. *атас* «оставить» - *ате!*, соб. аг. *атас – ате!*, хп. *атас – ате!*, гех. *атас – ате!*, кош. *атас – ате!*, фит. *атас – ати!;*

кер. *кьас* «делать» - *кье!*, соб. аг. *акьас – акье!*, хп. *акьас – акье!*, гех. *акьас – акье!*, кош. *акьас – акьаь!*, фит. *акьас - акьи!;*

кер. *укьас* «сидеть» - *укье! (укь!)*, соб. аг. *экьвас – экьве!*, хп. *укьас – укь!*, гех. *икьвас – икьве!*, цир. *икьвас – икьве!*, кош. *айкьвес – айкьве!*. фит. *уькьвес – уькьи!*

В односложных глаголах в повелительной форме 2 л. единственного числа восстанавливается префиксальная часть полностью или в виде огласовки:

кер. *кIес* «умереть», «убивать» - *йукI'!*, соб. аг. *кIес - йукI'!*, хп. *кIес - йикI'!*, гех. *кIес - викI'!*, цир. *кIес - викI'!*, кош. *кIис - йикI'!*, фит. *кIес - йикI'! / викI'!;*

кер. *хьас* «быть», «стать, становиться» - *ухь!*, соб. аг. *хьас - ухь!*, хп. *хьас – йухь!*, гех. *хьас – ухь!*, цир. *хьас – ухь!*, кош. *хьас – йихь!*, фит. *хьас – ухь!*.

Глаголы, которые в основе содержат детерминативный суффикс, при образовании повелительного наклонения тематический гласный детерминативного суффикса *а* меняют на *е*:

соб. аг. *ъ'уччанас* «мыть», «стирать» - *ъ'уччен!*, кош. *ъ'улччанас - ъ'улччен!*, цир. *ъ'уччанас - ъ'уччен!*;

соб. аг. *ъ'утIанас* «есть, кушать» - *ъ'утIен*, кош. *ъ'утIалас - ъ'утIел!*, цир. *ъ'утIанас - ъ'утIен!*.[1]

В собственно агульском диалекте и цирхинском говоре, если в глаголах детерминативному суффиксу предшествуют согласные *л* и *й*, то при образовании повелительной формы детерминативный суффикс опускается:

соб. аг. *гуланас* «теряться» - *гул!*, цир. *гуланас – гул!*, но ср. кош. *гуланас – гулен!*;

соб. аг. *хъузийанас* «толкать» – *хъузи! (← *хъузии ← *хъузий)*, цир. *хъузийанас – хъузи!*;

соб.аг. *фачийанас* «отдать» - *фачи (*фачии ← *фачий) / фачатин!*, цир. *фачийанас – фачи!*.

Повелительная форма 2 л. множественного числа в диалектах и говорах в образовании также имеет различия. В керенском, собственно агульском диалектах, хпюкском и фитинском говорах формы единственного и множественного чисел 2 л. в повелительном наклонении не различаются. В кошанском, гехюнском и цирхинском говоре повелительная форма 2 л. во

---

[1] Сходство форм детерминативного суффикса *ан* и аффикса повелительного наклонения *-ен* (тем более, что гласный компонент детерминативного суффикса под влиянием согласного корня может перейти в *е*: соб.аг. *ликIенас* «писать» - *ликIен!*, но ср.: цир., кош., где гласный компонент детерминативного суффикса не подвергается изменению: *ликIанас – ликIен!*) дало повод Р. Шаумяну считать последний детерминативным суффиксом [см. Шаумян 1941 : 79].

множественном числе присоединяет аффикс *–ерай* (собственно - *-ай,* а *–ер* является аффиксом повелительного наклонения 2 л. единственного числа, который всплывает во множественном числе, ср. кош. (речь селения Худиг) *акьас* «делать» - *акьер* (ед.), *акьерай* (мн.);

кер., соб. аг., хп., фит. *ухас* «пить» - *ух*! (ед., мн.), но кош. *ухас – ух! (ухер!)* (ед.), *ухерай*! (мн.), гех. *ухас – ух!* (ед.), *ухерай*! (мн.), цир. *ухас – ух!* (ед.), *ухерай*! (мн.);

кер.; хп. *дуъас* «тянуть» - *дуъ!* (ед., мн.), соб. аг., фит. *дивас - див!* (ед., мн.), но кош. *дзивас – дзив! (дзивер)* (ед.), *дзиверай!* (мн.), гех. *дивас – див* (ед.), *диверай!* (мн.) цир. *дивас – див!* (ед.), *диверай!* (мн.).

Повелительная форма 3 л. единственного и множественного числа образуется от основы глагола при помощи аффикса *–ирай, -урай,* при этом, если глагол в своем составе имеет детерминативный суффикс, то он усекается:

кер. *гъушас* «брать», «покупать» - *гъушурай!,* соб. аг. *гъушанас – гъушурай!,* хп. *гъуджас – гъуджурай!,* гех. *гъушас – гъушурай!,* цир. *гъушас – гъушурай!,* кош. *гьакъас – гьакъуй! (гьакъурай!),* фит. *гъушас – гъушурай!;*

кер. *алцас* «взвешивать» - *улцурай!,* соб. аг. *алцанас – алцурай!,* цир. *алцас – алцурай!,* кош. *ацманас – ацмуй! (ацмурай!),* фит. *алцас – алцурай!;*

кер. *кихьас* «писать» – *кихьурай!,* соб. аг. *ликIенас – ликIирай!,* хп. *ликIес – ликIирай!,* гех. *ликIес – ликIирай!,* цир. *ликIес – ликIирай!,* кош. *ликIанас – ликIнуй!,* фит. *ликIес – ликIирай!*

В глаголе «дать» некоторые локальные единицы агульского языка потеряли корневую согласную. В некоторых из них она восстанавливается в повелительной форме 3 л., как например, в керенском диалекте:

кер. *цIас – гирай!,* соб. аг. *йес – ирай!,* хп. *цIас – ирай!,* гех. *эс – ирай!,* цир. *эс – ирай!,* кош. *йес – ирай!,* фит. *ис – ирай!*

Методом внутренней реконструкции восстанавливаем первоначальную форму данного слова в агульском языке: Появление заднеязычного смычного *г* в повелительной форме в керенском диалекте, даёт повод думать, что начальным согласным в слове «дать» был именно *г*: *йес* ← **гес*, т.к. обратный переход *й* → *г* через посредство *гг* и *г'*: **гес* → **г'ес* **ггес* → *йес*. Это подтверждают и материалы сравнительной реконструкции, ср. таб. *г'ус*, дарг. *гес*, а также лез. *гун* «дать».

Повелительная форма 1 л. множественного числа образуется от инфинитива посредством побудительной частицы *шаб (шав)*, а в собственно агульском диалекте ещё и *гьаб* «давайте»:

кер. *шав, хьеш сувастти гIвас – тукар кьас!* «давайте, мы пойдём в горы за цветами!»; соб. аг. *шаб/гьаб, хьин сувади вес – тукар акьас!;* хп. *шав, хьин дагъдис гIвас – тукар акьас!,* гех. *шав, хьин суваъ гIвас – тукар акьас!,* цир. *шав, хьин сувади гIвас – тукар акьас!,* кош. *шав, шин суваъ хис – тукар акьас!,* фит. *ша, хьин сувас вес – тукар акьас!*

2. *Условное наклонение.* При помощи аффиксов *чин, чи, шин, тIен* от различных глагольных основ образуются формы условного наклонения в диалектах и говорах агульского языка:

кер. *кьучин* «если сделаешь», соб. аг. *акьучи*, хп. *акьучин,* гех. *акьушин,* цир. *акьушин,* кош. *акьитIен*, фит. *акьушин*;

кер. *кьайчин* «если делаешь», соб. аг. *аркьайчи,* хп. *акьайчин.* гех. *аркьаришин,* цир. *аркьаришин,* кош. *акьайтIен,* фит. *акьашин.*

Посредством аффикса *–ра* от условного наклонения образуется *уступительное наклонение.* В некоторых диалектах и говорах согласный данного аффикса *–ра* ассимилируется предшествующим сонорным *н*, или последний выпадает:

кер. *кьучинна(кьучинра),* «если даже сделает», соб. аг. *акьучира,* хп. *акьучинра,* гех. *акьушира,* цир. *акьушинра,* кош. *акьитIена,* фит. *акьушира.*

кер. *кьайчинна (← кьайчинра)* «если даже делает», соб. аг. *аркьайчира,* хп. *акьайчинра,* гех. *аркьаришинра,* цир. *аркьаришинра,* кош. *акьайтIена (← акьайтIенра),* фит. *акьашинра;*

кер. *кьунайчинна (← кьунайчинра)* «если даже сделал», соб. аг. *акьунайчира,* хп. *акьунайчинра,* гех. *акьунаришинра,* цир. *акьунаришинра,* кош. *акьунайтIена (← акьунайтIенра),* фит. *акьунашинра.*

4. *Желательное наклонение* образуется по диалектам и говорам агульского языка посредством слова *кканегьан (кканигьан), ккандайгьан (ккандийгьан)* «как хотелось бы»:

кер. *ккандайгьан са чIукь хьед* «как хотелось бы немного воды», соб. аг. *ккаnегьан са чIукь хьед,* хп. *ккандийгьан са чIукь хьед,* гех. *ккаnегьан са чIукь хьер.*

5. *Предположительное наклонение* образуется от причастий при помощи глагола *хьасе* «будет», «станет»: кер. *рухаф хьасе* «читает наверное», соб. аг. *хураф хьасе*; кер. *рухуф хьасе* «прочитал наверное», соб. аг. *хуруф хьасе.*

6. *Гипотетическое наклонение* образуется посредством форманта *–гьан.* [Тарланов 1971 : 143], который присоединяется к различным временным формам:

кер. *кихьасегьан?* «напишет, интересно?», соб. аг. *ликIенасегьан?,* хп. *ликIасегьан?,* гех. *ликIесегьан?,* цир. *ликIесегьан?,* фит. *ликIесигьан?;*

кер. *кихьайегьан?* «пишет, интересно?», соб. аг. *ликIендиегьан?,* хп. *ликIайагьан?,* гех. *ликIейегьан?,* цир. *ликIендиегьан?,* фит. *ликIедигьан?;*

кер. *кихьунегьан?* «написал, интересно?», соб. аг. *ликIинегьан?,* хп. *ликIинегьан?,* гех. *ликIинегьан?,* цир. *ликIинегьан?,* фит. *ликIинигьан?*

В кошанском диалекте аффиксом гипотетического наклонения служит *–шен: ликIенас вуйшен?* «напишет, интересно?», *ликIанди вуйшен?* «пишет, интересно?»

7. *Предостерегательное наклонение* образуется путём прибавления к инфинитиву форманта *да* в соединении с особой интонацией [Тарланов 1972 : 143]: кер. *йадарх'ас!* «чтобы не бил!», соб. аг. *дайирхIас!,* хп. *дайархIас!,* гех. *дайархIас!,* цир. *дайархIас!,* кош. *дирхIас!,* фит. *дирх'ас!*

В керенском диалекте формант *да* инфиксируется в отличие от других диалектов и говоров, где он стоит в абсолютном начале слова.

Предостерегательное наклонение образуется и другими морфологическими средствами:

от инфинитива при помощи отрицательного глагола *дахьурай!* «чтобы не был (стал)»:

кер. *кьас дахьурай!* «чтобы не сделал», соб. аг. акьас дахьурай!, хп. *акьас дахьурай!,* гех. *акьас дахьурай!,* цир. *акьас дахьурай*!, кош. *акьас дахьурай!,* фит. *акьас дахьурай!*;

от будущего определённого времени при помощи предостерегательной частицы *аман!* «смотри, ради бога!»:

кер. *аман, заш вас йарх'асе!* «смотри, я тебя побью!», соб. аг. *аман, зун вас йирхIасе!,* хп. *аман, зун вас йархIасе!,* гех. *аман, зун вас йирхIасе!*, цир. *аман, зун вас йирхIасе!,* кош. *аман, зун вас йирхIасу!,* фит. *аман, зун вас ирх'аси!*

8. *Запретительная форма.* Запретительная форма во всех диалектах и говорах агульского языка образуется при помощи запретительной частицы *м* от основы инфинитива:

кер. *хьас* «быть», «стать, становиться» - *мухьа,* соб. аг. *хьас – мухьа,* хп. *хьас – махьа,* гех. *хьас – магIа,* цир. *хьас – магIа,* кош. *хьис – магIа;* фит. *хьас – махьа*;

кер. *кIес* «умереть», «убить» - *малуькIе (мекIе),* соб. аг. *кIес-малуькIе,* хп. *кIес – макIе,* гех. *кIес – малуькIе,* цир. *кIес – малуькIе,* кош. *кIис – мекIе,* фит. *кIес – мекIе.*

Если в глагольной основе содержится преверб, то запретительная частица следует за ним, в хпюкском же говоре запретительная частица всегда стоит в начальной позиции слова:

кер. *хъарх‘ас* «толкнуть», «стучать» - *хъамарх‘а,* соб. аг. *хъирхIас – хъимирхIа,* хп. *хъархIас – махъархIа,* гех. *хъархIас – хъамарIа,* цир. *хъарх‘ас - хъамарх‘а,* кош. *хъарх‘ас - хъамарх‘а,* фит. *хъирх‘ас - хъимирх‘а.*

В собственно агульском диалекте в запретительной форме, образованной от глагольной основы с детерминативным суффиксом корневой *й* переходит в *л*:

соб. аг. *хъузийанас* «толкать» - *хъузимилана,* кер. *хъузийас – хъузмийа,* хп. *хъузиъас – махъузиъа,* гех. *хъузийас – хъузимийа,* цир. *хъузийас – хъузмийа,* кош. *хъадзис – хъамидзе,* фит. *хъузийас – хъузмийа;*

соб. аг. *гъуйанас* «брать» – *магъулана,* кер. *гъушас – магъуша,* хп. *гъуджас – магъуджа,* гех. *гъушас – магъуша,* цир. *гъушас – магъуша,* кош. *акъас – амикъа,* фит. *гъушас – магъуша.*

В керенском диалекте, в отличие от других диалектов и говоров, имеется ещё одна запретительная форма, которая образуется от масдара при помощи глагола *макьа* «не делай»: *рухас* «читать» - *руху макьа* (букв. чтение не делай), *руккас* «резать» - *рукку макьа* (букв. резание не делай), *кихьас* «писать» - *кихьу макьа* (букв. писание не делай), *агъучIас* «взобраться» - *угъучIу макьа* (букв. взбирание не делай), *ъайчIвас* «выходить» – *ъайчIу макьа* (букв. выход не делай).

Обстоятельственные формы глагола. Для образования различных обстоятельственных форм глагола агульский язык прибегает к ряду аффиксов, присоединяемых к причастной форме глагола и инфинитиву.

Посредством аффикса *–гуна (-гана)* образуется обстоятельственная форма глагола со значением «когда…»:

кер. *рухугуна* «когда прочитал», соб. аг. *хуругуна,* хп. *рухугуна,* гех. *хуругуна,* кош. *рухригана,* фит. *хуругана.*

В керенском диалекте и хпюкском говоре с тем же значением «когда...» образуетя обстоятельственная форма глагола от причастия при помощи суффикса *–хIала, -хIал:* кер. *зун хуластти хъайихIала, хула касра адай* «когда я пришёл домой, дома никого не было».

В собственно агульском и гехюнском диалектах, а также в хпюкском говоре суффикс *–хIала, -хIал* образует обстоятельственную форму глагола со значением «потому что...», «из-за того, что...»:

соб. аг. *угъалар дугъухIала, ттиъ ъ'укIерра хьундава* «из-за того, что не было дождей, в этом году плохой травостой», хп. *угъалар даугъухIал, ттиъ ъ'укIера хьундава.*

Данное значение в фитинском говоре образуется посредством суффикса *–гана : угъалар дугъугана, ттиъ ъ'укIера хьундава* id.

Это же значение в кошанском диалекте образуется от деепричастия совершенгного вида посредством форманта *-ъайме·* «оставаясь»: *угIалар дугIунайме иттиъ йикIвара хьинда* (в том же значении).

Обстоятельственная форма со значением «до того, как..» в собственно агульском, кошанском, гехюнском диалектах, а также фитинском, цирхинском говорах образуется от органической формы причастия настоящего времени при помощи аффикса *-гунас, -ганас:*

соб. аг. *верегунас* «до того, как придти», кош. *гIвариганас,* гех. *ваIрегунас,* цир. *гIварегунас,* фит. *вериганас.*

В керенском диалекте, а также в хпюкском говоре эти формы образуются от инфинитива при помощи аффикса *-тти (← *-ди):*

кер. *гIвастти* «до того, как придти», хп. *гIвастти;*

кер. *зун гIвастти, тиди учин кар алгъатIуни* «до того, как я пошёл, он закончил свою работу», хп. *зун гIвастти, ти уьчин кар куьтахI акьуне.*

В агульском языке от деепричастия и инфинитива при помощи суффикса *-да-хIан (→ -тта-хIан)* образуется обстоятельственная форма глагола со значением «пока...», «до тех пор, пока...». В кошанском диалекте

в обстоятельственной форме, образуемой от инфинитива, данный сложный аффикс первую часть (-*да*-) опускает:

кер. *зал жан алмедахIан гагьди, заш рухайи* «до тех пор, пока я жив (до самой смерти), я буду учиться», соб.аг. *зал джан алмедахIан гагьди, зун хурасе,* хп. *зал джан алмедахIан гагьди, зун рухасе,* гех. *зал джан алмедахIан гагьди, зун хурасе,* цир. *зал джан алмедахIан гагьди, зун хурасе,* кош. *зак джан кимейхIан гагьди, зун рухасу,* фит. *зал джан алмидахIан гагьди, зун хураси;*

кер. *кар ккиркIвасдахIан, вун гъузен* «подожди, пока работа кончится», соб. аг. *кар ккиркIвасдахIан, вун гъузен,* хп. *кар куьтагьхьасдахIан, вун гъуз,* гех. *кар ккиркIвасдахIан, вун гъузе,* цир. *кар ккиркIвасдахIан, вун гъузен.* кош. *кар ккеркIуьсхIан, вун агIдзе,* фит. *кар ккуьркIастахIан, вун агъуз.*

Данный суффикс может выступать и в значении «оттого, что…»:

кер. *гъургъадахIан* «оттого, что говоришь», соб.аг. *гъургъадахIан,* хп. *рахадахIан,* цир. *гъургъадахIан,* кош. *вахаридхIан,* фит. *гъургъадахIан.*

Обстоятельственная форма глагола со значением «до…», «прежде, чем…» образуется при помощи суффикса *–гунас, ганас:*

кер. *хIа гIвагунас* «прежде, чем станет большим», соб. аг. *хIа вегунас.* хп. *ахIа гIвагунас,* гех. *ахIа ваIгунас,* цир. *ахIа гIвагунас,* кош. *ахIа верганас,* фит. *ах'а вериганас.*

Посредством аффикса *–да-хIан* (кош. *–хIан),* осложнённого союзом *–на* «и», образуется форма глагола со значением «даже…»:

кер. *гIвасдахIанна* «даже пока пойду», соб. аг. *весдахIанна,* хп. *гIвасдахIанна,* гех. *ваIсдахIанна,* цир. *гIвасдахIанна,* кош. *акъахисхIанна,* фит. *весдахIанна.*

При помощи слова *хаб (хав)* «после, потом» образуется обстоятельственная форма глагола со значением «после того, как…»:

кер. *хъайинахав* «после того, как пришёл», соб. аг. *адегунахаб,* хп. *хъайгунасхаб,* гех. *адегунахав,* цир. *адегунахав,* кош. *аргахъасхъав (← *аргахъасхав),* фит. *адиганахаб.*

Обстоятельственная форма глагола со значением «едва...», «как только..» образуется от органической формы прошедшего времени посредством слов *суман, хилди,* а в кошанском диалекте при помощи слова *фуй.* По мере того как распределяются настоящие слова по диалектам агульского языка можно определить изоглоссы их распространения. На юге (керенский диалект, хпюкский говор) и северо-востоке (фитинский говор) обстоятельственные формы со словом *суман* и *хилди* имеют параллельное употребление: кер. *агусуман / агухилди* «как только увидел», хп. *агусуман / агухилди,* фит. *агусуман / агухилди.* В собственно агульском, гехюнском диалектах и цирхинском говоре, т.е. в центральном регионе распространения агульского языка, данная обстоятельственная форма употребляется со словом *суман:* соб. аг. *агусуман* «как только увидел», гех. *агусуман,* цир. *агусуман.* Кошанская форма (северная периферия распространения агульского языка) стоит особняком: *ракъ'идфуй* «как только увидел».

Данные диалектные формы показывают, что обстоятельственные формы на *хилди,* имеющие распространение на юге и дальше продвигающиеся на северо-восток, и на *фуй,* распространяющиеся на севере, являются инновационными образованиями. Первое слово-морфема распространяется в лезгинском языке, с которым граничат керенский диалект и хпюкский говор, второе – в табасаранском, с которым также на севере граничит кошанский диалект. Собственно слово *суман* суффигирует во внутренней области распространения агульского языка, в той, которая изолирована от иноязыкового влияния.

Масдар. Масдар, или отглагольное имя действия образуется от глагольной основы при помощи аффикса *–уб, -еб, -иб:*

кер. *ухас – ухуб* «питьё», соб. аг. *ухас – ухуб,* хп. *ухас – ухуб,* гех. *ухас – ухуб,* кош. *ухас – ухуб,* фит. *ухас – ухуб;*

кер. *кIес* «умереть», «убить» – *кIиб* «умирание», соб. аг. *кIес – кIеб,* хп. *кIис – кIиб,* гех. *кIес – кIеб,* цир. *кIес – кIеб,* кош. *кIес - кIиб,* фит. *кIес - кIиб.*

Масдар изменяется по падежам и числам: ном. *ухуб,* эрг. *ухуба,* род. *ухубан,* дат. *ухубас;* мн. *ухубар,* эрг. *ухубари,* род. *ухубарин,* дат. *ухубарис.*

Превербы. В агульском языке представлены пространственные и направительные превербы. Они в глаголах выполняют такую же функцию, какую выполняют послелоги в именах существительных.

«В агульском языке представлена система пространственных превербов, соответству[illegible] 158]:

хъ «за», «позади»

л «на»

к «на вертикальной / наклонной плоскости»

кк «под»

гъ' (гI) «между»

ф «около», «рядом»

гь «перед»

[illegible] «внутри»

Глагольные превербы вносят различные смысловые оттенки в общее значение глагольного корня. Возьмём, например, глагол *аькьвас* «сидеть» (без пространственной ориентации):

ъаькьвас «сидеть (в полом пространстве)»

алаькьвас «сидеть (на ком, чём-либо, напр., на лошади)»

каькьвас «сидеть (на вертикальной / наклонной плоскости)»

ккаькьвас «сидеть (под чем-либо)»

гаькьвас «сидеть (между чем, кем-либо)»

афаькьвас «сесть (вплотную)»

агьаькьвас «сидеть (перед кем, чем-либо)»

ахъаькьвас «сидеть (сзади, позади кого, чего-либо)».

Превербы могут вносить и конструктивные изменения в семантическую структуру глагола. Возьмём глагольные формы, различающиеся (варьирующие) превербами:

аккирхIас «подпереть»

хъирхIас «толкнуть»

гIирхIас «вогнать (между...)»

кирхIас «трогать»

алирхIас «бросать, кидать, пускать что-либо в кого-либо».

В диалектах агульского языка наблюдаются функциональные различия в употреблении глагольных превербов, они могут наблюдаться даже в пределах одного и того же диалекта, например, ср. соб. аг. *чукьваригI агIакьвас* (Тпиг) и *чукьвариъ ъикьвас* (Кураг) «сесть на арбу» [Сулейманов 1993].

В керенском диалекте и хпюкском говоре преверб *хъ* кроме основной функции, указывающей на нахождение предмета за кем, чем-либо, в отличие от других диалектов и говоров, имеет ещё и значение повторного и обратного действия [Магометов 1970 : 164]. В других локальных единицах обратное, равно как и повторное действие, выражается описательно:

кер. *цIас* «дать» - *хъуйцIас* «вернуть», соб. аг. *йес* «дать» - *хаб йес* «отдать обратно», хп. *цIас - хъуйцIас,* гех. *эс – хаб эс,* цир. *эс – хаб эс,* кош. *ицIас – хав ицIас,* фит. *ис – хаб ис.*

То обстоятельство, что преверб *хъ* со значением обратного действия распространён в той части агульского языка, где он граничит с лезгинским языком и данное значение у преверба зафиксировано во всех его диалектах и

говорах, говорит о вторичности развития данного значения у преверба *хъ* в агульском языке и является результатом конвергенции.

И ещё об одном процессе конвергентного характера необходимо отметить в области пространственных превербов, распростанённого в керенском диалекте и хпюкском говоре. Речь идёт о пространственных превербах *к* «на вертикальной / наклонной плоскости» и *кк* «под», которые в данных локальных единицах не различаются материально и передаются посредством *к*:

Ср. кер. *зе шасларик чирил кийа* «на моих брюках находится чернильное пятно» и *зе кIеник усттул кийа* «подо мной находится стул» с соб. аг. *зе шафларик чирнил кейа,* но *закк усттул ккейа.*

Такое неразличение данных форм, какое представлено в керенском диалекте и хпюкском говоре, мы наблюдаем в лезгинском и рутульском языках.

«Система пространственных превербов агульского языка в принципе аналогична системе превербов в табасаранском языке, в некотором отношении даже сложнее. Как по значению, так и материально пространственные превербы агульского языка в основном идентичны соответствующим превербам табасаранского языка» [Магометов 1970 : 159].

В агульском языке получают распространение также направительные превербы. Направительным превербам агульского языка посвящена специальная статья Н.Д. Сулейманова [1980 : 202-209], в которой впервые на диалектном материале в сравнительном плане даются исходные формы и их диалектные модификации. К выявленным ранее в специальной литературе направительным превербам добавляются ещё два направительных преверба. определяется их статус. Все направительные превербы рассматриваются в их

генетической связи с направительными превербами группы лезгинских языков.

В агульском языке четыре напарвительных преверба образуют две оппозиционные пары, указывающие на направления:

ч[1] «к ориентиру»

д[2] «от ориентира»

гъ «вверх»

д «вниз»

Примеры: речь селения Тпиг:

ъа-чи-кас	«загнать (скот)»	–	*ъа-ди-кас*	«выгнать»
агъи-кас	«погнать вверх»	–	*ада-й-кас*	«погнать вниз»
ал-чи-кас	«натравить»	–	*ал-ди-кас*	«согнать»
ал-гъи-кас	«погнать наверх»	–	*ала-й-кас (← ала-р-кас ← ала-д-кас)*	«согнать вниз»

Трансформация звука **д*, выражающего движение направленное «вниз», по диалектам и говорам агульского языка:

1. *д*, ∅ [(в речи селений Тпиг и Хутхул (соб.аг.)]
2. *т* [(в фитинском говоре, в речи села Яркуг (соб.аг.)]
3. *р* (в цирхинском говоре)

---

[1] Относительно *ч* А.А. Магометов пишет: «В агульском языке имеются также сложные превербы, вторым компонентом которых является *ч(-)*. Функции этого преверба в сложном превербе не ясны» [Магометов 1970 : 162].

[2] Что касается *д*, то А.А. Магометов склонен считать его компонентом, придающим глаголу противоположное значение «сравнительно с глаголом, оформленным одним пространственным превербом» [Магометов 1970 : 159-161].

[3] О направительных превербах, обозначающих действие направленное «вверх» и «вниз» сказано в специальной литературе, где в качестве их взяты *гъ* и *й* [см. Магометов 1970 : 161-162; Талибов 1969 : 85].

4. ∅ (в керенском, гехюнском диалектах, хпюкском говоре, в речи селения Мисси (соб.аг.)].

Трансформация звука *д, выражающего движение направленное «от ориентира», по диалектам и говорам агульского языка:

1. *д, тт* [в речи селения Тпиг (соб. аг.)].

2. *тт,* ∅ [(в гехюнском диалекте, усугском и бедюкском говоре керенского диалекта, в хпюкском говоре, в речи селений Мисси и Хутхул (соб. аг.)].

3. *тт* [в ричинском говоре керенского диалекта, цирхинском говоре, в речи селений Яркуг и Кураг (соб. аг.)].

4. *т* (в фитинском говоре).

В кошанском диалекте агульского языка в отношении направительных превербов имеются отклонения от общей линии, представленной по другим диалектам и говорам. Здесь помимо направительных превербов, общих с другими диалектами и говорами (это направительные превербы со значением «от ориентира» *т* (← *д), «вверх» *гI (← *гъ')* и «вниз» *тт (← *д)*, арсенал направительных превербов пополняется направительным превербом *къ*, обозначающим движение направленное «от ориентира (изнутри)». Тем самым, в кошанском диалекте движение, направленное «от ориентира» дифференцируется двумя показателями: *къ*, который характерен из диалектов только кошанскому и *т* – общий с другими диалектами и говорами агулського языка. Примеры: *ъа-хис* «войти» – *ъа-къа-хис* «выйти», *хъа-хис* «подойти сзади» - *хъа-т-хис* «отойти сзади», *гIа-хис* ← *(гъа-хис)* «подняться» - *атта-хис* «спускаться», *ала-хис* «идти на...» – *ал-т-хис* «сойти», *гI-ала-хис (← *гъ-ала-хис)* «подняться на...» – *ал-ттахис* «спускаться с...», *ъа-рккас* «загнать (скот)» – *ъа-къарккас* «выгнать (скот)», *гIа-рккас* «загнать между...» – *гIакъа-рккас* «выгнать между...»,

ала-рккас «натравить» – *ал-т-ккас* «отогнать», *гIа-рккас (← *гъ'а-рккас)* «погнать вверх» – *аттаркkас* «согнать вниз».

В отличие от других диалектов и говоров, в кошанском диалекте отсутствует направительный преверб со значением «к ориентиру».

В функциональном плане в кошанском диалекте использование направительных превербов ограничено: они не так свободно присоединяются к глагольному корню как в других локальных единицах (напр., как в собственно агульском диалекте).

Наряду с направительными превербами, встречающимися в составе сложных превербов (а их подавляющее большинство), в агульском языке можно найти простые направительные превербы. Если сложные превербы легко вычленимы из глагольной основы, то вычленение простого направительного преверба из состава глагольной основы сопряжено значительными трудностями. Здесь метод, применяемый для вычленения сложного преверба не годится. Направительный преверб в составе сложных превербов в какой-либо глагольной основе можно проследить на восьми примерах (столько же, сколько пространственных превербов). подменяя один пространственный преверб другим. Для выявления простого направительного преверба необходимо учитывать семантическую сторону. В словах с семантикой, связанной с движением вверх, мы обнаруживаем показатель *гъ*: *гъайшас* «подняться, встать». Ср. данный корень *-ш-* со сложными превербами, в составе которых имеется направительный преверб *гъ*: цир. *хъа-гъа-й-ш-ас* «прыгнуть сзади вверх», *кки-гъа-й-ш-ас* «прыгнуть под вверх»; *гъа-й-к-ас* «поднять (напр., стаю птиц)»; «устраивать свадьбу». Ср. данный корень со сложными превербами, в состав которых входит направительный преверб *гъ*: *ъа-гъи-к-ас* «погнать вверх в…», *хъа-гъи-к-ас* «погнать сзади вверх»; *гъа-див-ас*

«поднять». Ср. *хъа-гъ-див-ас* «поднять сзади», *ал-гъа-див-ас* «поднять на...»»натянуть», *гIа-гъ-див-ас* «поднять между...»;

кер. *гъу-з-ас,* соб. аг. *гъу-з-ап-ас* «стоять», ср. лезг. *къва-з-ун.*

Резюмируя вышеизложенное необходимо констатировать тот факт. что в агульском языке представлена картина неравномерного распространения направительных превербов по диалектам.

Наиболее полно они представлены в центральном ареале. Сильно пострадали направительные превербы, указывающие на движение направленное «к ориентиру» и «вниз»: первый не представлен в кошанском диалекте, второй – в гехюнском, керенском диалектах, хпюкском говоре, в речи села Мисси (соб. аг.) [Сулейманов 1980 : 202-209].

НАРЕЧИЕ

Основным способом образования наречий в агульском языке служит суффиксальный.

Значительное количество наречий образуется от прилагательных при помощи различных суффиксов. В керенском диалекте, как и в других диалектах и говорах, наречия образуются от прилагательных при помощи суффикса *-ди*, если последнему предшествует сонорный согласный: *батIарф* «красивый» – *батIарди* «красиво», *джагварф* «белый» – *джагварди* «бело», *ухьттанф* «хороший, красивый» – *ухьттанди* «хорошо, красиво» и т.д.

Некоторые из слов отступают от данного правила. Такие слова как «ветхо», «черно» присоединяют суффикс *-и*, вместо ожидаемого *-ди: цIуреф* «ветхий» – *цIури* «ветхо», *кIареф* «чёрный» – *кIари* «черно». В кошанском диалекте в этом случае представлен суффикс *–ей*: *цIуред – цIурей.*

В тех случаях, когда наречному суффиксу предшествует не сонорный согласный в диалектах и говорах агульского языка мы имеем разнообразие формантов: в керенском, собственно агульском, гехюнском диалектах, хпюкском и цирхинском говорах – *-и*, кошанском - *-ей* и фитинском говоре – *ид,* которые в конечном счёте восходят к -**ди.*

Примеры: кер., соб. аг., хп., гех., цир. *мучIеф* тёмный» – *мучIи* «темно», кош. *мучIед – мучIей,* фит. *мучIит – мучIид;*

кер., соб. аг., хп., гех., цир. *гъазеф* «зелёный» - *гъази,* кош. *гъазед – гъазей,* фит. *гъазит – гъазид.*

Наречия от существительных образуются в описываемом диалекте также при помощи суффикса *-ди (→ -тти): йагъ* «день» – *йагъди* «денно, целый день», *гIуш* «ночь» – *гIушти (← гIушди)* «целую ночь, в продолжении ночи».

Ряд наречий в керенском диалекте, как и в собственно агульском, образуется от имён существительных при помощи суффикса *-ис:* кер. *цул*

«осень» - *цулис* «к осени», *кь'урд* «зима» – *кь'урдис* «к зиме», *гIул* «лето» – *гIулис* «к лету»; соб. аг. *цул – цулис, ъ'урд – ъ'урдис, гIул – гIулис.*

Суффикс *–ис,* очевидно, является заимствованным из лезгинского языка. Ср. лез. *зул* «осень» – *зулуз* «осенью», *кьуьд* «зима» – *хъуьтIуьз* «зимой», *гатфар* «весна» – *гатфариз* «весной». В отличие от агульского языка, в лезгинском языке сфера употребления данного аффикса шире: он употребляется в лезгинском языке и там, где в агульском применяется суффикс *-уд (→ -уй)*:

кер. *гIуш* «ночь» – *гIуши (← гIушуй)* «ночью», соб. аг., хп., гех., цир. *ъ'уш – ъ'ушуй,* фит. *уьхь' - уьхь'уд;*

кер., соб. аг., хп., гех., цир. *йагъ* «день» – *йагъуй* «днём», кош. *йагI – йагIуй,* фит. *йагъ – йагъуд,* ср. лез. *йиф* «ночь» – *йифиз* «ночью», *йугъ* «день» – *йикъуз* «днём».

Посредством суффикса *-ана* от имён существительных образуются наречия, которые выражают времена года: кер., соб. аг. *цул* «осень» – *цулана* «осенью», *хьид* «весна» – *хьидана* «весной» (ср. кош. *ширквар* «весна» – *ширквара* «весной», фит. *хьидквар* «весна» – *хьидквара*);

кер., кош., фит. *кь'урд* «зима» – *кь'урдана* «зимой»; соб. аг., хп. *ъ'урд – ъ'урдана,* гех., цир. *ъ'ард— ъ'ардана;*

гIул «лето» – *гIулана* «летом».

Наречия в керенском диалекте также как в собственно агульском образуют следующие разряды:

1. **Наречия места:** *миса(ъ)* «здесь», *тиса(ъ)* «там», *гиса(ъ)* «там (внизу)», *лиса(ъ)* «там (наверху)», *гьатиса(ъ)* «вон там», *гьагиса(ъ)* «вон там (внизу)», *гьалиса(ъ)* «вон там (наверху)».

Наречия места могут иметь весь набор парадигматических форм местных падежей: *миса-л, миса-хъ, миса-гI, миса-в* и т.д.

2. **Наречия времени.** Наречия времени различаются по диалектам и говорам агульского языка. Значительные расхождения, в сравнении с

кер., соб. аг., хп., гех., цир., фит. *мучIинан гагь,* кош. *мучIе гIвайи гагь* «сумерки»;

кер. *эбкь'анин гагь,* соб. аг., хп. *абкьанин гагь,* гех., цир. *авкьанан гагь,* кош. *йикь' йагI/нисин гагь,* фит. *абкьанан гагь* «полдень»;

кер., хп. *уьден йагъа,* соб. аг. *удигьан йагъа,* гех., цир. *уригь йагъа,* кош. *хьидагI,* фит. *инагь йагъ* «позавчера».

Вопросительные наречия:

кер., соб. аг., хп. *нандиъас?,* гех., цир. *нандирас?,* кош. *нантIас?/нандиъас?,* фит. *нантIас?* «откуда?»;

мус? «когда?»; *фас?* «почему?», «зачем?»;

кер., соб. аг., хп. *найч?,* гех., цир. *найич?,* кош. *ненди?* «куда?»;

кер., соб. аг., хп., гех., цир., фит. *фидахIан?,* кош. *фахIан?* «сколько?»;

кер., соб. аг., хп., гех., цир., кош. [illegible] *[illegible]I?* «где?».

Наречия степени:

лап «очень», «весьма»;

кер., цир., фит. *кь'айи,* соб. аг., хп., гех. *ъ'айи,* кош: *чIирей* «очень», «слишком»;

кер., соб. аг., хп., гех., цир. *цIуппи,* кош. *цIуббей,* фит. *цIиппи* «крепко, сильно».

Наречия причины:

кер. *хъ'улас,* соб. аг., хп., фит. *хъ'улаъас,* гех., цир., кош. *хъ'алаъас* «назло»;

кер., соб. аг., хп., гех. *кьасуртти,* цир., кош., фит. *кьасурттира* «нарочно».

Наречия-послелоги:

кер., соб. аг., хп. *удигь,* гех., цир. *уригь,* кош. *илагь,* фит. *инагь* «впереди»;

кер., хп., фит. *хуппахъ,* соб. аг. *кьабахъ,* гех., цир., кош. *хавахъ* «сзади, позади»;

кер., соб. аг., хп., гех., цир., кош. *вархал,* фит. *варха* «далеко»;

кер. *кIенекк (кIенек),* соб. аг., гех. *кI'анакк',* цир., фит. *кIенакк,* хп. *кIенек,* кош. *айикк/кIеникк* «внизу»;

кер., тп., гех., цир. *багулив,* хп., фит. *багулиф,* кош. *буглив* «рядом»;

варттал «наверху»;

кер., цир., фит. *гъ'анаъ,* тп., хп., кош., гех. *гIанаъ* «внутри»;

кер. *арай,* тп., хп., гех., цир. *арайиъ,* кош. *йик'ьанагI / арайи,* фит. *арадиъ / йукь'унаъ* «между».

«Наречия-послелоги изменяются соответственно местным падежам» [Магометов 1970 : 171]: *удиг, удигьас, удигьди; багулив, багуливас, багуливди.*

Способы образования наречий по диалектам и говорам агульского языка имеют различия. Так, например, наречие-послелог *хьибел* «ниже», «на низине», имеющий применение в керенском диалекте, а также в фитинском и хпюкском говорах, образован по аналогии наречий-послелогов *варттал* «наверху», *гьавал* «на высоте» и др. В других диалектах и говорах мы имеем другую лексему:

соб. аг., гех., цир. *адиъ,* кош. *исвади/айиккди.*

В диалектах и говорах агульского языка для выражения наречия времени «вечером» употребляются различные варианты одной и той же лексемы: соб. аг. *гIубахъ'ми,* гех. *хIавахъис,* цир. *хIавахъди,* кош. *хевехъди,* фит. *хебухъ'ис.*

В керенском диалекте и хпюкском говоре для передачи этого понятия употребляется лексема *дахIалас.*

Наблюдаются различия по диалектам и говорам и в употреблении количественного наречия «весь», «все». В керенском диалекте и хпюкском говоре формам *джалла (джилла),* применяемым в остальных диалектах и говорах, противостоит наречие *вари*:

соб. аг., гех., цир. *джалла,* кош. *джилла,* но ср. кер., хп. *вари,*

В фитинском говоре эти две формы употребляются параллельно: *вари* / *джалла*.

Путь продвижения наречной формы *вари* лежит в южной периферии распространения агульского языка (керенский диалект, хпюкский говор) и далее тянется на северо-восток (фитинский говор). В фитинском говоре эта форма конкурирует с формой, употребляемой основным массивом диалектов и говоров. Всё это даёт основание считать форму *вари* конвергентной, возникшей в результате языковых контактов агульского языка с лезгинским. Ср. лез. *вири* «все», «весь».

В керенском диалекте, хпюкском и фитинском говорах встречаются также случаи параллельного употребления форм наречий, один из компонентов которых распространён в лезгинском языке:

кер., хп. *къвалав/багулив,* фит. *къвалдуф/багулиф* «рядом», ср. лез. *къвалав* «рядом».

СОЮЗ

Союзы не имеют широкого применения в керенском диалекте так же как в агульском языке вообще и в диалектах и говорах не обнаруживают существенных расхождений.

Соединительными союзами в агульском языке выступают союзы *-на, -ра* «и», которые в тпигском и керенском диалектах могут заменить друг друга:

кер., тп. *чу-ра(-на) чи,* хп., гех., цир. *чуна чи,* кош. *чуйна чи,* фит. *к'уйна чи* «брат и сестра».

Союз *йа* в утвердительной форме выступает в значении «или», а в отрицательной – «ни»: кер. *йа дад адесе, йа бав* «или отец придет или мать»; *йа дадра адинда, йа бавра* «ни отец не пришёл, ни мать (не пришла)».

Из собственно агульских сочинительных союзов можно отметить союзы *миштти* «этак», *тиштти* «так», которые имеют единообразную форму по диалектам и говорам: кер. *тиштти макьа* «не делай так».

Подчинительный союз «если» передаётся параллельными формами *нагагь/эгер:* кер. *нагагь/эгер заш ги х'ар уцунайчин, хьибу йагъа алгъатIаси* «если бы я косил тот луг, закончил бы за три дня».

Союз «едва» по локальным единицам имеет различные формы: *анджах (анжах); баджагьат:*

кер. *ме кьур хьес анжах гьуркIасе* «это зерно нам едва хватит», фит. *ме кьур хьес баджагьат гьуркIаси.*

В диалогах и говорах агульского языка встречается союзное слово *тис хъуттурфуна* «поэтому»: кер. *зав. пул фадавуйи, тис хъуттурфуна зафас кунар гъуйанас хьундава* «у меня не было денег, поэтому я не смог купить одежду».

ЧАСТИЦА

«В агульском языке представлен ряд частиц, придающих слову или целому предложению различные оттенки значения» [Магометов 1970 : 174]. Это вопросительная частица «же?», которая по диалектам и говорам имеет различные варианты:

кер. *хьин? (хи),* соб. аг., гех., цир. *хи?,* кош. *ху?,* фит. *хин?*

Керенская и хпюкская форма *хьин?* указывают на близость их с лезгинской *хьи?,* по другим диалектам и говорам мы имеем различные варианты *-хин? (→ -хи?, -ху?).*

кер. *мегье угъал угъаахьин (угъваахи)*? «вот идёт же дождь?»

В керенском диалекте, как и в подавляющем большинстве диалектов и говоров, в качестве вопросительной частицы «ли?» выступает *-гьан?:* кер. *заш пунде кар, ваш кьунигьан?* «сделал ли ты то дело, что я тебе говорил?»

В кошанском диалекте в роли данной частицы выступает *-шен?*

Ещё одна вопросительная частица встречается в диалектах и говорах агульского языка. Это частица *-в*? (собственно агульский), *-ва*? (керенский. гехюнский диалекты, хпюкский говор) и *-нин*? (кошанский диалект. цирхинский и фитинский говоры), которая присоединяется к спрягаемым формам глагола и придаёт им, или предложению в целом вопросительную интонацию:

кер., хп. *рухаава?,* соб. аг. *хурайав?,* гех. *рухариава?,* цир. *рухарианин?,* кош. *рухайанин?,* фит. *хураданин?* «читаешь?».

В качестве побудительной частицы в керенском диалекте выступает – *гун*, который по другим диалектам и говорам трансмформировался в *–гва* (собственно агульский, гехюнский, кошанский диалекты, хпюкский и цирхинский говоры) → *-га* (фитинский говор), ср. лез. *-кван.*

кер. *гун гъузи, кар кье!* «ну-ка постой, работай!» (принимайся за работу).

Побудительной частицей выступает и частица *гьара* «давай», которая во всех диалектах и говорах имеет одинаковую форму:

кер. *гьара, ме гъван гъадивуна гоотисал лихь*! «давай, подними этот камень и положи вон там!»

Условной частицей в агульском языке служит частица *-чин* «если», которая по диалектам и говорам претерпела фонетические модификации:

кер., хп. *чин,*соб. аг. *чи,* гех., цир., фит. *шин.*

В кошанском диалекте представлен в качестве условной частицы *-тIен.*

Условная частица, осложнённая элементом *ра,* имеет значение «если даже», «хотя»: кер. *заш гидахIан курар кьучира (← кьучинра), зал баркалла хаада* «хотя я и работаю много, меня не оценят».

В керенском диалекте представлена указательная частица *магьа, мегье* «вот»: кер. *мегье, заш дукьунде ккул* «вот сшитый мной тулуп»;

тагьа «вон». В собственно агульском диалекте соответственно мы имеем *магьа, тагьа.*

МЕЖДОМЕТИЕ

В керенском диалете, как и в собственно агульском диалекте, имеется ряд междометий для выражения таких чувств, как удивление – *пагь,* сожаление – *агь, гь-гьарай:* которые материально не различаются по другим диалектам и говорам: кер. *пагь, фиштин угъал угъвайчуг!* «какой идёт дождь!»; *агь, ваш кьуф фийи, гада!* «ах, что ты сделал, парень!»; *гьа-гьарай, фас кьуфи ваш ги кар!* «ах, зачем ты сделал это!»

Представлен ряд слов-междометий, выражающих различные возгласы, скликающие, отпугивающие, предостерегающие, останавливающие и т.д. птиц, животных.

Возглас, скликающий кур:

кер., соб. аг., гех., цир., хп. *къах-къах!,* кош. *къах-къах! / джуь-джуь!.* фит. *къах-къах! / дуь-дуь-дуь!;*

возглас, отпугивающий кур:

кии-кии!;

возглас, отпугивающий собаку:

йери!; фит. *йери! / туьри!;*

возглас, призывающий кошку:

пси-пси!; кош. *пс-пс!*

возглас, погоняющий осла:

кер., соб. аг., хп., гех., фит. *гьач!,* кош., цир. *гьеч!;*

возглас, погоняющий вола:

гьав!; фит. *гьев!;*

возглас, призывающий коров:

чхьай-чхьай!; кош. *чухьай-чухьай!;*

возглас, призывающий козла (козу):

бач-бач!;

возглас, останавливающий вола:

воогьа!

ГЛАВА III

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Диалектная лексика агульского языка совершенно не исследована. Некоторые материалы по диалектной лексике приводятся в монографии А. Дирра и Р. Шаумяна. А. Дирр, который оперировал материалами гехюнского диалекта, к своей работе «Агульский язык» прилагает сборник слов, состоящий приблизительно из 1500 единиц [см. 1907 : 98-156]. Приблизительно такое же количество лексических единиц с различными диалектными вариантами в качестве словаря приводит и Р. Шаумян [см. 1941 : 136-194]. Значительный диалектный материал по агульскому языку привлекает в своем исследовании А.А. Магометов [1970]. Большой диалектный материал по агульскому языку содержат монографии, посвященные сопоставительному изучению дагестанских языков [см. Кибрик, Кадзасов 1988; 1990]. В первой из них содержится 220 статей, которые относятся к глагольной лексике. Агульский материал здесь представляют керенский и кошанский диалекты. Именная лексика объемом в 573 словарной единицы охватывает данные керенского, гехюнского, кошанского диалектов и фитинского говора. Иногда они дополняются материалами собственно агульского (тпигского) диалекта.

Основу словарного состава агульских диалектов и говоров составляет общий лексический фонд, куда входят и заимствования. Керенский диалект наравне с агульским языком в целом также имеет исконную и заимствованную лексику. Исконная лексика делится на: а) лексику, которая входит в общедагестанский фонд; б) лексику, относящуюся к общелезгинскому фонду; в) лексику, относящуюся к общевосточнолезгинскому фонду; г) общеагульскую лексику и д) собственно диалектную лексику.

Значительное количество слов, образующих основу керенского диалекта, являются по своему происхождению общедагестанскими. Это лексика охватывает наиболее важные, жизненно необходимые понятия, такие как части тела, названия небесных светил, предметы окружающей природы, атмосферные явления и т.д. Сюда же входят числительные первого десятка и числительное «сто», глаголы, выражающие такие процессы, которые наиболее часто встречаются в человеческой деятельности: кер. *заз* «колючка, шип» – соб. аг. *заз*; кер. *нис* «сыр» – соб. аг. *нис*; кер. *ирклв* «сердце» – соб. аг. *йирклв*; кер. *кь'уд* «два» – соб. аг. *ъ'уд;* кер. *ккурах* «ярмо» – соб. аг. *урккагъ*; кер. *ахъурас* «открывать» – соб. аг. *дахъас* и т.д.

Керенская лексика, входящая в общелезгинский фонд, представляет собой названия частей тела, времен года, предметов быта, животного мира, отвлеченных понятий: кер. *хил* «рука» – соб. аг. *гъил*; кер. *хьид* «весна» - *хьид*; кер. *жакьв* «воробей» - *джакьв*; кер. *гучI* «страх» - *гучI* и др.

К лексике, которая относится к восточнолезгинскому фонду входят самые различные слова: кер. *ахун* «постель, матрац» – соб. аг. *ахун*; кер. *абкьан* «полуденный» – соб. аг. *абкьанин*; кер. *илагIан* «подкова» – *лиъ'ан*; кер. *атIас* «резать» – *атIас* и т.д.

В сравнении с предыдущими группами собственно агульская лексика в лексической системе керенского диалекта занимает меньше места. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что количество глаголов, связанных с непосредственной хозяйственно-бытовой деятельностью человека здесь возрастает. Это глаголы «вводить, загонять (скот)» – *ъачикас;* «добавить к измеренному, взвешенному» – *алчихьас*; «постелить» – *ккихьас / кихьас*; «высыпать» – *ъаттахъас*; «перекинуть (мост)» – *алихьас / лихьас* и др.

Чем дальше агульский язык отходит от общедагестанского языка-основы, тем больший отрезок его разделяет в пространстве и времени от языков, объединяющихся в прадагестанский язык. После того, как агульский

язык отпочковался от восточно-лезгинского языка и стал на путь самостоятельного развития (до I тыс. н.э.), в его лексике происходят заметные изменения. Еще более заметные лексические модификации происходят после того как агульский язык распался на диалекты.

Лексика керенского диалекта в сравнении с собственно агульским диалектом, который лежит в основе агульского литературного языка, наравне с общим лексическим составом имеет и ряд отличий. Среди них можно выделить: отличия, имеющие фонетический характер; отличия, основанные на семантике; отличия, которые распространяются среди составных наименований и, наконец, отличия, основанные на словах, которые в керенском и собственно агульском диалекте передаются разными наименованиями – собственно диалектизмы.

Определенное место среди различий в лексике керенского диалекта в сравнении с лексикой собственно агульского диалекта занимают фонетические различия:

кер.	соб. аг.	
дагар	*тIагар*	«окно»
багайми	*багагьми*	«утром»
абакьун	*абанкьул*	«лоб»
каркагIуб	*къаркагIуб*	«черепаха»
цIабрухъ'ан	*цIабрахъил*	«бабочка»
урайар	*уриъар*	«мята»
чIиб	*чIив*	«ягода шиповника»
хилиб	*хилив*	«рукав»
гибагIан	*гугIан*	«вязаный носок»
ккурах	*урккагъ*	«ярмо»
жимжир	*синджил*	«цепь»
уъул	*улуд*	«дыра»
гIулжанф	*хIурджалф*	«правый».

Некоторые из фонетических различий, имеющих место между керенским диалектом и собственно агульским, касаются выпадений префиксальной или суффиксальной частей в том или другом диалекте.

ср. кер.	соб. аг.	
хван	*гъванкIар*	«теневой склон»
габал	*ккабалай*	«ящерица»
шиттай	*шатт*	«комар»
алчихьар	*алчахь*	«овес»
йери	*йерйер*	«молотильная доска»
ккукк	*сагуг*	каток для крыши»

Значительный интерес с научной точки зрения представляют семантические преобразования слов. Одно и то же слова в сопоставляемых диалектах (керен... собственно агульском) имеют разнь... Однако необходимо отметить, что эти значения не выходят за пределы определенного семантического поля, например:

кер.	соб. аг.
ср. *кIампур* «губа», но	*кIампур* «морда»
марцI «орел»	*марцI* «гриф»
хамбеф «незамужняя женщина»	*хумбеф* «самка»
маIж «крапива»	*медж* «съедобная трава»
кутIул «ветка»	*кутIул* «прут».

Некоторые из слов данной группы различаются по диалектам по объему своего содержания,

ср. кер. *цIаб* «лист растения (но не дерева)» соб. аг. *цIаб* «лист (вообще)»

хас «нести», «уносить», «брать с собой» *гъас* «нести».

Другие два значения слова *хас*, отмеченные в керенском диалекте в собственно агульском диалекте передается глаголом *файвес.*

Представлены случаи, когда составному слову собственно агульского диалекта в керенском соответствует простое слово при этом в описываемом

диалекте слово является многозначным: кер. *х'ав* «орех», «косточка фруктов» – соб. аг. *бакIли-хев* «косточка фруктов».

В керенском диалекте представлены составные наименования – устойчивые сочетания или описательные конструкции, - которым в собственно агульском диалекте соответствуют такие же устойчивые сочетания или несложные слова,

ср. кер. *кIили хъарх'а гъван*	соб. аг. *ттаргъун*	«надмогильный камень»
фуни гутIул	*мавун чарккв*	«почка»
кьуркьан руд	*сурс*	«пищевод»
къарахIасан	*хинзазай*	«паук»
пIа акьас	*мач икIас*	«целовать»
цIуппе хьас	*джин хьас*	«прятаться»
гунтI хьас	*завал хьас*	«собираться» и т.д.

Самую большую группу составляют слова, которые в керенском и собственно агульском диалектах, имея одно и то же значение, звучат по-разному. Они представляют собой керенские диалектизмы:

кер.	соб. аг.	
гъ'алар	*мурхI*	«сани, дровни»
хулжак	*хьириг*	«веник»
хьеб	*хандаг*	«фундамент»
килайар	*цIуфул*	«очаг»
кь'ватI	*улуд*	«пещера»
хьиттан кIил	*булах*	«родник»
генж	*ручI*	«иней»
цIарф	*цIаьлаьпен*	«молния»
тиреб	*кулак*	«ветер»
хилйн гъ'ан	*гап*	«ладонь»
хам	*кьудакь*	«шкура мелкорогатого скота»
аттучIуф	*асхъай*	«чирей, нарыв»

ччуччу	*ъ'абай*	«папа»
гада	*кIиркI*	«сын»
гъ'*убар*	*укьар*	«баран»
дана	*йард*	«бычок от одного года до трех лет»
тула	*гъуй*	«собака»
букьац	*вакк*	«свинья»
йаман	*кьидибан*	«ёж»
гIулгIулай	*кьуркь / хIаджилеглег*	«журавль»
чIигас	*тIухас*	«вянуть»
цамп	*ъ'аму*	«шаг»
х'урагъ'ан	*раттаккай*	«нищий»
маIллеф	*шергвеф*	«глудкий»
йагIтIас	*аргIас*	«ломаться»
ибх'ас	*даркас / изан акьас*	«пахать»
уттас	*'ттун акьас*	«прясть»
лахьас	*аликIас*	«надевать»
гужал	*къарк*	«кора, кожура»
пицI	*ъ'уркI*	«смола»
жигъа	*ибцIел*	«щепка»
майзар	*къуч*	«чухта»
бер	*лаппатткка*	«железная лопата»
къупи	*газа*	«мотыга»
кIаш	*бакълукъ*	«кувалда»
дукьум	*ттун*	«шерстяная нитка»
месв	*мант*	«трут»
йахал	*ъ'урджан*	«плоское точило»
хабар	*хIикат*	«сказка»
аваз	*ун*	«голос»

хьидулф	*хумбеф*	«самка»
айс	*ахтт*	«вниз»
мукьу	*багу*	«близко»
бабаф	*хIаф / азманф*	«большой»
йаркь'веф	*къикъеф*	«тяжелый»
йалхъунф	*илгунф*	«легкий»
буIшеф	*кара*	«глухой»
йахунф	*забунф*	«худой»
ккеттуф	*исалф*	«узкий»
супIас	*цIуфас*	«сосать»
укьарф	*иллеф*	«самец»
гIуб	*гатIил*	«веревка»
	гирген	
чагъдеф	*кукф*	«жирный (о животных)»
мукьрух	*цIуппеф*	«жадный»
капур	*ханджал*	«кинжал»
силебарин йаккар	*хьамкьам*	«десна»

Керенские диалектизмы по своему происхождению представляют собой единицы разного плана. Многие из них заимствованы из лезгинского языка (*гъ'алар, къвал, хам, чIигас, мукьу, буIшеф, йахунф* и др.), другие являются восточными заимствованиями [*тула* (тюрк.), *дана* (тюрк.); *йаман* (араб.). *хабар* (араб.); *бер* (иран.), *аваз* (иран.), *гада* (иран.), *чагъдеф* (иран.) [см. Селимов 2001]. Интересно отметить, что некоторые восточные заимствования, в частности иранизмы, по своему значению близки к источнику. Естественно было бы предположить, что эти слова проникли через лезгинское посредство и должны были иметь такие же значения как в лезгинском. Однако близость керенских значений с иранскими, опровергает лезгинское посредство. В диалектизмах описываемой локальной единицы задействованы и собственно языковые ресурсы. Так, например, здесь

приведены в действие словообразовательные механизмы, где встречаются способ сложения основ (ср. *хул-жак,* где *хул* ←*хал* «дом, комната» + *жак* – основа глагола *жик-ас* «подметать»), описательный способ (*хьиттан кIил* – букв. «воды начало», *хилин гъ'ан* — «руки нутро», *силабарин йаккар* – «зубов мясо»), суффиксальный способ (*дукь-ум* от основы глагола *дукь-ас* «шить» и суффикса –*ум*), способ переноса значения (*аттучIуф* «вышедший» → *аттучIуф* «чирей, нарыв», т.е. то, что вышло, вылезло). Здесь встречаются и реликтовые глаголы, которые утрачены другими диалектами и говорами агульского языка, но сохранились производные от данных глаголов, ср. кер. *ибх'ас* «пахать» и соб. аг. *ибхIал* «пар»; кер. *уттас* «прясть» и соб. аг. *ттун акьас* «то же».

В описываемом диалекте имеются номинации, которые не имеют эквивалентов в собственно агульском диалекте. К ним относятся:

пIаIж «лист дерева»

нукьи «земляника»

йагъ'ав «ковш» и др.

Некоторые из этих слов являются заимствованиями из соседнего лезгинского языка, ср. лезг. *пеш* «лист дерева», *некьи* «земляника».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во многих своих чертах керенский диалект из диалектов агульского языка стоит ближе к собственно агульскому. Много схождений керенский диалект имеет с хпюкским говором, с которым он граничит на юго-востоке.

Керенский диалект неоднороден с точки зрения его фонетико-морфологической характеристики. Так, к примеру, на северо-западе (ричинский говор) система местных падежей является идентичной системе местных падежей гехюнского диалекта, с которым граничит керенский диалект. И в этой части отличается от парадигмы местных падежей, распространённой в других (бедюкском и усугском) говорах керенского диалекта.

Керенский диалект [illegible]уальных особенностей, которые в основном и определяют его статус как самостоятельного диалекта. Это особенности в фонетической системе, склонении имён существительных, дифференциация форм номинатива и эргатива в личных местоимениях I и 2 лица, вигезимальный счёт в числительных, наличие формы будущего общего времени, аналитической запретительной формы и др. Индивидуальные черты керенского диалекта проявляются и в лексике.

Характеризуемый диалект, находясь на южной оконечности агульского ареала, испытал значительное влияние со стороны лезгинского языка, с которым он граничит на юго-востоке. Обнаруживается, что многие индивидуальные характеристики керенского диалекта оказываются достоянием соседнего лезгинского языка. При этом необходимо учесть: общие схождения с лезгинским языком носят как инновационный характер, так и характер общеязыковых отложений, восходящих к общевосточнолезгинскому или общесамурскому уровню, а в отдельных случаях и к общелезгинскому.

Место керенского диалекта в системе диалектов агульского языка в сжатой форме можно охарактеризовать, основываясь на следующих схождениях и расхождениях.

В области фонетики. Широкое распространение в керенском диалекте получает редукция гласных. Особенно широко она представлена в хпюкском говоре. Данный процесс коснулся в меньшей степени собственно агульского и гехюнского диалектов. Незначительное распространение он получает и в кошанском диалекте. Редукция гласных неодинаково распространяется даже в пределах одного диалекта. В керенском диалекте большее распространение редукция гласных получила в усугском говоре, в сравнении с ричинским.

Редукция гласных в керенском диалекте приводит к таким фонетическим процессам как лабиализация: кер. *áгъчІвас* ← соб. аг. *áгъучІас* «взбираться (вверх)»; качественное изменение согласного: *ъáттучІас* ← **ъáдучІас* «выходить».

В морфологии редукция гласных приводит к совпадению падежных форм: ном. *кІáмай* «придурковатый», эрг. *кІáмай* ← *кІáмайи*; стяжению форм вспомогательного глагола настоящего и прошедшего времени: *кьаа* ← *кьáйа* «делает», *кьýнаа* ← *кьýнайа* «сделал»; совпадению форм будущего времени и инфинитива: *хъучúкас* «заставить», *хъучúкас* ← *хъучúкаси* «заставит».

Редукция гласных может привести и к семантическим модификациям – омонимии: кер. *хъúхьас* І. «положить (за чем-н.)»; 2. «гнаться (за кем-н.)», ср. соб. аг. *хъúхьас* «положить (за чем-н.)», *ахъúхьас* «гнаться)за кем-н.)».

В отличие от других диалектов и говоров в керенском диалекте аффриката *дж* переходит в *ж*. Здесь же представлен фрикативный *гг*, отсутствующий в других локальных единицах.

В керенском диалекте и хпюкском говоре происходит дегеминация простых смычных. Этим явлением охвачены не все единицы керенского диалекта, а лишь речь селений Усуг и Укуз, где в конечной позиции в

односложных словах интенсивные согласные произносятся как обычные придыхательные: кер., хп. *кIват,* ср. соб. аг. *кIватт* «клубок»; кер., хп. *йак,* ср. соб. аг. *йакк* «мясо».

В области морфологии. В отличие от других диалектов и говоров, в керенском диалекте и хпюкском говоре имена существительные с исходом на гласный во множественном числе прибавляют суффикс *-йар:* кер., хп. *кIетIа* «деревянная лопата» – мн. *кIетIайар,* ср. соб. аг. *кIетIа – кIетIабур.* Исключение составляют слова *гуни* «хлеб» – мн. *гунивар, х'они* «корова» – мн. *х'онивар.*

Появление в последних двух словах во множественном числе суффикса *-вар (← *бар),* распространённого и в других диалектах и говорах. свидетельствует о едином инвентаре аффиксов множественного числа для всех локальных единиц агульского языка в прошлом. Присутствие суффикса *-йар* в керенском диалекте и хпюкском говоре – результат инновации, возникшей под влиянием соседнего лезгинского языка.

В керенском диалекте все имена существительные, оканчивающиеся на гласный, в эргативе присоединяют полугласный *й*; гласный *и*, следующий за ним подвергается редукции: кер. ном. *бугьу* «сова», эрг. *бугьуй*; соб. аг. ном. *бугьу,* эрг. *бугьуйи.* Исходной формой аффикса эргатива является *-ди (→ -ри → -йи → -й),* представленная в кошанском диалекте и фитинском говоре: кош. ном. *бугьум* «сова», эрг. *бугьумди,* фит. ном. *бугьу*, эрг. *бугьуди*; кер. ном. *даги «осёл»,* эрг. *дагий,* фит. ном. *деги,* эрг. *дегиди.* В собственно агульском диалекте в существительных, оканчивающихся на узкий гласный *и*, номинатив и эргатив не различаются: ном. *даги* «осёл», эрг. *даги».*

В керенском диалекте у многосложных существительных с исходом на полугласный *й* формы на номинатив и эргатив не различаются: ном. *гугай* «кукла», эрг. *гугай,* но ср. в односложном существительном: ном. *хьей* «шерсть», эрг. *хьейи.*

В речи селения Хвередж отмечается явление языковой аттракции, что особенно бросается в глава на фоне общеагульской морфологической системы. Выравнивание по падежу наблюдается в эргативной конструкции, где субъект (эрг.) выравнивает по себе объект (ном.): *дагий* (эрг.) *муркIа* (эрг.) *йархIуне* «осёл ударил ногой». Аттракция по падежу имеет место в соседнем лезгинском языке: *ламра* (эрг.) *кIуру* (эрг.) *йана* (в том же значении).

Значительные изменения в историческом плане претерпели местные падежи. В историческом прошлом, когда в языке ещё не был выработан специальный аффикс направительного падежа *–ди,* функции направительных падежей совмещали локативные падежи. Это исходное состояние нам сохраняют гехюнский диалект, ричинский говор керенского диалекта (восточный ареал распрост[illegible] агульского [illegible] В центральном ареале развивается полная парадигма местных падежей с тремя падежами в каждой серии, - к ранее имевшимся двум падежам присоединяется направительный падеж с аффиксом *-ди-*, т.е. здесь происходит дифференциация локативных и направительных падежей. Полную парадигму здесь имеет собственно агульский диалект. В юго-восточном ареале в серии на -ъ «в, внутри» вначале зарождается «общенаправительный внесерийный местный падеж» *-с*, а затем с развитием направительной системы с самостоятельным аффиксом *-ди*, в керенском диалекте образуется синкретическая форма *–стти (⟵ -*сди).*

В хпюкском и фитинском говорах «общенаправительный внесерийный местный падеж» *-с* вторично не маркируется собственно направительным формантом *-ди.*

Таким образом, в агульском языке в сфере местных падежей представлены три парадигмы. Первая парадигма образует систему из восьми серий по два падежа в каждой и охватывает западный ареал языка. Вторая образует полную парадигму, состоящую из восьми серий по три падежа в

каждой. Вторая парадигма представлена в центральном ареале. Третья парадигма является ущербной. Во-первых, здесь представлены не все серии. Во-вторых, из направительных падежей выпадает из системы направительный падеж серии на –ъ «в, внутри» (керенский диалект, хпюкский, фитинский говоры, некоторые говоры собственно агульского диалекта).

Между этими тремя парадигмами имеются переходные звенья. Так, к примеру, в кошанском диалекте представлено параллельное употребление двух первых парадигм, т.е. здесь функции направительных падежей, наравне с собственно направительными падежами, могут выполнять и локативы. В цирхинском говоре у части серий собственно направительные падежи н развились.

Вигезимальный счёт счисления, представленный в керенском диалекте и хпюкском говоре, мы считаем явлением вторичным – результатом влияния лезгинского языка, с которым граничат данные локальные единицы. Основным доводом в пользу выдвинутого нами положения может послужить то обстоятельство, что ареал вигезимальной системы распространяется на ту часть территории, которая в прошлом имела культурно-экономическую и политическую общность с лезгинами, продолжающуюся и по сей день. Ярко двадцатеричная система выражена в керенском диалекте в юго-восточной части его локализации (в точке соприкосновения с лезгинами) и колеблется между децимальной и вигезимальной в западной части (в точке соприкосновения с собственно агульцами).

В агульском языке подавляющее большинство диалектов и говоров не различает форм номинатива и эргатива в личных местоимениях, в керенском диалекте эти формы дифференцированы. Выделение керенского диалекта дифференциацией форм номинатива и эргатива на общеагульском фоне, даёт основание считать данный процесс как результат влияния лезгинского языка, в котором данное явление представлено во всех локальных единицах.

В керенском диалекте, наряду с кошанским диалектом, хпюкским и фитинским говорами, представлены указательные местоимения с отдалённой ориентацией: *гооти* «тот (дальний)», *гьооги* «тот (дальний внизу)» и т.д.

В керенском диалекте, как и в хпюкском говоре, где глагольная основа не содержит детерминативного суффикса, деепричастие несовершенного вида присоединяет суффикс *-ай.* В фитинском говоре, где также основа глагола не содержит детерминативный суффикс, в деепричастии несовершенного вида представлена исходная форма данного суффикса -**ди*, промежуточная форма *-ари* – в гехюнском диалекте: кер. *кьас* «делать» – деепр. несов. в. *кьай,* хп. *акьас – акьай,* гех. *акьас – аркьари,* фит. *акьас – акьад.*

В керенском диалекте, хпюкском и фитинском говорах не представлен и инфиксальный *р,* представленный в других языковых единицах у некоторых глаголов в деепричастии несовершенного вида и во всех формах, образованных от него, а также в запретительной форме: кер. *укьас* «сидеть» – деепр. несов. в. *укьай,* запр. ф. *умукье*; хп. *икьвас – икьвай, микьва,* фит. *уькьвес – уькьвед, уьмуькье,* ср. соб. аг. *экьвас – эркьвай, амэркьва.*

Форма прошедшего времени вспомогательного глагола абстрактного значения *е* «есть», «суть» в керенском и собственно агульском диалектах претерпела изменения: кер. *ий*, соб. аг. *и* «был», которая восходит к **иди* (фит.) через посредство *ири* (гех.).

В качестве вопросительной частицы в вопросительной и вопросительно-отрицательной формах керенского и собственно агульского диалектов представлена *-ва.* В кошанском диалекте, фитинском и цирхинском говорах вопрос передаётся специальной частицей *н*, которая и является собственно вопросительной частицей.

Будущее общее время является привилегией керенского диалекта, в других локальных единицах данная временная форма не представлена: *цIайе* «дам», *хайе* «буду нести» и др.

В образовании повелительного наклонения по диалектам и говорам агульского языка наблюдаются расхождения, которые большей частью падают на долю гехюнского, кошанского диалектов и цирхинского говора. На общеагульском языковом фоне способ образования повелительного наклонения 2 л. ед. и мн. ч. в этих единицах (северо-западный ареал) не укладывается в общую схему. Здесь, по всей вероятности, мы имеем явление конвергентного порядка, такого, которое перекликается с способом образования повелительного наклонения в табасаранском языке. В керенском, собственно агульском диалектах, хпюкском и фитинском говорах формы ед. и мн. ч. 2 л. повелительного наклонения не различаются. В кошанском, гехюнском диалектах и цирхинском говоре повелительная форма 2 л. во множественном числе присоединяет аффикс *-ерай* [(собственно - *-ай*, а *-ер* является аффиксом повелительного наклонения 2 л. единственного числа, который всплывает во множественном числе, ср. кош. (речь селения Худиг): *акьас* «делать» - *акьер!* (ед.), *акьер-ай!* (мн.)].

Кер., соб. аг., хп., *фит. ухас «пить» – ух! (ед., мн.), но кош. ухас – ух! (ух-ер!) (ед.), ух*-ер-ай! (мн.), гех., цир. *ухас - ух!* (ед.), *ух-ерай!* (мн.).

В керенском диалекте, в отличие от других диалектов и говоров, имеется ещё одна запретительная форма, которая образуется от масдара при помощи глагола *макьа!* «не делай!»: *агъучIу макьа!* «не взбирайся!» (букв. взбирание не делай!).

В керенском диалекте и хпюкском говоре преверб *хъ* кроме основной функции, указывающей на нахождение предмета за кем, чем-либо, в отличии от других диалектов и говоров, имеет ещё и значение повторного и обратного действия. В других локальных единицах обратное, равно как и повторное действие, выражаются описательно: кер., хп. *цIас* «дать» – *хъуйцIас* «вернуть», ср. соб. аг. *йес* «дать» – *хаб йес* «вернуть». То обстоятельство, что преверб *хъ* со значением обратного действия распространён в той части агульского языка, где он граничит с лезгинским языком, говорит о

вторичности развития данного значения у преверба *хъ* в агульском языке и о конвергентном характере данного явления. (Ср. также материалы рутульского и цахурскогро языков, где *хъ-*, как и в керенском диалекте имеет значение повторного и обратного действия).

В агульском языке представлена картина неравномерного распространения направительных превербов по диалектам и говорам. Наиболее полно они представлены в центральном ареале. Сильное изменение претерпели направительные превербы, указывающие на движение направленное «к ориентиру» и «вниз»; первый из них не представлен в кошанском диалекте, второй – в гехюнском, керенском диалектах, хпюкском говоре, в речи села Мисси (соб. аг.). В первом случае преверб не получил развития в кошанском диалекте, во втором случае отсутствие преверба в составе глагольных основ вышеуказанных единиц является результатом трансформации звонкого дентального *д* в *∅*. Последовательные звенья этого перехода **д → р → й → ∅* представлены в диалектах и говорах агульского языка.

Способы образования наречий по диалектам и говорам агульского языка также имеют различия. Так, например, наречие-послелог *хьибел* «ниже», «на низине», имеющий применение в керенском диалекте. а также в фитинском и хпюкском говорах, образован по аналогии наречий-послелогов *вартпал* «наверху», *гьавал* «на высоте». В других диалектах и говорах мы имеем другую лексему: соб. аг., гех., цир. *адиъ*, кош. *исвади/айиккди.*

Наблюдаются различия по диалектам и говорам в употреблении количественного наречия «весь», «все». В керенском диалекте и хпюкском говоре формам *джалла (джилла),* применяемым в остальных диалектах и говорах, противостоит наречие *вари.*

Наречная форма *вари* распространяется в южной периферии распространения агульского языка (кер., хп.), дальнейший путь продвижения её тянется на северо-восток (фит.). В фитинском говоре форма *вари*

конкурирует с формой *джалла,* употребляемой основным массивом диалектов и говоров. Всё это даёт основание считать форму *вари* конвергентной, возникшей в результате языковых контактов агульского с лезгинским. Ср. лез. *вири* «все», «весь».

В керенском диалекте, хпюкском и фитинском говорах встречаются также случаи параллельного употребления форм наречий, один из компонентов которых распространён в лезгинском языке: кер., хп. *къвалав/багулив,* фит. *къвалдуф/багулиф «рядом»,* ср. лез. *къвалав* «рядом».

Диалектная лексика и лексика агульского языка в целом еще не была предметом специального исследования. Некоторые материалы о диалектной лексике содержатся в работах исследователей агульского языка (А. Дирр, Р. Шаумян, А.А. Магометов, А.А. Кибрик и С.В. Кодзасов). Лексика керенского диалекта в сравнении с собственно агульским диалектом, который лежит в основе агульского литературного языка, наравне с общим лексическим составом имеет и ряд отличий. Среди них можно выделить: отличия, имеющие фонетический характер; отличия, основанные на семантике; отличия, которые распространяются среди составных наименований и, наконец, отличия, основанные на словах, которые в керенском и собственно агульском диалекте передаются разными наименованиями – собственно диалектизмы. Семантические преобразования слов в сопоставляемых диалектах (керенском и собственно агульском) строятся на различении значений. Однако они не выходят за пределы определенного семантического поля. Некоторые из слов данной группы различаются по диалектам по объему своего содержания, ср. кер. *хас* «нести», «уносить», «брать с собой» и соб. аг. *гъас* «нести». Самую большую группы составляют слова, которые в керенском и собственно агульском диалектах, имея одно и то же значение, звучат по-разному. Они представляют собой керенские диалектизмы, которые по своему происхождению представляют собой единицы разного

плана. Многие из них заимствованы из лезгинского языка, другие являются заимствованиями из восточных языков. В диалектизмах описываемой локальной единицы задействованы и собственно языковые ресурсы: здесь приведены в действие словообразовательные механизмы, где встречаются способ сложения основ, описательный способ, суффиксальный способ, способ переноса значений. Кроме того в керенском диалекте имеются номинации, которые не имеют эквивалентов в собственно агульском диалекте:

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

аг. – агульский язык
бед. – бедюкский говор
буд. – будухский язык
ВЯ – Вопросы языкознания
гех. – гехюнский диалект
гюн. – гюнейский диалект
дарг. – даргинский язык
запр. ф. – запретительная форма
ИКЯ – Иберийско-кавказское языкознание
инкл. – инклюзив
исх. – исходный падеж
кер. – керенский диалект
кош. – кошанский диалект
крыз. – крызский язык
лез. – лезгинский язык
лок. – локативный падеж
мат. –материалы
мест. – местный падеж
мн. – множественное число
напр. – направительный падеж
рич. – ричинский говор
рут. – рутульский язык
соб. аг. – собственно агульский диалект
таб. – табасаранский язык
уд. – удинский язык
ус. – усугский говор
уч. зап. – ученые записки
фит. – фитинский говор
хп. – хпюкский говор
цах. – цахурский язык
цир. – цирхинский говор
экскл. – эксклюзив

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абакарова Ф.О.* Именное склонение в уркарахском диалекте даргинского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1956.

2. *Абдулжамалов Н.А.* Фийский диалект лезгинского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 1966.

3. Агулы // Сборник статей по истории, хозяйству и материальной культуре. Махачкала, 1975. 186 с.

4. *Алексеев М.Е.* Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. М.: Наука, 1985. 160 с.

5. Армянская география VII в. Пер. К.П. Патканова. СПб., 1877.

6. *Асалиев Д.А.* Кимильский говор и его место в диалектной системе лезгинского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 2004. 21 с.

7. *Бабаев В.А.* Яргунский говор лезгинского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 1998.

8. *Бокарёв Е.А.* К реконструкции падежной системы пралезгинского языка // Вопросы грамматики. М.; Л., 1960.

9. *Бокарёв Е.А.* Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках // Язык и мышление. Т. 2. М.; Л., 1948.

10. *Гаджибеков Г.* О наречиях и алфавите лезгинского языка. Махачкала, 1923.

11. *Гаджиев М.М.* О некоторых особенностях аныхского говора лезгинского языка // Учен. зап. ИИЯЛ. Т. 2. 1957. С. 211-223.

12. *Гаджиев М.М.* (Из лингвистического наследия). Кубинский диалект лезгинского языка. Махачкала, 1997. 214 с.

13. *Гаджиев С.М.* Лезги чIалан ахцегь диалектдин кьетIенвилер ва тарс гудай вахтунда абур гьисабда къачун // Дидед чIалан учительриз куьмек

(1953-йисан педагогический чтениеда авур докладар). Вып. 3. Махачкала 1954. С. 31-34.

14. *Гайдаров Р.И.* Лезги чIалан диалектология. Лезги чIалан учителяр ва литфакдин студентар патал. Махачкала, 1963.

15. *Гайдаров Р.И.* Ахтынский диалект лезгинского языка (По данным сел. Ахты). Махачкала, 1961. 165 с.

16. *Ганиева Ф.А.* Джабинский диалект лезгинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1980. 23 с.

17. *Гаприндашвили Ш.Г.* О природе лабиализации в некоторых иберийско-кавказских языках // ИКЯ. Т. 7. Тбилиси, 1955.

18. *Гаприндашвили Ш.Г.* Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка // Труды Сталинирского пед. ин-та, 1956. Т. 3.

19. *Гаприндашвили Ш.Г.* Фонетика даргинского языка по данным диалектов: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тбилиси, 1956.

20. *Гаприндашвили Ш.Г.* Фонетические особенности цудахарского диалекта даргинского языка по данным аула Хежал-Махи // Языки Дагестана. Вып 1. Махачкала, 1948.

21. *Гасанова С.М.* Особенности падежной системы чирагского диалекта даргинского языка // Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979.

22. *Гасанова С.М.* Очерки даргинской диалектологии. Махачкала, 1971.

23. *Гасанова С.М.* Спряжение глагола в Урахинском, Уркарахском и Цудахарском диалектах. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1956.

24. *Генко А.Н.* Ахтынские тексты // Докл. АН СССР. Серия В. 1926. С. 17-18.

25. *Генко А.Н.* Материалы по лезгинской диалектологии. Кубинское наречие // Изв. АН СССР. Отделение гуманитарных наук. Серия 7, 1929, № 4. С. 317-342.

26. *Гигинейшвили Б.К.* Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977. 166 с.

27. *Гукасян В.Л,* Об одном случае замены эргативного падежа при переходном глаголе именительным падежом в ниджском диалекте удинского языка // Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. Нальчик, 1977.

28. *Гукасян В.Л.* Фонетические и морфологические особенности ниджского диалекта удинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1966.

29. *Гюльмагомедов А.Г.* Куткашенские говоры лезгинского языка (по данным селений Лаза и Дуруджа): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1966. 21 с.

30. *Джапаридзе З.Н.* Некоторые фонетические особенности речи селений Манас-Аул и Аркас // Учен. зап. ИИЯЛ. Т. 3. Махачкала, 1957.

31. *Дирр А.* Агульский язык. Тифлис, 1907. 188 с.

32. *Жирков Л.И.* Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941. 132 с.

33. *Жирков Л.И.* Законы лезгинского ударения // Язык и мышление. Т. 10. М.; Л., 1940.

34. *Зиндер Л.Р.* Общая фонетика. Л., 1960.

35. *Ибрагимов Г.Х.* Цахурский язык. М., 1990. 239 с.

36. *Ибрагимов Г.Х.* Рутульский язык (синхронная и диахронная характеристика диалектов): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1980. 48 с.

37. *Ибрагимов Г.Х.* Рутульский язык. М., 1978. 308 с.

38. *Ибрагимов И.Г.* Агулы в XVIII – первой половине XIX в. (проблемы социально-экономического развития и политического устройства): Автореф. дис. ... канд. историч. наук. Махачкала, 1999. 23 с.

39. *Исаев М.Г.* Особенности тлянадинского говора анцухского диалекта аварского языка: Автореф. дис. .. канд. филол. наук. Махачкала, 1975.

40. *Исаков И.А.* Кусурский диалект аварского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1981.

41. *Калоев Б.А.* Агулы. М., 1954.

42. *Каландаров М.И.* Из терминологии ковроделия у лакцев Балхара // Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. Махачкала, 1984.

43. *Каландаров М.И.* Балхарский диалект лакского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1985.

44. *Каландаров М.И.* О классных показателях в перфектных основах глагола в балхарском диалекте лакского языка // Глагол в языках Дагестана. Махачкала, 1980.

45. *Кибрик А.Е., Кодзасов С.В.* Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М.: Изд-во Московского университета, 1988. 226 с.

46. *Кибрик А.Е., Кодзасов С.В.* Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: Изд-во Московского университета, 1990. 365 с.

47. *Кодзасов С.В.* Фаринго-ларингальное сужение в дагестанских языках // Актуальные проблемы дагестанско-нахского языкознания. Махачкала, 1986. С. 16-44.

48. *Котович В.Г.* Археологические работы в горном Дагестане. МАД. Т. 2. Махачкала, 1961.

49. *Магомедов М.А.* Арадерихские говоры аварского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1993.

50. *Магомедова С.Д.* Склонение имен в агульском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1997. 21 с.

51. *Магомедова Э.Д.* Фоно-морфологические и лексические особенности буркиханского диалекта агульского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2001. 18 с.

52. *Магометов А.А.* Лабиализованные звуки в даргинском языке // ИКЯ. Т. 5. Тбилиси, 1953.

53. *Магометов А.А.* Табасаранский язык. Тбилиси, 1965.

54. *Магометов А.А.* Агульский язык. Тбилиси, 1970. 242 с.

55. *Магометов А.А.* Кубачинский язык. Тбилиси, 1963.

56. *Магометов А.А.* Личные местоимения лезгинских языков // Вестник отд. обществ. наук АН Груз. ССР, № 4, 1963. С. 241-255.

57. *Магометов А.А.* Мегебский диалект даргинского языка. Тбилиси, 1982.

58. *Магометов А.А.* Об одном числительном в агульском языке // ИКЯ. Т. 17. Тбилиси, 1970.

59. *Магометов А.А.* Реликты грамматических классов в агульском языке // Вестник отд. обществ. наук АН Груз. ССР, № 3, 1962. С. 161-197.

60. *Магометов А.А.* О структуре глагола в табасаранском языке // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М., 1962.

61. *Мегрелидзе И.В.* Из дидойской диалектологии // Тр. Сталинирского Гос. пед. ин-та. Т. 2. Сталинир, 1955.

62. *Мейланова У.А.* Стальский говор лезгинского языка // Уч. зап. ИИЯЛ. Т. VI. Махачкала, 1959. С. 307-330.

63. *Мейланова У.А.* Морфологическая и синтаксическая характеристика падежей лезгинского языка. Махачкала, 1960.

64. *Мейланова У.А.* Гилиярский смешанный говор и его место в системе лезгинских диалектов // Уч. зап. ИИЯЛ. Т. V. Махачкала, 1958. С. 248-263.

65. *Мейланова У.А.* Краткая характеристика гюнейского диалекта лезгинского языка // Уч. зап. ИИЯЛ. Т. III. Махачкала, 1957. С. 213-243.

66. *Мейланова У.А.* Гюнейский диалект – основа лезгинского литературного языка. Махачкала, 1970. 192 с.

67. *Мейланова У.А.* Очерки лезгинской диалектологии. М., 1964. 416 с.

68. *Мейланова У.А.* Очерки лезгинской диалектологии: Автореф. дис. ... докт филол. наук. М., 1965.

69. *Мейланова У.А.* Основные вопросы формирования и функционирования категории числа в лезгинском языке // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985. С. 52-59.

70. *Мехтиханова Р.Х.* Система глагола в цудахарском диалекте даргинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1975.

71. *Микаилов Ш.И.* О некоторых фонетических особенностях южно-аварских диалектов // Труды Второй научной сессии Дагестанской научно-исследовательской базы АН СССР. Махачкала, 1949.

72. *Микаилов Ш.И.* Основные фонетико-морфологические особенности чохского говора аварского языка // Языки Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1948.

73. *Микаилов Ш.И.* Очерки аварской диалектологии. М.; Л., 1959.

74. *Микаилов Э.Ш.* Кутишинская группа говоров аварского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1968.

75. *Муркелинский Г.Б.* Говоры аштикулинского диалекта лакского языка // Учен. зап. ИИЯЛ. Вып. 2. 196[illegible]

76. *Муркелинский Г.Б.* Краткие сведения о вихлинском диалекте лакского языка // Языки Северного Кавказа и Дагестана. Вып. 2. М.; Л., 1949.

77. *Муртазаева Д.А.* Фонетические и морфологические особенности ашарского говора лезгинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2005. 20 с.

78. *Рамазанов Х.Х.* Из истории антифеодальной борьбы крестьян Южного Дагестана в 18 веке // Учен. зап. ИИЯЛ. Т. 10. Махачкала, 1962.

79. *Салимов Х.С.* Гагатлинский говор андийского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1968.

80. *Селимов А.А.* Словарь ориентализмов лезгинского языка. Махачкала, 2001. 545 с.

81. *Старостин С.А.* Реконструкция пралезгинских именных косвенных основ на гласный // Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках. Девятая рег. научн. сессия: Тезисы докладов. Махачкала, 1981. С. 75-76.

82. *Сулейманов Н.Д.* Глагол в керенском диалекте агульского языка // Морфологическая структура дагестанских языков. Махачкала, 1981. С, 135-154.

83. *Сулейманов Н.Д.* Система консонантов керенского диалекта агульского языка // Фонетическая система дагестанских языков. Махачкала, 1981. С. 151-168.

84. *Сулейманов Н.Д.* Словообразование в агульском языке // В журнале «Дружба» (на лезг. яз.). Махачкала, 1978. № 2. С. 103-106.

85. *Сулейманов Н.Д.* Морфемная структура имён в группе лезгинских языков // Морфемный строй дагестанский языков. Махачкала, 1989.

86. *Сулейманов Н.Д.* Направительные превербы агульского языка (в их связи с направительными превербами группы лезгинских языков) // Мат. Шестой рег. научн. сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1980. С. 202-209.

87. *Сулейманов Н.Д.* Направительный падеж серии на –ъ «в, внутри» в языках восточнолезгинской подгруппы (К агульско-лезгинским ареальным связям) // Выражение пространственных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1990. С. 72-74.

88. *Сулейманов Н.Д.* Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала, 1993. 210 с.

89. *Талибов Б.Б.* К вопросу о структуре именных и глагольных основ в лезгинских языках // Мат. Первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969.

90. *Талибов Б.Б.* Сравнительная фонетика лезгинских языков. М.: Наука, 1980. 350 с.

91. *Тарланов З.К.* Рецензия на работу А.А. Магометова «Агульский язык» // ВЯ, 1972. № 2.

92. *Тарланов З.К.* Агулы: их язык и история. Петрозаводск, 1994. 287 с.

93. *Темирбулатова С.М.* Выражение пространственных и временных отношений в даргинском языке (На материале хайдакского диалекта): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1984.

94. *Темирбулатова С.М.* Выражение пространственных отношений указательными местоимениями хайдакского диалекта даргинского языка // Местоимение в языках Дагестана. Махачкала, 1983.

95. *Темирбулатова С.М.* Об одной глагольной форме хайдакского диалекта даргинского языка // Глагол в языках Дагестана. Махачкала, 1980.

96. *Темирбулатова С.М.* Хайдакский диалект даргинского языка. Махачкала, 2004. 304 с.

97. *Топуриа В.Т.* К вопросу о редукции гласных в картвельских языках // ИКЯ. Т. 1. Тбилиси, 1946.

98. *Топуриа Г.В.* Морфология склонения в дагестанских языках: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тбилиси, 1987.

99. *Трубецкой Н.С.* Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. 560 с.

100. *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в 17 веке. Махачкала, 1973.

101. *Услар А.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Т. 6. Кюринский язык. Тифлис, 1896. 639 с.

102. *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Т. 3. Аварский язык. Тифлис, 1889. 295 с.

103. *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Т. 4. Лакский язык. Тифлис, 1890. 436 с.

104. *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Т. 7. Табасаранский язык. Тбилиси, 1979. 1070 с.

105. *Услар П.К.* Этнография Кваказа. Языкознание. Т. 5. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892. 670 с.

106. *Хайдаков С.М.* Очерки по лакской диалектологии. М., 1966.

107. *Хайдаков С.М.* Балхарский диалект лакского языка // Труды Института языкознания АН СССР, 1954. Т. 3.

108. *Ханмагомедов Б.Г-К.* Система местных падежей в табасаранском языке. Махачкала, 1958.

109. *Церцвадзе И.И.* Анцухский диалект аварского языка // ИКЯ. Т. 2. Тбилиси, 1948.

110. *Чикобава А.С.* Диалектные вариации инфинитива в аварском языке // Изв. ИЯИМК. Т. 1. Тбилиси, 1957.

111. *Чикобава А.С., Церцвадзе И.И.* Аварский язык. Тбилиси, 1962 (на груз. яз.).

112. *Шалбузов К.Т.* К вопросу о классификации диалектов табасаранского языка // Учен. зап. ИИЯЛ. Т. 18. Махачкала, 1968.

113. *Шалбузов К.Т.* Морфологические особенности хивского говора табасаранского языка // Морфологическая структура дагестанских языков: структурные и категориальные свойства речевых единиц. Махачкала, 1981.

114. *Шаумян Р.* Предварительное сообщение об агульском языке Отдельный оттиск. М.; Л., 1936. С. 203-236.

115. *Шаумян Р.* Грамматический очерк агульского языка. М.; Л., 1941. 198 с.

116. *Шихсаидов А.Р.* Надписи рассказывают. Махачкала, 1969.

117. *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X-XII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984. 463 с.

118. *Шор Р.* К вопросу о так называемых «гаминатах» (усиленных смычных) в яфетических языках Дагестана // Языки Северного Кавказа и Дагестана. Вып. 1. М.; Л., 1935. С. 135-154.

119. *Deeters G.* Die kaukasischen Sprachen der Orientalistik. Siebenter Band «Armenische und kaukasische Sprachen». Leiden / Köln, 1963.

120. *Erckert R.* Die Sprachen kaukasischen Stammes. Wien, 1895.